

ISSN 2221-9331

Литературно-художественный журнал

Том 27
2015

Институт Восточно-Славянской цивилизации
г. Харьков

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Председатель – А. Г. Романовский

Главный редактор – Л. И. Мачулин

Редакция не ведёт полемику на страницах издания.
Переписка с читателями по усмотрению редакции.
Рукописи не рецензируются и не возвращаются.

Адрес для писем: а/я 9127, Харьков, 61057, Украина.

e-mail: editor01@list.ru
<http://slvn.org/>
тел./факс +38 (057) 700-40-25

Володимир БАЗИЛЕВСЬКИЙ
НА РОЗЛОМАХ ЕПОХ

* * *

Існування оксамити,
полотно й сатин
розлізаються — не зшити
зношених тканин.

В центрі шиєш, збоку рветься,
вушко голки не дається,
вислизає з рук.
Заливається-сміється
вічний крук.

«Заялозив пишні шати,
смішно решето латати,
вправніша ота,
що блукає самотою,
самосійною травою
горбики лата».

* * *

Жіночі обриси озер
й заплав про землю більше скажуть,
ніж розум, що в копальні ер
занурюється, як у сажу.

З е м л я р и м у є ть с я з м а л я,
і р и м а ц я н е в и п а д к о в а.
З е м л я — ц е л О н О, п р о м о в л я
О-к р у г л і с т ь, О — її О с н О в а.

Овал, примхливість ліній, звив —
це ж таємниці материзни.
Деметри владної мотив
в сполуці епіки й ліризму!

З яких він виник порожнеч,
що в нім вібрація боляща?
О земле-жінко!
З вуст предтеч
ім'я твоє — дітородяща.

* * *

Замало оку земного свята,
меланхолійно зорить в зеніт.
Пійматись легко в сильце пернатих,
та важко стежити їх політ.

Муштрує хори пташиний Кошиць,
в сполуках соло і віражі.
Олійний день у розвилках ножиць —
вісон повітря стрижуть стрижі.

Душа на прив'язі.
Однак воліє
забути правду, яка гірка:
діймає-дражниться чужа стихія,
лукаво зманює, а не пуска.

* * *

Я до цих перемін неохочий:
квіти — радість природи і сміх.
Тут же більшість заплющила очі,
мало тих, що розплющують їх.

Відсміялись півонії й маки,
не сурмить паничева сурма.
Фіолетовий килим клематіс
над альтанкою не підійма.

Сумно-сумно дивитись на все це,
бо й рослинна печаль не чужа.
Над каліцтвом розбитого серця
похилилась розбита душа.

* * *

У невмиваному грудні
і думки невмивані.
Чорнопикі та остудні,
з грудей грудня вирвані.

Наливай же, самотизно,
та не квапся — першою.
За невмивану Вітчизну
ви́ємо — полегшає.

Доростуть до свята будні
в трунку лоз грайливому
у невмиваному грудні,
у добу невмивану.

* * *

Плакав вересень за літом,
вслід подавсь без вороття.
Воском жовтня не зігріти
холодіюче життя.

В світлім присмерку вмирання
краще б жити без думок.
Та скрипить про доживання
доживаючий листок.

Без запрошення на плечі
тихо сяде — доживай
і не бійся порожнечі.
Там тепліше. Прощавай.

* * *

Глибока душа, як глибока ріка,
така ж потайна і така ж непрозїрна.
Її глибина легкокомисних ляка,
плоди її ум вітрогона не зірве.

Глибока душа, як глибока ріка,
така ж зосереджена й неметушлива.
Марнот марнослав'я й торгїв уника,
вона глибиною своєю щаслива.

Чи землю скородить, чи водить пером,
веде свою борозну, знявши забрало.
туди, де по черзі під горній псалом
глибоких — і тільки — впускають за браму.

* * *

Запечатаний мов конверт,
глухо ремствує інтроверт.
Загубивсь між комах і трав,
втратив голову сивоглав.

Чують ніздрі травневий хміль,
ловить око серпневий плід.
Та важка сімдесята сіль
ваготою пропащих літ.

Споконвічна триває гра,
нерозчинна сіль і тверда.
І на вістрі його пера
ті ж розгуба і ворожда.

* * *

Народився і вмер навесні,
час ущільнивши, жорно до жорна.
О Тарасові дні іменні,
де впритул біля білого чорне!

Ця дев'ятка й десятка, як звих,
чи знамення безтямної долі.
Дух, затиснутий люто між них,
рве волосся з надсади і болю.

Та невидима ангельська твердь,
ніби в пам'яті видерли очі,
Ніби матір його післясмерть,
як ногой полонянку волочить.

СВІДЗІНСЬКИЙ

З полум'я вийшов. Листям стихії
тисячоусто залопотів:
«Не переймайтесь, брати-грамотії,
хистом папуг й іроністів-шпаків.

«І» — це від іволги в прізвищі й вірші,
«і» — це від посестри, голки трави.
Рветься мій голос, він тонший, як інші,
ох, не ламайте мене через «и».

Доки тривала вистава господня,
полум'я грива зметнулась, як рись.
Тільки і встиг йому крикнуть: «Володя!» —
Гривою полум'я він затуливсь.

* * *

А той, кого підхвалював Толстой,
і перед ким схилявся амбітний Фет,
розумник, дипломат, козирний той
дотепник, душка, потайний поет,
що розгорнув природу, як сувій,
і прочитав хаосу самосів,
він — в прірву зазирнув!
Та погляд свій,
хоч переймався жахом, не відвів.

І що до того, що його Пегас
жував овес в німецькій стороні?
Він, Федір Тютчев, нам сказав про нас:
«Не плоть, а дух растлился в наши дни».

* * *

В наївного щастя так мало відваги,
що навіть боїться сполохати тишу.
В наївного щастя свої переваги
над тим, що жирує і віршів не пише.

Не слуха Бортнянського й Веделя, чує
злодійське піано і форте банкіра.
Бундючні, а не ефемерні мурує
палаці й авжеж не читає Шекспіра.

Не віда, що й ситого доля морочить,
а може, й не вірить в її існування.
У жирного щастя — завужені очі,
в наївного — круглі від подивування.

* * *

В житті, що каменем стає
під поглядом Горгони,
дай впевнитися — я ще є,
мов камінь, не холону.

Протри свічадо спраглих — вись,
щоб я себе побачив.
Якщо ж я камінь, доторкнись —
хай камінь мій заплаче.

Як знак, що я таки живий,
що й проковтнувши Трою,
не всіх поглине чорторий
з отих, які за мною.

* * *

Вибух дикої пристрасті — мак
в непорушному прихистку крон,
син убитих степів — коров'як,
Вінграновського пізнього тон,
жест прощальний, провісницький знак,
що його не збагнув автохтон.

Понад стежкою ірисів рать
в різнобарв'ї. Троянд ліпота.
Біля хвїртки ямин. Благодать.
Наливний супокій. Яснота.

Та чогось головного нема
і тому у тумані задум
серце ремствує, сходить з ума,
спотикається втомлений ум.

В тяжі яблуні — шепіт, інтим,
але де ж золотий різновид?
Бути яблуку не золотим,
золоте — у саду Гесперид.

* * *

Ще зелень несмілива і негруба,
худюсінька, прозїрна, тонкогуба,
уся — наїв, дитинність полошка.
Тремтить і нерозбірливо лепече
губами листя, що лелїє втечу,
уже й летить, та крона не пуска.

Чи не отак і ми в наївну пору
безтямно поривались вшир і вгору.
Навіщо і зачим? — Питання для
допитливого, але й він чи зможе
дати відповідь, смішні істоти божї:
усе б літять, та не пуска земля.

* * *

Чи можна час перехитрити? —
питаєш ти. Кажу — авжеж.
Якщо волошок лазурити,
наїв тюльпанових пожеж,
настурції мордочки левині,
різьбу троянд, фужерний мак,
будяк у цезарській гордині,
пірамідальний коров'як,
всі ті — рожеві, білі, сині
в сукупнім сяєві ознак
замкнеш в прозору колбу слова,
не розгубивши повноти,
обряще вічність тимчасове
й позачасовим станеш ти.

* * *

Світло з морськими ознаками
мало обличчя й ім'я.
Скрипка там радісно плакала, —
свято мого життя.
З примхи якогось добродія
з двору, де мешкала ти,
о як несла нас мелодія
аж у стамбульські порти.

Чом же урватися мусила?
Скрипка — вразлива мішень.
Щастя — це світло і музика,
море — додаток лишень.

* * *

Випало з дзьоба жар-птиці чи вітер
верхній навів, озвучив з розмаху
азбуку світла — птахи і квіти,
Господа видих — квіти і птахи.

Травень ще хлопчик, а все наростає
музика сфер поміж гронами літер.
Зранку до вечора безперестанно
в серці провітренім — птахи і квіти.

О цей зв'язок між земним і небесним!
Досить вловити механіку світу,
й азбука світла доповненням скресне:
діти і сонце, сонце і діти.

Алексей БИНКЕВИЧ

КАЛЕЙДОСКОП

* * *

Быть чьим-то отражением — нелепо,
а трудно ли быть самому собой?
Всех на один копыл нас Бог не лепит.
Был жаворонком я, а стал совой.
Я сыном был, теперь в отцах седею,
был внуком — нынче сам хожу в дедах.
И горько, что чего-то не содеял,
замешкался в словах, загруз в делах...
За пятницу явится суббота —
шагаю, за утратой дней скорбя,
и не беда, что не нашёл чего-то,
но главное — не потерял себя.

АВТОПОРТРЕТ

Стихи, переводя, всё перевоплощаюсь.
То шут я, то король, назавтра — Вечный Жид.
Из замков и лачуг в реальность возвращаюсь
в общагу, где судьба определила жить.

Как быть самим собой, когда ты, переводчик,
пытаешься пробить чужую стену лбом?
Всю жизнь ты, как Харон — извечный перевозчик —
печали скудный хлеб свой добывал горбом.

А вот уже — игрок, которому масть стелет
дорогу, чтоб достичь удачи всякий раз.
У признанных имён, скитаясь в подмастерьях,
возводишь день за днём их на крутой Парнас.

Из плена языков стихийную слободку,
дай бог, чтоб оживил мной найденный глагол.
Когда ж меня Харон в свою погрузит лодку,
под жёстким языком найдёт один обол.

ЗАВЕЩАНИЕ

*Item, I gyve unto my wief my second
best bed with the furniture?*

*(из завещания того, кто подписывался
именем) William Shakspeare*

Тот, кто однажды мне жизнь эту дал напрокат,
может нагряться в любую минуту. И что же?
Скажут, возможно: «При жизни ты был языкат,
а вот теперь проронить даже звука не можешь».
Вот для того, чтобы зря никого не тревожить,
в полном сознании, без наущения карт,
не завещаю жене затрапезное ложе, —
пусть выбирает любой неказистый закат
или восход, что над заспанным миром хлопочет.
День пусть берёт или ночи суровый агат.
Я оставляю в наследство ей всё, что захочет,
ибо, как Крез, я всегда был несметно богат.
Смерть на пороге?.. Шаги её ближе и ближе.
Пусть не спешит. Я ещё не увидел Парижа!

ЗАПОЗДАЛОЕ ЭХО

Прости, что я тебя не понял до конца,
а как бы в унисон могли страдать сердца!
Но каждую судьбу вела своя дорога,
и не был harry end готов для эпилога.

Мы спели нашу песнь, мы обнажили строфы,
мы принесли свой крест к подножию Голгофы.
А за лавиной слов узреем ли весну мы,
когда в соборах душ молиться не рискнули?..

В САДАХ ЛЮБВИ...

...Швыряются слова небрежные —
обречены на визави.
Февраль летит лавиной снежною,
а мы с тобой — в садах любви.
Не райским птицам и не воронам,
а нам нужна эпигалама...

В садах любви мы были молоды,
невинней Евы и Адама.
Так и остались бы бесполоыми,
но пелена упала с глаз.
В садах любви мы были голыми,
и в первый, и в последний раз.

* * *

В саду эдемском Еву встретил Бог
и удивился Своему творенью:
— Как я создать такое чудо мог?
...И снизошло на Бога озаренье:
Он сел за стол, взял ручку и листок,
сложил слова, расставил ударенья.
Свивала Ева из цветов венки,
а Он из слов слагал стихотворенье!
Исподтишка Змий наблюдал, незрим,
как возникало творчество из хлама
расхожих мыслей, не имущих сраму.
Сомненья червь грыз золотой налив.
Сработанная из ребра Адама,
Поэзия стояла перед Ним.

* * *

Не вспоминай того, что было,
не вспоминай, оно прошло!
Кого та девочка любила,
что на неё тогда нашло,
когда шальной, беззвёздной ночью
её очкарик провожал?
...А снег швырял им в лица клочья
тех писем, что декабрь писал
на «До востребованья»... Прочно
был засекречен адрес наш
необитаемый, как остров,
и недоступный, как пейзаж.
Затем придут иные письма,
я ими зиму одарю.
Вчера, сегодня, завтра, присно —
кто, кто ответит декабрю?

* * *

Помнится, в предзимье, в самый чернотоп,
подарила мама мне тот калейдоскоп.
Повернёшь — и выпадет свежая мозаика,
видно, чтоб со временем я не стал прозаиком.

В той игрушке сказочной стёклышек дробинки
вновь и вновь являли яркие картинки,
и стремглав менялись каждое мгновение
вместе с геометрией краски, впечатления...

Правда, скоро кончилась счастья катавасия —
слямзил эту радость беспризорник Вася.
Разом оборвался детства лепесток.
Только вертит Время свой калейдоскоп.

ПЕРЕЧИТЫВАЯ ЦВЕТАЕВУ

Поэзия твоя пьянит меня,
и я воскрес из виртуально мёртвых,
и кровь лихая хлещет из аорты,
как зелье по прилавку корчмаря.
Ты ничего не знаешь обо мне.
Дождями обрыдались водостоки.
И от твоих поступков обомлев,
в магические вчитываюсь строки...
И что, в конце концов, каков итог,
где повод для печальной укоризны?
Кто дорасти смог до твоей харизмы?
...А кто с кем спит — определяет Бог.
Покамест мир ютится под Луной,
пока трясемся на житейских дорогах, —
на наших необузданных дорогах
мы в пристяжных, — тебе быть коренной!

ЗАРИСОВКА ИЗ ЗОНЫ АТО

В церковь зайду — помолиться хочу,
надо свершить ритуал надлежащий.
С паперти слышу, священник-ворчун
служит молебен за власть предержавших.

Власть предержажших?.. За тех, кто послал
гибнуть народ свой под мины и пули?..
Слышу, как рядышком шепчет пацан:
«Боженька, пусть не погибнет папуля».

Войны не люди ведут, а цари —
нелюди. Мало смертей им, иудам?
О Богородица, мир сотвори!
Что ж его нет в Украине покуда?..
Молится рядом седой ангелок.
Вон, на него загляделась икона!
Пусть никогда вездесущий порок
не искорёжит душевного лона
этого чуда.

Широким крестом
он осеняет прозрачное тельце.
Мудрой молитвой и твёрдым постом
пусть укрепит беззащитное сердце.

Вот уже люди со службы идут.
И ангелок
с просьбой, ровно с мизинчик:
«Мамочка, если нас вдруг не убьют,
утречком купишь ты мне апельсинчик?»

ОСЕННИЙ ТРИПТИХ

1. Вот и осень — пора божоле.
На дорогах, ненастьем размытых,
тонет мир, как в черничном желе,
утопая в сюжетах избитых.
Так упьёмся же юным вином
в эту хмурую, стылую слякоть,
в ожиданье, что дождь за окном
перестанет младенчески плакать.
Может, стоит разжечь комелёк,
не скрипеть и не сохнуть от злости,
сокрушаясь, что тёплый денёк
не изволил пожаловать в гости.

2. Октябрь закрыл сезон наш дачный.
Листвою щедро выстлан сад.
И день какой-то непрозрачный —
дождь мелкий сеет невпопад.
Пришла пора печи топиться.
Привяли астры на столе.

Куда-то испарились птицы,
и только дятел на стволе,
напялив пёструю манишку,
не устаёт гопак плясать.
А мне пора засесть за книжку —
и срочно осень описать.

3. Бесконечная осень какая-то в этом году.
Нет, чтоб быть золотой, всё в зелёное платье рядится.
Всё никак не придёт оборвать хризантемы в саду,
с перелётными стаями всё не решится проститься.
Будто было ей мало безудержных солнца щедрот,
этих знойных недель, когда мозг пребывает в отключке,
если нечем дышать — переходишь на автопилот,
доведённый безумьем погоды почти что до ручки.
Я надеюсь ещё, что порадует осень дождём,
а к исходу, глядишь, и обрядится в снежную шубку.
Всё ещё впереди. Подождём под дождём. Подождём.
С пониманьем воспримем и эту природную шутку.

* * *

Спасибо, Господь, что сподобил
мне облако видеть и сад,
что лет молодых не угробил,
всегда выводил из засад,
в которые
и однолетки
ушли, не успев долюбить,
но жаль, что случается редко
с Тобой
tet-a-tet
говорить.

Виктор СЛАВЯНИН

СВОЙ КРЕСТ

*Моей маме,
Касьяненко Анне Ивановне,
посвящается*

ПОВЕСТЬ

*Давай с тобою поменяемся судьбою.
Махнем, не глядя,
как на фронте говорят.
М. Матусовский*

27 апреля...

Последние приготовления...

Тот, кто хоть однажды собирался на рыбалку после многолетних непоездов, знает, в какой нелепой суете проходят поиски нужных вещей по пыльным, захламлённым полкам и углам, и скольких нервов всё стоит. Самое важное — не забыть главного!.. А главного набирается на огромный увесистый рюкзак. Уже упакован спальный мешок, резиновые сапоги, толстый свитер, и на случай дождя непромокаемая куртка. Крючки, поплавки, грузила. Заточены тройники... Остаётся только перед сном в свете настольной лампы надраить блёсны. Да! Чуть не забыл! Положить запасные батарейки для радиоприёмника. У озера в тишине лесной чащобы можно будет без змеиного шипения глушилок слушать Виласа Кановера¹ с наслаждением...

Я готовлюсь уже целый месяц. Точнее — полгода. Приобрёл на Птичьем рынке два новых спиннинговых удилища. Одно — длинное, другое — короткое. Если блеснить с берега, а рядом ещё кто-то бросает? Короткое тут и пригодится. Настырный продавец уговорил купить безинерционную катушку... и какую-то моднейшую снасть под названием воблер.

Последний московский вечер уходит с незаметной лёгкостью. Я уезжаю на рыбалку с чистой совестью и довольный самим собой. Вчера сдал в редакцию газеты «Правда» большую статью о первом годе войны. Завотделом заверил, что поставит мой материал в двух номерах перед днём Победы. Единственное, о чём приходится сожалеть, что не смогу похвастаться публикацией перед приятелями-рыбаками. Купить газету на берегу Днепра в десяти километрах от ближайшего села — несбыточная мечта...

Билет на поезд лежит на столе...

Осталось только ночь переждать. Всего лишь до одиннадцати утра... И в путь...

Зазвонил телефон.

— Юрий Васильевич? — спрашивает незнакомый голос в трубке.

---

1. Канонер Вилас — ведущий джазовых программ радиостанции «Голос Америки».

- Да.
- Это из военной редакции...
- Слушаю... вас... – Чувство беды заставило замереть сердце.
- Зам главного просил передать, что ваша статья пойдёт тринадцатого мая...
- Почему?! – вырвалось у меня.
- ...пришло письмо из отдела пропаганды «цэка». Должны прислать две статьи... Секретаря по идеологии... И какого-то маршала... Сами понимаете... Если материалы не поступят вовремя, то ваш поставим в седьмой и восьмой номера... Да, одно замечание, если позволите?.. В одном месте у вас вероломное нападение и сто девяносто дивизий... А в другом – сто девяносто шесть. Надо уточнить.
- А кто пишет для маршала и секретаря? – с раздражением спросил я. – Редакция?
- Не передёргивайте, Юрий Васильевич. Мы только правим...
- Трубка упала на рычаг аппарата.
- «Пусть – тринадцатого, – нервно согласился я. Уже сто раз получал по мордасам от редакций. Мог бы и привыкнуть. Но не получается. И чтобы успокоить себя, подумал: – Меньше буду мозги сушить на рыбалке».
- Телефон снова загудел.
- Старина! – раздался крик в трубке.
- Слава Богу, позвонил, наконец, – ответил я. И спросил: – Ты собрался? Я готов.
- Форс мажор, старик!
- Кто вероломно на кого напал без объявления войны!? – выпалил я, заведённый звонком из редакции.
- Я ценю твои шутки, старик! Не пускают даже на десять дней, сволочи! Под угрозой увольнения! А у меня диссертация на выходе... Понимаешь? Диссертация!.. Ты всё равно в этом ни бельмеса не смыслишь! Докторская... Не колбаса, а диссертация...
- Ты-ы... – Я начал заикаться от возмущения. – Что за глупости!?
- Поезжай один, старик!
- И ты туда же, прокурор! – крикнул я в трубку. – Удружил! Кто меня полгода уговаривал? Уши продырявил до самого мозжечка? Билет-то куда я должен девать!? Бежать сдавать!? Я накопил снастей на сотню целковых! И выпивки!.. – Это был последний и самый весомый аргумент в пользу нашего совместного путешествия.
- Слушай сюда, старик! Всё путём! – крикнул приятель на противоположном конце. – Ты садись в поезд... Только не перебивай, а внимательно слушай!.. Выходишь в Репках... Поезд придёт в половине четвёртого утра. А в половине пятого на площадь приедет автобус. Уже будет светло. Не перепутаешь... Ты в него прыгаешь... и едешь. Водиле скажешь, чтоб высадил у Хлебных Хуторов... Запоминай! Хлебные Хутора... Перейдёшь через дорогу и по просеке в глубь леса. Километров пять пешодрала... Ну, может, семь. Ты мужик здоровый, до озера добежишь быстро. А я постараюсь приехать, старик... Обещаю. А выпивку бери. Не пропадёт!.. Первое мая через три дня...
- Какое озеро!? Ты говорил – будет Днепр!.. – выпалил я, не

сдерживая себя. — И что я буду делать один в лесу?!

— Почему один? — заявил приятель. — Там всегда народ... Извини, старик...

Телефон загудел коротко и надрывно...

«Вот и порыбачили! — зло выругался я. — Лучше бы в какой-нибудь пансионат смотался... Кормят. Спи и гуляй! Предлагали же... — Вспомнил призывно заманивающие слова приятеля. — «Рыбалка во время запрета! Ни одного инспектора! Лови от души!..» Наловился!»

Залез в рюкзак, вынул бутылку коньяка...

Снова звонок.

«Меня убеждать больше не надо, — подумал я, уверенный, что это снова приятель из Киева. — Оправдываться ты умеешь!..»

— Ну, что ещё?! — крикнул я. — Теперь какая диссертация?

— Ты ещё не спишь? — спросила трубка женским голосом.

— Ещё нет... — погашено ответил я.

Есть звонки, которые круто меняют не только настроение, но и жизнь. Судьба посылает их неожиданно. И горе тому, кто пробует переломить её выходку через колено. По опыту я знал, что мне не удавалось это сделать никогда. Она, мудрая, всегда побеждала.

— Приеду, — с твердым желанием заявил голос.

— Нет, — так же твёрдо ответил я. — Уезжаю на рыбалку. Поезд через два часа. Приятель на такси должен подъехать вот-вот. Приеду, позвоню...

Положил трубку.

«Господь распорядился: «Ехать!» — понял я. — Завтра утром всё равно она придёт без приглашения и проверит, где я. Оказаться обманщиком? Не ребенок уже... А держать женщину под дверью, как кошку, вернувшуюся с ночной прогулки по чердаку, я не смогу...»

29 апреля

Из вагонов на чуть освещённую платформу вывалил народ и суетно скрылся в маленьком здании вокзала. Я пошёл следом.

У кассы на полу лежали в обнимку два парня с голыми животами. Над ними стояла женщина, разговаривала с кассиром через билетное окошко. Отошла и, глядя на счастливую пару, громко сказала:

— Господи! Праздник где ще... а у этих терпец уже оборвался.

На станционной площади толпа ждала автобус.

Первый пришёл скоро. Забрал половину народа.

Следующего ждали около часа.

Начинало светать. Пробирает утренний холод.

Огромный красный «Икарус», вальяжно вкатился на площадь. С элегантною легкостью вздохнув тормозами, остановился у парапета, чуть качнувшись.

Народ ринулся к двери и, впихивая водителю в руки рубли, забирался внутрь.

— До Хлебных Хуторов доеду? — спросил я.

— Два двадцать, — ответил шофёр.

— Выбросишь? Чтоб не проскочить...

— Обязательно.

В салоне было темно и тепло. Я пробрался на свободное место в

последнем ряду.

Первых десять минут, пока ехали, пассажиры шумели, а потом, словно сговорившись, умолкли. Кто-то захрапел.

Я пробовал бороться со сном. Но теплый воздух двигателя разморил...

* * *

— Хутора! — крикнул водитель в салон.

Я открыл глаза, ожидая Хлебные...

Автобус остановился. Дверь возле водителя бесшумно отошла в сторону. С переднего сидения поднялся человек в зелёной куртке и форменной фуражке. Недолго копошился с вещами. Сошёл на землю. Стянул за собой рюкзак на ступеньку машины и, лихо забросив его на спину, исчез за автобусом.

— Кто Хлебные хотел? — крикнул водитель в салон.

Я нервно вскочил. Попытался вытащить свой рюкзак, который застрял между чужими сумками.

— Заднюю открой! — крикнул я.

— Не работаить, — ответил шофёр. — Давай через переднюю.

Я потащил мешок и удилища по салону, лавируя в проходе, словно по топкому болоту, стараясь не опустить свои сапоги в чью-нибудь сумку, и выпрыгнул на вымощенную булыжником дорогу.

Автобус зарычал и уехал.

По обе стороны дороги золотисто-чёрной стеной стояли высокие сосны. Из глубины их крон, как с неба, падал птичий щебет. Все звуки слились воедино и, смешавшись с рассветным белым огнем, серебряной сетью накрыли лес и серую твердокаменную ленту.

Утро весело зацветало.

Напротив меня действительно начиналась просека. И по ней удалялся человек с большущим рюкзаком и удочками. Я пошёл за ним, надеясь, что с рыболовецкими снастями не ходят к тёще на блины.

Сосновый лес не по-утреннему был светел. Из земли выбивались молодые побеги папоротника, похожие на морских коньков. А вокруг них жёлтым ковром рассыпалась ветреница. Вдруг на маленькой поляне выбелился куст цветущей черёмухи, сеющий вокруг себя удушливо-сладкий аромат... Сосны становились толще, кроны гуще, а свет сменился полумраком. И незаметно просека превратилась в узкую дорожку с дырками и буграми, которую обступили кусты ещё не начавшей цвести ежевики.

Человек с рюкзаком скрылся из виду. И я шёл почти наугад.

Лес в одночасье посветлел. Сосны разбрелись, освободив большую зелёную поляну, которая скатывалась к пустому берегу чистого озера.

Человек, которого я потерял на просеке, стоял у кромки серой воды. Рюкзак и удилища валялись на траве. Понятно — он пришёл...

Было ясно: оставаться на этой поляне мне нельзя. У рыбаков есть неписаное правило: кто первый попал на берег, тот и хозяин. Чужак должен искать себе другое место.

Озеро большое. Противоположный берег, показалось, манил своей пустотой...

Я побрёл по краю поляны, обогнув какой-то холмик, напоминавший могильный, на краю которого из травы поднималась пирамидка, сбита из крепко прогнивших у земли дощечек, хранивших остатки коричневой краски.

Впереди — сплошные заросли орешника...

— Не ходите, — остановил окрик. — Здесь другого места нет. Одни заросли кругом.

Я вернулся. Сбросил рюкзак.

— Что здесь ловится? — спросил я, не зная, как продолжить общение. Хотелось остаться на таком заманчивом месте.

— Рыба.

Лесной незнакомец — плотный цупкой старик лет семидесяти среднего роста, одет в зелёную куртку и зелёные штаны. На ногах резиновые сапоги-бродни. На голове — офицерская полевая фуражка.

— На что ловите? — спросил он. Наклонился над рюкзаком и вынул из кармана сверток.

— На спиннинг больше, — ответил я. — С червями сейчас не очень разгуляешься.

— Это верно...

Старик достал из рюкзака маленький топорик и ушёл в заросли орешника. Оттуда долетел рубящий стук. Вернулся с тремя палками и охапкой хвороста. Вбил в землю два рогача и бросил сверху толстую перекладину.

— Завтракать будете? — спросил он и, не ожидая ответа, принялся разводить костёр.

— Вроде, пора, — согласился я, глянув на часы. — Девятый час.

— Тогда сходите в лес. Там много сушняка.

Вода в котелке закипела быстро.

— Что вы пьёте? — спросил старик так, точно я был не случайным залётным, а его давнишним приятелем.

— У меня есть кофе.

— Угощайте, — согласился он. Достал из рюкзака небольшую полсть. Расстелил её на траве. Развернул бумажный свёрток и выложил десяток бутербродов. — Жена запасла в дорогу. У вас, надеюсь, кружка найдётся?

— Конечно.

— Тогда доставайте. А то я взял только одну чашку, одну ложку, нож. Стараюсь брать по минимуму. Уже тяжело таскать...

Котелок на огне скоро закипел.

Когда разлили по кружкам кипяток, старик сказал:

— Как мне повезло.

— Чем?

— Что вы появились. А то мой приятель обещал приехать вместе с товарищем. Но в последний момент что-то случилось... Как сказал... форс мажор у него. Диссертация горит! — Отхлебнул кофе и, глядя на воду озера, добавил: — Глупости и суета, а не диссертация... Я шёл сюда и думал: «Как в одиночестве рыбачить?..» Вас как зовут?

Я назвал себя.

— А я — Павел Митрофанович... Немного подкрепимся и начнём обустривать лагерь. Вы надолго?

— Как будет клевать, — ответил я.

— Так можно остаться до осени...

— Нет... Дела дома ждут. Хорошо, что вырвался на недельку.

— До праздника не останетесь?

— Так Первое мая уже послезавтра...

— Для кого и кобыла невеста, — хмыкнул Павел Митрофанович не улыбаясь, отхлебнув кофе.

— Коль вы меня приютили, — сказал я, поняв, что не угадал с праздником. — Тогда за знакомство... — Достал из рюкзака бутылку коньяка и две рюмки. Свернул пробку с горлышка. — Не будете возражать?

— Да утром как-то не хорошо, — сказал старик. — Но коль за знакомство...

Он порылся в рюкзаке и вынул ещё свёрток. Выложил на полсть плитку шоколада.

— Мне не очень позволяют врачи сладкое, — сказал он. — Но не пить же коньяк с луком и салом.

— А вы надолго?

— Как настроение... Бывает, погода испортит всю рыбалку...

— И какая же это погода?

Мы чокнулись.

— Вот такая, как сейчас. — Павел Митрофанович глянул на небо сквозь рюмку с коньяком.

Солнце уже взобралось на вершины сосен и играло светлячками на ряби озёрной воды, которую нагонял вдруг налетавший ветерок. Стволы сосен загорелись золотом. Весна грелась в теплых лучах...

— Здесь хорошо ловится, когда ветер дует и дождь крошит. — Он выпил. Втянул в себя воздух и затряс головой. — Да, да! Откат нормальный... Заел бутербродом. Глотнул кофе. — А солнца я не очень жалую... Пойду организовывать быт. — Он поймал мой вопросительный взгляд. — Построю туалет.

— Зачем? — удивлённо спросил я. — Лес кругом.

Павел Митрофанович посмотрел на меня внимательно, с явным желанием сказать что-то хлестко-обидное, но удержал слова в зубах, сжав крепко губы, поднял с травы сапёрную лопатку и топорик, и сказал:

— Пока я буду строить, вы попробуйте поймать что-нибудь. На блесну должно сейчас брать... Только слева... В метрах двадцати коряга...

Встал и пошёл в орешник, нервно потряхивая топориком.

Глядя ему вслед, я понял, что снова промахнулся, как с праздником... Ляпнул невпопад.

Из орешника донёсся стук топора.

* * *

Я собрал спиннинг и вышел на берег.

На третьем или пятом забросе блесна за что-то зацепилась... и

по леске передалась нервная дрожь... Сердце у меня зашло от неожиданной поклёвки... Метрах в тридцати выкинула свечу щука, сверкнув на солнце сабельнобелым брюхом. Она сделала ещё одну свечу, пытаясь выплюнуть изо рта блесну с крючком, и стремительно ушла в глубину, изогнув удилище. Пальцы нервно крутили ручку катушки, не позволяя леске ослабнуть.

У берега рыба сделала ещё одну попытку уйти на дно, резанув острием лески серую ткань воды, но я нагло выбросил её на траву к своим ногам.

— Хороша! — услышал похвалу за спиной. — Килограмма три... Считай, обед готов.

Я посадил щуку на кукан и отпустил в озеро. Бросал еще часа два. Но поклёвок не было.

— Оставляйте эту затею, — сказал Павел Митрофанович, подходя ко мне. — Я же говорил... никакого клёва. Солнце... Лучше помогите.

Мы ушли в лес. Метрах в тридцати от наших рюкзаков, между двух молодых сосен Павел Митрофанович встал на колени и принялся рыть землю.

— Это чего? — спросил я.

— Партизанский схрон. Осенью зарываю, а весной достаю.

Из земли пахло сыростью. Появились чёрные прелые толстые ветки. За ветками — полиэтиленовое полотно. Из-под плёнки показался серый кованый армейский ящик. Он оказался увесистым.

— Что за сокровища?

— Кастрюли, сковородки, миски, ложки, вилки. За двадцать пять лет набралось... И рюмки тоже. — Улыбнулся старик. — Только одно неудобство в таком прятанье — каждый год менять место приходится. Как-то... Лет двадцать назад оставил зимовать в старой яме. Всё разграбили. Сходил на рынок в село и там на местном мужике узнал свои старые армейские штаны, которые в яме хранились.

Из другой ямы мы выкатили, завёрнутый в полиэтилен, огромный кусок соснового ствола, похожий на тот, на котором мясники рубят мясо в магазине. За ним — пять пеньков поменьше.

— Вот и столовая готова, — сказал Павел Митрофанович. — Катите. Сейчас поскоблим с кипяточком, и будет стол и стулья... Можно и уху готовить.

Из ящика достали плотно завязанный полиэтиленовый мешок и подобие мангала на четырёх ножках, сваренного из толстой арматуры. Павел Митрофанович развязал мешок, вытряхнул из него серую матерчатую штуку. Расстелил её на траве. Получился большой квадрат метров пять по стороне.

— Тент. Пусть просыхает. — Объяснил он и ухватился за мангал. Вбил его в землю, и принялся разводить под ним огонь.

— Вы, Юрий, займитесь щукой, а я поскоблю тарелки и кастрюли после зимы. Вы как уху варите?

— Обыкновенно. Даже сало есть.

— А у меня чеснок.

На мангале кипел казанок.

Павел Митрофанович то подгребал под него угли, то отгребал.

— Уха не любит сильного огня, — сказал он. — Правда, какая из

щуки уха? Так... супчик.

На столе колоде он нарезал мелко сало, искрошил пять больших зубцов чеснока. Заложил рыбу в кастрюлю, где кипела картошка, и, глянув на часы, сказал:

— Через семь минут бросаем приправу. Она — главное в ухе. Через три — снимаем. Чтоб не переварить».

* * *

Солнце уходило за лес. Лучи с большим трудом пробивались сквозь густую сосновую хвою. День стал угасать незаметно. Озеро потемнело. Исчезли береговушки. Только белая цапля ходила по берегу, боязливо ворочая клювом в нашу сторону. Птичий хор угомонился.

— Первый день, кажется, прошёл удачно, — сказал Павел Митрофанович, наливая уху в алюминиевую миску.

— А если по коньячку? — спросил я.

— Мне можно... только чуь-чуть. Сердце шалит. Но по случаю ухи...

— Вам сколько лет? — Я достал из рюкзака бутылку.

— Неделю назад отметил семьдесят пять.

— Поздравляю! — Я поднял рюмку. — Вы очень молодо выглядите.

— Было бы с чем поздравлять, — хмыкнув, заметил старик. — Если бы двадцать... Ну, хотя бы тридцать. С молодостью нужно поздравлять. У меня же выходит, что я молод только с ближнего конца, — Он тяжело вздохнул. — За вашу щуку! И за знакомство.

Мы выпили.

Уха действительно оказалась ароматной. Чесочно-лавровый дух отгонял черемуховую приторность леса.

— А вы не боитесь здесь один? — спросил я.

— Нет, — ответил Павел Митрофанович. — К одиннадцатому мая кто-нибудь приедет. А местные знают, что я вооружён.

— Чем?

— У меня всегда при себе пистолет. — Поднялся, вынул из рюкзака блестящий «браунинг». И протянул мне. — Не бойтесь. Он не стреляет. Но об этом никто не знает.

— А милиция как?

— Это, можно сказать, наградной. От Бога... Гляньте на спусковую скобу. На ней выщерблина. Этот пистолет мне жизнь спас на Прохоровском поле. — Павел Митрофанович снова налил себе ухи, и принялся неспешно есть.

— Так это же немецкий. — Я вертел оружие перед глазами.

— Конечно. Трофейный. Я его вместо нашего «тэтэшника» носил, который по штату полагался. Короче и легче. И танкисту удобней...

— Вы — танкист?

— С двадцать девятого года... По уставу пистолет должен висеть на поясе справа, впереди. Он мнен мешал, потому что длинный. Крутиться неудобно. Цепляет за ногу. А «браунинг»...

— Начальство как на это смотрело? — взволнованно спросил я.

— Оружие врага.

— Это в мирное время в проверялки играют. А на войне не до этого... Правда, комиссары косились. Подрываю авторитет советского оружия. — Старик ухмыльнулся и сказал язвительно, подливая себе уху. — Как «студебеккерами» и «виллисами» на фронтах дырки затыкать, да на «кобрах» и «харикейнах»² летать — это не вражеское оружие.

— Где раздобыли? — Я тоже подлил уху.

— Под Москвой... Разведчики приволокли языка, гауптмана пехотного. Я допросил его для порядка, передал особистам дивизионным, а пистолетик капитанский оставил. Обязан был, конечно, сдать, но понадеялся, что в контрразведке об оружии у фрица спрашивать не станут.

— А где под Москвой воевали? — спросил я с интересом. — У моего приятеля дом в деревне от родителей остался. В районе Обнинска. Деревня рядом с той, где Зою Космодемьянскую фашисты схватили... Я как заикнулся про это в редакции, начальство сразу насело... «Пиши!»

Павел Митрофанович внимательно посмотрел на меня и, выдержав долгую паузу, спросил, как спрашивает экзаменатор безнадежного студента:

— Написали?

— Чего писать, когда всё уже написано? Ничего нового. Партизанила... Схватили...

— Об этом вам в каком классе рассказывали? — с той же издёвкой в голосе спросил старик.

— Повсюду пишут так... — с некоторой неловкостью ответил я, чувствуя, что опять воткнулся невпопад.

— Блажен, кто верует... — Старик поставил миску и положил на ладонь «браунинг», как бы взвешивая его значение в судьбе. — Но есть Бог. И именно на войне. Я вожу эту железку с собой, как талисман... Налейте, Юра, полрюмочки. Вспомнил — и сердце отпустило... Вот за него не грех и выпить.

— А как же Зоя?

Павел Митрофанович снова глянул на небо сквозь призму рюмки с коньяком, и опрокинул содержимое в рот.

— Эх-да! Откат нормальный... — Он пожевал губами. — В Москве хороший коньяк продают.

— И всё-таки? — спросил я, наседая.

— Бедная девчонка... — Старик заел торопливо ухой. — Могла бы за хорошего парня выйти замуж, детей нарожать. Сейчас бы с внуками нянчилась. А пошла избы жечь. Прикрыли смертницей свои задницы горе-стратеги...

— По вашему выходит, что она незаслуженно получила Героя? — искренно возмутился я. Всё моё нутро не принимало слов старика.

— Почему незаслуженно? Герои разные нужны. Кто-то герой, потому что мозги на месте... А кто-то из-за отсутствия таковых... Правда, последних на каждом перекрестке по дюжине навешано... Один отца родного к стенке поставил — с доносом пионерским в волостное ОГПУ сбегал Другая избу сожгла, но не ту... А другой

2. «Студебеккер», «виллис», — автомобили; «кобра», «харикейн» — самолеты. Образцы американского и английского оружия, поставлявшиеся в СССР по ленд-лизу.

бомбу водородную придумал. Вот таких героев днем с огнём в лупу не увидишь... Я что-то не слышал, чтобы какой пароходишко захудалый под названием «Павлик Морозов» или «Зоя Космодемьянская» по рекам или по морям ходил. Видать, стыдно напоминать о таких героях... Ладно. Хватит прохлаждаться. У нас ночь на носу. Давайте ставить палатку. Вы как ночуете?

— В спальном мешке, — ответил я нервно, подбирая слова, чтобы возразить. Я понимал, о ком говорил старик, но моя школьно-университетская закваска не принимала его слов в такой последовательности. Хотелось объяснить, что было такое время, что по-другому нельзя.

— В спальном?.. — заботливо уточнил Павел Митрофанович. — Это не хорошо. Надо спать свободно. Ставим палатку, надуваем матрацы... А к ночи ближе поджарим остатки вашей шуки? Я знаю способ жарить эту костлявку... пальчики оближешь.

Оранжевая палатка оказалась большой, с широким предбанником, застёгивавшимся молнией от верха до низа. В этом матерчатом доме можно было стоять во весь рост...

— Польская? — спросил я, вбивая алюминиевый клин расчалки в землю.

— Один знакомый дипломат привёз из Западной Германии. По моему заказу. Обратите внимание, Юра... Пол не просто прорезиненный, а надувается и служит спальным матрацем. У нас сейчас будет самый неприятный кусочек работы. По очереди надувать.

* * *

Темнота быстро захватила поляну. Только небо над озером ещё чуть отсвечивало слабым блеском в лучах давно зашедшего солнца. Совы тенями низко, с подсвистом, скользили в вечернем полумраке. Казалось, протяни руку и ухватишь...

Разожгли костёр. Павел Митрофанович достал из своего бездонного рюкзака пакетик.

— Панировочные сухари. Добавим чуток соли — и на сковородку.

Он налил масло и, обваляв куски шуки в сухарях, бросил на сковородку.

— Заваривайте, Юра, чай.

Жареная рыба оказалась действительно вкусной, ароматной.

— Как вам это удалось? — спросил я.

— Сухари, они и в Африке сухари.

— Вы играете в преферанс?

— Немножко. Жаль, нет третьего.

— А можно в «гусарика».³

— Не люблю, — сказал Павел Митрофанович. — Бездушная игра выходит. Глаз партнёра не видно... А с сухарями просто. Смешал с «вегетой». Из Югославии привезли.

— В книгах пишут, что на Прохоровском поле много танков побиты?..

Меня оборвал хлёсткий взгляд старика.

— Танки — железо. Сгоревшие ремонтники оттащат в тыл... по

---

3. Гусарик — вариант игры в преферанс без третьего партнёра.

пять тысяч за штуку. А потом на переплавку, если не починят...

— А люди? Экипажи?

— Вы же спросили про танки, — старик ещё раз оцарапал меня колючим взглядом, — а не про людей.

— Ну... Я имел ввиду... — оправдание у меня вышло наивно детским, — танкистов...

— Интересный нынче народ пошёл... — сказал Павел Митрофанович. — Всё по поверхности. А внутрь залезть нет желания. У меня брали интервью разные газетные писаки и которые по радио всякую чушь несут. Все только танками интересовались, как дети игрушками... Танкисты не интересовали, точно их и вовсе не было... А этих механиков-водителей и заряжающих полегло в четыре раза больше... чем танков.

— Почему в четыре?

— Потому что экипаж из четырёх человек. Если под командиром корпуса в том бою сгорело две «тридцать четверки», а от смерти спас трофейный «браунинг»... То простых танкистов тьма тьмущая в той земле схоронено... — Старик подбросил в костёр несколько палок. Огонь вспыхнул, осветив его хмурое лицо. — Давайте помянем их, зарытых, где попало.

Он налил себе полрюмки.

— Если бы вы знали, Юра, как я завидую этим проклятым чело-веконенавистникам из Америки. Как они хоронят своих солдат... Мне дипломат знакомый рассказывал, что у этих поджигателей войны существует целая служба воинская. И до тех пор, пока не найдут солдата и не похоронят под звездно-полосатым, он считается неубитым. Не пропавшим без вести, а неубитым...

Мы выпили.

— Откат нормальный... — снова оценил коньяк Павел Митрофанович. — Дело к вечеру... Всё кругом у-у-у! Это я о том, как меня «браунинг» спас... Вылез я из танка. Из третьего... С утра подо мной уже два сгорело, я говорил... Я ведь был в Пятой армии. Вы знаете, что такое Пятая армия на Курской дуге?

— Нет, — ответил я.

— Танковый рукопашный... Нас из резерва выдернули... И мы прошли в лобовую атаку с ходу, как татарская конница... От правого горизонта до левого — сплошные танки. Слава Богу, командарм Ротмистров⁴ запретил на себе пехоту везти... Так вот... Сначала в собственный противотанковый ров угодили, как в мышеловку. А когда выбрались с горем пополам...

— С горем?

— Больше — пополам. Почти половину экипажей в том рву оставили. А вот когда выбрались... Стали рвать немца на куски... как те мангусты змеиный выводок...

В какой-то момент, будь он неладен, прихватило меня... Захотелось вдруг под кустик... Сил терпеть нету... Оторвался от перпендимонокля⁵ ... Сапогом ткнул в спину Хамзю... Это мой механик-водитель... Стоп! А умом понимаю — нельзя останавливать

4. Ротмистров П.А. — Маршал бронетанковых войск, в 1943 г. — командующий Пятой танковой армией.

5. Перпендимонокль — перископ (жарг.).

ся... Сразу подожгут... Но удержу нет... Поднял крышку и... на броню... Глазом уже ищу «укрытие»...

Не успел... Страшный удар в бок... Свалился на землю... Лежу и ничего не понимаю. Такое впечатление, будто огрели по голове чем-то тяжёлым... Когда в башню попадает немецкая болванка, а из стенки вылетают искры прямо в глаза — дело привычное. А тут совсем иное. Не в башню попало, а в тебя... Когда очухался, поднялся, потрогал место, куда ударило... Комбинезон и кобура пробиты, железо горячее... Палец зацепился за что-то острое...

— А нужда на вырвалась? — засмеялся я.

— Это сейчас смешно... А тогда, видать, и она перепугалась поболе моего... Хамзя сообразил, что со мной неладное творится... Отвел машину под защиту двух подбитых танков, которые дымилась... Вроде, как в укрытие, под дымовую завесу. А я стою один среди боя. Ноги подкашиваются... Достал из кобуры «браунинг»: на скобе огромная вмятина. Чья-то пуля вырвала целый кусок... Оглянулся по сторонам... И вдруг стал целовать немца с благодарностью, как мать родную... Уже после войны я написал рапорт по инстанции. Объяснил. Разрешили оставить пистолет на память. Только дырочку в казённом просверлить заставили... Местные знают, что я вооружён, а про дырку не ведают. Да и народ здесь не очень дикий. Выпить любит, а чтобы шалить...

Старик встал и прошёлся вокруг костра.

— Ноги занемели... Я предлагаю ложиться спать. Завтра попробуем что-нибудь поймать. Окунь тут клюёт на зорьке знатно... Вы свой спальный мешок бросайте на пол. Ночь будет жаркая. — Он побрел к палатке.

— Откуда известно? — Я пошёл следом.

— Совы разлетались. Значит, мыши бродят. А они в холодную ночь не очень гуляют.

— Как интересно. Это ваше личное наблюдение?

— В лесу многому можно научиться, — сказал Павел Митрофанович. — Особенно отличать брехню от правды...

— Есть лесная правда и степная? — спросил я не без иронии.

— Есть просто правда, а есть брехня. Автомат «пэпэша» уже в сороковом году на границе... Это брехня или правда? — Старик раскинул полы палатки, пропуская меня в предбанник.

— А разве не было?

— Это мерзость по отношению к собственному народу... Я его впервые увидел весной сорок второго... — сказал Павел Митрофанович, входя следом.

— А какая разница?..

— Никакой, — съязвил Павел Митрофанович. — Я все жду, когда д'Артаньян со товарищи проедут по Красной площади на «тридцатьчетверке»... с плюмажем на шляпах. Вот детишки порадуются...

Старик разделся, прошёл в палатку и улёгся.

— Я тут смотрел киновоюну, как Киев брали... «Освобождение» видели?

— Конечно, — ответил я и принялся тоже раздеваться.

— Тянут зенитку, а говорят на неё — «сорокопятка».⁶ Сорок третий год — а «катюши» на «полуторках»...

6. Сорокопятка — сорокапятимиллиметровая противотанковая пушка (жарг.).

— Кто отличит «полуторку» от «газона» современного? — сказал я бодро, отстаивая свою уверенную правоту.

— Пока брехня и глупость были маленькие, — продолжил Павел Митрофанович, не заметив моей нагловатой самоуверенности, — я терпел. Потом не выдержал... На экране сентябрь. Лес весь жёлто-красный. В зарослях стоят танки и ждут приказа... И вдруг начинается куковать кукушка! Тьфу!

— И что из этого?

— Вы слышали, как соловей поёт? — недовольно хмыкнул старик.

— Конечно. Думаю, здесь через пару дней тоже запоёт.

— А какой сейчас месяц?

— Апрель кончается.

— Песни на свадьбах поют, а не на похоронах. Кукушки, как и соловьи, в сентябре не поют. В сентябре им не до любовных утех. Надо в Африку собираться... Кукушки кукуют только до конца июня. Ну, пару дней в июле, если погода располагает.

— В кино кукушка для антуража, — сказал я, оправдывая кинорежиссёра. — Чтоб оживить.

— Чтобы оживить? — засмеялся старик. — А «тигры» на Прохоровском поле тоже для оживления?

— А что «тигры»? — возмутился я, поддерживаемый расправившей меня уверенностью, что эти монстры там делали боевую погоду. — А мы их пересилили! «Тридцатьчетвёрки» перемололи хребет Порше!⁷ Да любую энциклопедию возьмите!..

— «Тигров» ваших на Прохоровском поле отродясь не было... — резко перебил Павел Митрофанович. — Ни одного!.. — А глупостью и невежеством ничего оживить и пересилить нельзя! А вот дров наломать можно. Почему бы в кино динозавра какого захудалого против немца не выпустить? Немец сразу бы струхнул... — Он нервно повернулся на постели. — Один борзой кино снял... А другой из кино вышел и статеечку в вашу энциклопедию тиснул...

Мы лежали молча.

Самоуверенность разрывала меня на куски. Я был уверен, что услышанное — неправда. Ведь сколько я написал статей на эту тему?.. И никто никогда!.. Но спорить со стариком почему-то боялся. И казалось, что даже ветер был против меня. Он шнырял по кронам, качая верхушки сосен, лихо врвался на поляну, чтобы вступить за меня, но заметив палатку, вдруг стихал, и тихо перебирался на противоположный берег.

«Завтра поспорим, — сказал себе. — Если воевал... то и знает всё...»

Сквозь сетку бокового окна в палатку пробивался квадратик серого ночного неба. Потом угас и он.

Старик ворочался на надувном полу, не находя себе места.

— Засыпайте, — сказал он. — Я буду долго крутиться, как собака. Ломит ногу в суставе и в паху...

— Защемление седалищного нерва?

Сказал и почувствовал, что старик в темноте смотрит на меня, как смотрят кошки, когда пытаются разбудить хозяина, чтобы тот

---

7. Порше Ф.— конструктор военной техники и автомобилей.

выпустил их из дома во двор.

— Вы врач?

— Нет. Я некоторым образом литератор. А больше — журналист.

— Это что за профессия — литератор?

— Книги пишу.

— Писатель, значит, — с нескрываемой завистью сказал Павел Митрофанович. — Это здорово!

— Вы хватили, — ответил я. — Писателями были Пушкин, Чехов, Лев Толстой. А я — литератор. — И вспомнил: — «Нас тьмы, и тьмы, и тьмы».⁸

— А как ваша фамилия? Писатели как-то подписываются. Горький — Пешков. Демьян Бедный⁹ — то ли Холуев, то ли Придворов... Не помню точно.

Я назвал себя.

— Что написали последнего? — после долгого молчания спросил старик.

— В «Правде» должна выйти большая статья к юбилею Победы.

— О чём? — спросил он уже тоном экзаменатора.

— О первых двух годах войны...

Павел Митрофанович долго лежал молча, а потом, плохо скрывая растерянность, спросил:

— Вы воевали? Или были сыном полка?

— Я?! — вырвалось из меня удивление. — Да мне только сорок два года. Правда, родился в оккупации. Почти немцем крещёный. Начальник «эсдэ»¹⁰ одолжил свои телегу и лошадь, чтоб меня свезти в церковь.

— Мой сын на два года моложе вас. Сорок пятого. — И, помолчав, добавил, всё ещё храня в голосе сомнение: — А откуда материал для статьи?

— Да его полным полно, — вырвалась у меня радостно-бравурная фраза. — Прочитай мемуары всяких маршалов — и пиши. Хватает даже двоих. У всех всё равно одно и то же. Только изложи своими словами, чтобы не придирались.

— А разве и сегодня еще есть придирасты?

— Кто? — спросил я удивленно, не поняв слова.

— Которые придираются к вашим статьям.

Старик поднялся с постели, вышел в предбанник. Зажёг лампу, долго одевался и ушёл с ней к костру. — Выходите, — позвал он. — Сна ни у вас, ни у меня нет.

Я выбрался из палатки и уселся на колоду рядом с Павлом Митрофановичем.

Тот возился с крышкой термоса.

Костёр дотлевал. От него шёл теплый дух.

— Мемуары — это очень серьезно... — выказывая некоторый скепсис, сказал старик. Отвернул крышку термоса. — Особенно пер-

8. Цитата из А. Блока.

9. Бедный Демьян — псевдоним советского компартийного поэта Ал. Д. Придворова, которого С. Есенин назвал Холуём Лакевичем за публикацию в газете «Правда» пасквильно-агитационного стихотворения о Иисусе Христе.

10. SD (Sturm dítzeit) — политическая надзорная полиция в Третьем рейхе.

вого прославленного маршала. И главное, — чистейшая правда... Как вода, пропущенная через песчаный фильтр. В первом издании про Вторую ударную армию целая глава. А во втором — корова языком слизала. Или наоборот. Сейчас не вспомню

— Может, коньячку? — предложил я, пропустив мимо ушей Вторую ударную, потому что никогда о ней не слышал.

— Врачи не рекомендуют пить, на ночь глядя. Лучше — чай.

— Тогда я — кофе.

— А вы нигде больше не писали о войне? — поинтересовался Павел Митрофанович строго. Подбросил в костёр сушняк, который ярко вспыхнул, отодвигая от нас темноту.

Я вдруг ощутил кожей, что старик спросил не из праздного любопытства. И понял: совру — не ловить мне рыбу у этого озера

— В прошлом году в «Красной звезде». — Я вспомнил, как заведующий редакцией требовательно просил насытить материал героическими фактами... «Придумай, — сказал он. — Чтоб героизма побольше. Чтоб всякие там Матросовы померкли!» И с гордостью уточнил: — О Сталинградской битве...

— Из маршалов выдёргивали? — спросил старик.

— Конечно, — хмыкнул я.

— Видно... «Снаряды всё время стучали по броне», — не скрывая сарказма, произнёс старик. — Красиво написано. Получается, немец по танку не из длинного ствола бронебойной болванкой лупил, а из двудулки бекасиной дробью. «У одного танка Т-34 лопнул трубопровод топлива...» — Он очень точно цитировал мою статью.

— Трубопровод не может лопнуть? — возразил я на высоких тонах..

— Конечно, может. И даже обязан, чтоб добавить героизма... на пустом месте. — Старик глянул на меня с вопросительно-издевательским прищуром. — «Тогда механик водитель оторвал от комбинезона лоскут, приложил к месту разрыва топливного трубопровода гаечный ключ, и, примотав его тряпкой, запустил двигатель».

— Да. Что тут такого? — Ко мне снова вернулась самоуверенность. — Завёлся и завёлся...

— Дизеля, товарищ журналист, у которых разорван топливопровод, нужно тянуть на ремонт, чтобы прокачать всю топливную систему. Трубопровод разорвался, в систему попал воздух... А это катастрофа... для «тридцатьчетвёрки». Это тебе не «Жигули». Дизель — вещь тонкая... А у вас... примотал ключ и поехали...

— Но ведь маршал примерно так написал, — оправдался нервно я.

— В архив залезли бы...

— Не пускают... Всё «совершенно секретно». Я эти главные военные мемуары выучил наизусть. Оскомину набили так, что пропала даже охота другие книги читать.

— Я слышал, что мой дед видал, как его пан едал, — рассмеялся Павел Митрофанович. — Но вы не обижайтесь. Я привык к такой писанине. — И вдруг сказал весело, наливая мне в чашку воду из термоса. — А я люблю читать. С собой хотел взять «Белую гвардию». Но тяжела книжка. Все три романа под одной обложкой. Жена привезёт... — Он плеснул себе кипятком в чашку. — К чтению тоже

человека приучать надо. Когда в школу ходил, к книжкам не тянуло. У меня всего три класса... В танковом училище всё больше матчасть да уставы штудировал... Вот, когда приехал в Борисов, и как-то само вышло... Это под Минском...

— А в Борисове что?

— Танковая броневая школа. Меня туда назначили. Учить молодых бойцов... Русский «Рено»¹¹ ... Танкетки. Рассказывал устройство и эксплуатацию... Но я не про железки. Про книги... Начальник КЭЧа,¹² когда ставил на постой, предупредил:

«Ты гляди в оба, лейтенант. Хозяйка дома, где жить будешь — вражеская баба...»

— Какая? — рассмеялся я.

— Жена врага народа... И будь очень-очень внимательным. Я бы тебя в другое какое хорошее место определил, да нету».

А дом врага народа в самом центре городка. Маленький, красивый. С большой верандой и садом. Окна с улицы ставнями закрывались на ночь.

Хозяйка оказалась бывшей буржуйкой. Училась в пансионе для благородных девиц. Наподобие Смольного. Она говорила где, да я запомнил... Комната для нас... Я тогда уже женился... Комната большая — меж окон кровать барская, широкая, никто через тебя не перелазит среди ночи, если по нужде. Посередине комнаты стол круглый, над ним лампа-пятилинейка под розовым абажуром с кисточками по урезу. А хозяйка с дочкой в двух других... И была ещё одна комната. Самая большая. И красивая. Красный рояль в углу, огромное зеркало от пола до потолка в чёрной резной раме. Длинный стол на тяжелых ножках, какие теперь только в бильярдных и увидишь. А по стенам книг наставлено море. Я столько даже в училище не видел.

По вечерам хозяйка играла. Обязательно... Долго играла. И чаще всего одну и ту же музыку... Через стенку хорошо слышно... А дочка пела жалобно. То ли песня была жалобной, то ли голос у девочки такой? Меня всегда на слезы тянуло. «Песнь моя летит с мольбою в тихий час ночной...»¹³

— «Звуки их полны тобою...» — продолжил я.

— Я много раз потом слышал эту песню. Даже по-немецки. Но по-русски она лучше. И никогда не хотелось узнать, кто написал. Узнаю... и память об этих женщинах исчезнет. А если слова и музыка берут за душу, то не важно, кто написал. Считай, уже народная...

К хозяйке ходили люди... Постучат в окошко тихо. А она принимает... Я долго не знал, чем она занимается. А однажды у моей жены живот схватило. Воеет, орёт: «Умираю!» Я уже собрался бежать в комендатуру — пусть кого из санчасти пришлют. На вопли пришла хозяйка... До этого она как-то сторонилась нас. И дочь утром кивнет, как глухонемая. Так бы ни одного слова и не услышал, если бы не песни по вечерам...

---

10. Русский «Рено» — лёгкий танк, выпускавшаяся в первые годы советской власти под маркой КС-1, скопированный с трофейного «Рено» FT-17.

11. КЭЧ — квартирно-эксплуатационная часть в воинском гарнизоне.

12. Песня Ф.Шуберта.

Пришла хозяйка, значит. Давай мою жену щупать и расспрашивать... Жена в гарнизонной столовой работала поварихой... Хозяйка принесла красновато-чернильной воды, заставила выпить. Жена залпом литровую кружку хлебнула, а, может, и две... Оказалось, хозяйка — врач... В общем, промыла желудок... Через часок напихала в рот моей благоверной таблеток чёрного угля. Жена лежит на постели, тяжело дышит... Вышел я из своей комнаты в большую, где рояль, и спрашиваю:

«Как мне вас отблагодарить?»

«Заставьте вашу жену не есть, что ни попадя», — нервно ответила хозяйка.

Угадала. Жёнушка любила пожрать. Что не увидит — в рот тянет, как дитё... Из столовой танковой школы таскала в судках еду. Проносила через «капэ» под юбкой. Я когда узрел... чуть не побил, хоть и женщина... Не спасло. Носила... И носила...

Отблагодарить всё-таки хотелось хозяйку-доктора. Совесть требовала. Но не ставить же на стол ворованный харч из солдатской столовой. Сходил на рынок, купил фунт ветчины и каких-то консервов... Сейчас уже не вспомню каких... Ползарплаты потратил. Я, молодой командир, получал семьсот рублей.

Жена накрыла стол в нашей комнате. Пригласили хозяйку и дочь. Они долго не соглашались. Но всё-таки я уговорил... Вот только пить водку они отказались. Пили я и жена.

— Хозяйка скромно положила в тарелку кусочек колбасы, две картошки... Дочь тоже.

А моя жена даже возмутилась:

«Да вы едите как люди, не бойтесь... Мы ж знаем, шо вы вечно голодные», — сказала она.

Хозяйка и вовсе перестала есть. До конца просидела, не притронувшись ни к колбасе, ни к консервам.

А после ужина деликатно пригласила нас в большую комнату. Сама уселась за рояль, а Соня пела...

Спела «Соловья», потом вдвоём с хозяйкой «Выхожу один я на дорогу...». Потом пели по-немецки...

Я слушаю, а сам поглядываю на жену. Ёрзает она на стуле, точно сидит на крапиве... Видно — не нравятся ей романсы. И вдруг она сказала:

«А можна шо-нибудь хорошее спеть?»

Хозяйка с недоуменной растерянностью глянула на мою жену и, делано улыбнувшись, спросила:

«А что вам нравится?»

Жена поднялась со стула и запела:

«Девки, где вы?» — «Тута, тута!»

«А моей Марфуты да нету тута!..»

И сдернув с плеч косынку, пошла в пляс, ударяя маленьким каблучками туфель о дубовый паркет.

Песня и пляска вышли нелепыми и глупыми.

Меня сжигал стыд...

До полуночи просидел на крыльце я. Впервые не захотелось лезть в постель к вдруг опостылевшему человеку.

* * *

А в ближайшее воскресенье, выхожу утром во двор... И на тебе! Хозяйка с дочкой дрова колот.

— Что же в этом удивительного? — спросил я.

— Что? Дочка полено держит, а мать над её руками топор заносит... Ну, чистая плаха с топорами...

«Что вы делаете!» — кричу.

«Кто дал вам право на меня кричать?» — Весь ответ. И продолжает рубить.

Я не выдержал. Выхватил топор. Расколел десяток чурбаков и говорю:

«Завтра вам все дрова расколют».

«Спасибо. Не надо. У меня нечем с вами рассчитываться».

«Тогда сегодня!» — крикнул я, не придумав ничего умнее.

Пошёл в школу, вызвал дежурного. Попросил выделить мне троих бойцов, топор и двуручную пилу...

Парни за пару часов намолотили поленницу... Они работают. Гимнастёрки сбросили. Хоть и конец сентября, а жарко. А у одного какая-то болячка на спине. Хозяйка опытным взглядом увидела и жёлтой мазью намазала. Потребовала от меня, чтоб отвёл парня в санчасть...

После в дом всех пригласила. Накормила, напоила бойцов, хотя с дочкой перебивались с хлеба на воду вечерними приработками...

Лечиться к ней полгорода ходило... Приносили, кто что мог. На работу не брали её, как она жена «промпартийца».¹⁴

— А разве мало платила танковая школа за ваш постой? — уверенно сказал я.

— Какой там! Она — жена врага народа. Пусть радуется, что живёт в собственном доме, а не в тюремной камере. А командир Красной армии с женой на постое — как искупление будущих грехов... Ну, да я не об этом. Заговорился. Забыл, о чём хотел сказать...

— О книгах, — напомнил я

— Да, да. О книгах... Сидим за столом. Бойцы едят. А я глазами по книжным полкам шарю. Разглядываю. Думаю: «Сколько же нужно иметь пустого времени, чтоб все их написать, а потом прочитать?»

— Пустого? — спросил я, не скрывая вдруг вспыхнувшей иронии.

— Тогда я считал так: чтение — пустая трата времени.

Как-то днём возвращаюсь домой. Во дворе на крыльце сидит дочь хозяйки с книгой в руках.

«Хорошая?» — спрашиваю от нечего делать.

«Плохих книг не бывает», — отвечает дерзко.

«А мне дадите прочесть?»

Девочка смутилась. И как заколдованная протягивает книгу.

— А сколько лет девочке? — спросил я.

— Лет пятнадцать... Отдала книгу, а сама в дом убежала, — сказал старик отрешённо, точно не заметил моих слов. — Я снял гимнастёрку и уселся читать. Книга странная была. Начальных стра-

14. Процесс «Промпартии». Один из первых уголовно-политических процессов над старыми специалистами, которых обвинили в саботаже и подготовке свержения советской власти.

ниц в ней не было. И конец оторван... Четыре или пять рассказов в этой книжке было. Один я до сих пор помню. В душу въелся, как наколка в кожу.

— О чём?

— Сущий пустяк. Два молодых дурака поспорили, что один просидит в бане пятнадцать лет безвылазно. Как в тюрьме, только без охраны. Сам, добровольно.

А другой ему:

«Не просидишь!»

«Просижу. Только есть, и пить регулярно приносите...»

— И выпить, — подхватил я, понимая, о каком рассказе идёт речь.¹⁵

— Это как полагается русскому человеку, — сказал Павел Митрофанович. — Поначалу этот, который доброволец, запросил, конечно, вина и икры... И чтобы под окном играли скоморохи. Да! Самое главное забыл. Поспорили ведь на миллион!

Через некоторое время он прогнал их, а потребовал книги. И принялся читать, читать, читать... А когда просидел десять лет, потребовал, чтобы ему принесли Библию и Коран... Есть стал мало. Обходился водой и хлебом. Кое-когда просил кусок баранины. Но всегда лук зелёный почему-то.

— А что же второй? — спросил я, улыбаясь наивному пересказу знаменитого русского рассказа.

— Второй был банкир. Обанкротился. А пришёл срок платить... Остался один день... И банкир, как истинно русский банкир, конечно, самое верное русское решение принял — убить несчастного сидельца. Взял револьвер. Пришёл в баню... и полный конфуз. Убивать некого. Товарища и след простыл. Только записка на столе... Прочёл банкир записку и его кондратий стал трясти.

— А кондрашка откуда? — спросил я, помня, что о болезни в рассказе не было ни слова.

— «Я гулял по миру, — пишет в записке этот бедолага. — Любил женщин... Познал мудрость бытия. И ухожу. А ты оставайся со своим мильёном...»

— А чей это рассказ, знаете? — спросил я.

— Знаю, конечно. А всё равно хорошо, что в книге не было ни начала, ни конца. Моя бы воля, я бы этот рассказ в Библию поместил, как пятое евангелие. Следом за благовествованием от Иоанна...

Прочёл я эту книжку без обложки. Вернул девчущке.

А она мне:

«Вы читали «Айвенго»?»

«Нет...»

«Тогда я вам принесу...»

Потом был «Следопыт», «Зверобой».

Спрашиваю как-то:

«Это всё про американцев и англичан. А про нас есть?»

Принесла мне толстую книгу. «Детство», «В людях», «Мои университеты».

Я почти всё время проводил в школе. Собирал и разбираал короб-

---

15. Чехов А. П. «Пари».

ку перемены передач «бэтэшки». А тут домой стало тянуть. К книгам...

Павел Митрофанович встал, ушёл в палатку и вернулся с курткой на плечах.

— Прохладно... Соня... дочка хозяйки мне «Тихий Дон» подсунула. Вот это смачно! Как вареники с вишнями... А потом «Поднятую целину» в политотделе выдали. Её в «Правде», кажись, печатали... Или в какой другой газете... Не вспомню. В красном уголке три прошитые стопки лежали... Думаю: «Шолохов — значит хорошо». Читал и места себе не находил! Ну и скотина! Кого ты дуришь, писака!

Павел Митрофанович стал тяжело дышать.

— Вы не волнуйтесь, — я попытался успокоить его. — Пустое это. Написал и написал.

Старик отвернул пробку термоса и предложил мне кипяток.

— А после войны, — сказал он, — политработнички заставили прочесть «Молодую гвардию». Читали?

— В школе заставляли. В десятом классе. Но не осилил, — ответил я,

Павел Митрофанович стал наливать воду в чашку. Термос стучал по фарфоровому ободку, выдавая нервное подрагивание рук.

— Стоит ли из-за этой дряни в гроб себя загонять? — попытался я успокоить старика. — Тот самый человек, который написал о споре банкира и студента, говорил, что писатель, как и собака, имеет право лаять по-своему.

— Так нельзя рассуждать, — возбуждённо сказал Павел Митрофанович. — Я своим внукам запретил «Поднятую целину» даже в руки брать. Все книжки из собрания сочинений выбросил. Только «Тихий Дон» оставил... Обложки отодрал и оставил... А Чехов, должно, имел в виду порядочных собак, а не шавок...

— А зачем обложки обрывать?

— Хорошей книге обложка не нужна. Будет у Библии обложка или нет... всё равно она останется Библией.

Я молчал, соглашаясь.

Вдруг из ближайших кустов ударил соловей, напугав до дрожи.

— «Слышишь, в роще прозвучали трели соловья. Звуки их полны печали...» — вспомнил Павел Митрофанович. — Который час?

— Три. — Я глянул на часы.

— Через полчаса начнет светать. Идите спать, а я посижу. А потом схожу, нарою червей. Сон куда-то исчез.

30 апреля

Утренняя прохлада пробралась в палатку и заставила натянуть на себя одеяло.

Я попробовал доспать. Но отблеск пламени, проникавший сквозь сетчатую стенку палатки, отогнал сон.

Павел Митрофанович, стоял у костра и длинной палкой загребал шишки под сковородкой.

— Доброе утро, — сказал я. — Времени сколько?

— Доброе... Девятый час.

Солнце пробивалось сквозь хвою сосен, окрашивая их верхушки в розовый цвет, и висело еще низко над землёй. Воздух был пропитан ароматом черёмухи и наполнен птичьим пением. Из общего шума выбивалась забористая песня соловья. На успокоенной глади воды плавали светлые пятна солнечного огня.

— Быстрее умывайтесь. У меня всё готово.

На колоде-столе стояла полная миска оладий.

— Вы не ложились? — спросил я.

— Почему же? Три часика поспал. Сегодня попробуем сварить настоящую уху. А после завтрака я схожу в местный магазин.

— Это далеко?

— Километров пять в сторону.

Старик налил в чашку кипяток.

— Вы как хотите, а я буду чай.

— У меня есть индийский, — сообщил я, стараясь хоть этим поучаствовать в приготовлении завтрака. Мне действительно было неловко, что проспал утро.

— Индийский — это хорошо. А то у меня какая-то «бодрость». Сосед в Москву ездит. Привозит. Всё жалуется, что и там стало плохо. Даже в китайском магазине на улице Кирова ничего путного не купишь... Вы ходите в китайский магазин?

— Редко.

Я принёс жёлтую пачку со слонем на боковине.

Павел Митрофанович засыпал в чайник три чайных ложки чёрных листочков. И принялся помешивать.

— Вспоминаю... Конец сороковых, начало пятидесятых. В газетах богатые урожаи, палач югославского народа Тито и висельник Ранкович... Во Львове ... я про сахар молчу... за хлебом очереди, как будто на каждой улице по Мавзолею поставлено. Когда привозили в магазин тюльку... Как она называется в Москве? Мелкая соленая рыбка?..

— Хамса.

— Вот-вот. Это праздник для народа. За ней толпы выстраивались подлинней чем в Мавзолей. А, вот, чёрной икры и крабов хоть объешься. Треугольными пирамидами стояли в витринах гастрономов. И чай в железных коробочках продавался. Грузинский — в синих, индийский — в коричнево-золотистых. — Старик пошёл в палатку и вернулся, держа в руке жестяную коробочку синего цвета. — Полюбуйтесь. Я с той поры блёсны да крючки храню в таких.... А самый лучший чай продавался всё же в бумажной обёртке. Цейлонский. Прессованный. Напоминал плиточный шоколад. Отломишь квадратик, в кипяток бросишь... Сначала мутная коричневая жижа образуется. А потом всё осветляется, и напиток... рубиновый. Аромат на десятки метров вокруг. Пчёлы как на цвет липы слетались.

Павел Митрофанович выставил на чурбак две тарелки и две чашки.

— Садитесь. Позавтракаем и начнём за окунем гоняться... Он здесь на червя хорошо берёт до обеда. Я уже четыре удилица поставил.

Старик налил в кружку чай, бросил маленький кусочек рафинада, медленно и тщательно размешал.

- Почему вы пьёте не сладкий? — спросил я.
- Это ещё с войны. Она быстро учит экономить.
- И на всём экономите?

— Нет. Но привычку трудно перебороть. Помню... Влетели в один донской хутор... Отступали к Сталинграду... Танков осталось с гулькин нос — сборная солянка из трёх бригад. Харчей нет. Послал бойцов по куреням. Не густо. Зато в колхозном амбаре нашли семечки. Набили ими все кузова и карманы. В танках засыпали этой мелочью все саквы... Четыре дня ели только их. Внутри машин, как после сельской вечеринки — шелухи по колено...

Мы молча ели.

От берега долетел тонкий призывный звоночек.

— Кажется, клюёт! — радостно воскликнул Павел Митрофанович. Оставил чашку, побежал к воде.

Он вернулся, радостно улыбаясь.

— Ну вот. Считай, обед есть. Уже четыре крепких окушка. Грамм по двести. Пока я буду ходить, вы ещё поймаете.

— В этой деревне газеты продаются? — спросил я.

— Нет. Но если вам без них неймётся, то я возьму у кого-то.

— А как вам новый генеральный секретарь?

— Никак, — равнодушно ответил Павел Митрофанович, словно ждал моего вопроса. — С некоторых пор все эти секретари сами по себе, а я — сам по себе.

— Вы же член партии, — удивлённо сказал я. — Военные у нас обязаны быть членами партии.

— И я был. В сороковом году вступил в вэкапэбэ.¹⁶ А в шестидесятые годы затерялся среди простого люда. Даже не знаю, кто я теперь: член или не член. — Старик говорил спокойно, словно рассказывал давнишнюю бородатую байку, о которой случайно вспомнил. — А вы тоже в членах ходите?

— Нет.

— Странно. Ваше газетное дело для власти поважней солдатского будет. Солдат стреляет в грудь, а вы — в мозги и в души.

— Какая никакая перемена, — выказал я свою уверенность. Мне захотелось поделиться с моим новым знакомым своей радостью, что благодаря смене руководства в стране, издатели подписали в печать мою книгу, которая лежала под редакционным сукном уже более трёх лет.

— «А вы, друзья, как не садитесь, а в музыканты не годитесь», — сказал Павел Митрофанович.

— А я надеюсь, что музыка поменяется.

— Я что-то никаких перемен не заметил пока.

— Так только месяц, считай, прошёл после пышных похорон.¹⁷

— Всю жизнь думал, что завтра всё переменится. Думал — врагов народа перебьём, и хлеб с маслом можно будет купить, потом думал — немца разобьём и как люди заживём... У меня сейчас такое ощущение, что я вдруг вернулся в сорок первый год под Москву... И вот-вот случится какая-то катастрофа... Ладно, давайте что-

16. ВКП(б) — Всероссийская Коммунистическая партия (большевиков).

17. Пятилетка пышных похорон — 1980-1985 гг., когда происходили пышные похороны руководителей КПСС.

то будем делать, а то останемся без обеда. Я пойду ловить окуня.

Старик поднялся. Стал собирать посуду.

— Оставьте, — сказал я. — Вымою.

Он молча согласился. Ушёл на берег и уселся на чурбак возле удилищ.

Я нагрел воду и принялся мыть посуду. Хотелось побыстрее с ней покончить и подсесть к Павлу Митрофановичу. Интуиция мне подсказывала, что этот человек может рассказать очень много такого, чего я ни в одной книге не вычитаю.

— А почему вы не верите маршалам? — спросил я, пытаюсь оправдать свою будущую статью в «Правде».

— Кто хочет, пусть верит. — Павел Митрофанович помолчал и вдруг резко сказал: — Верит только тот, кто не видел сам... В другой раз, когда будете маршальскую правду читать, обратите внимание на цифры и буквы на последней странице. Какие-нибудь «д восемнадцать пятнадцать»...

— А это что? — спросил я, присаживаясь на берегу рядом со стариком.

— Номер цензора Главного политического управления армии... И чем больше таких номеров, тем ближе катастрофа... Берите червей, — предложил Павел Митрофанович, подсовывая к моим ногам деревянный ящичек.

— Вы о какой катастрофе? — Я принялся нанизывать наживку на крючок.

— Да вся жизнь в России — сплошная катастрофа... — Старик подёрнул удилище и вытащил довольно большого окуня с чёрно-полосатой спиной. Радостно заметил: — Вот уже пятый. И ещё не вечер...

Павел Митрофанович снял с крючка рыбу и опустил её в садок. И поймав мой взгляд, спросил:

— Что вы с таким удивлением смотрите? Хотите о катастрофе?

— Конечно.

— Вы про оборону Москвы каких маршалов читали?

— Десяток, наверное... Белобородов¹⁸ ... Всех не упомнишь.

— Про ледовое нашествие никто не писал?

— Ледовое побоище? — спросил я, понимая, что старик перепутал времена. — Но это когда было? При Александре Невском.

— Да, да, — ухмыльнулся старик. — Только не при Невском... Как вспомню, так до сих пор по спине мороз. Сегодня до костей пробирает... А тогда был холод собачий. В конце ноября градусов тридцать с добрым лишком. Танки с огромным трудом заводились. А грузовики только тросом в протяжку... И то не все.

— Вы в каком звании тогда были? — спросил я, пытаюсь понять о каком побоище говорит старик.

— Подполковник... Нас переподчинили Калининскому фронту, армии генерала Кузнецова¹⁹ ... Стояли мы у деревни Гашкино или Кашкино... А против нас какой-то генерал фон Клюге... А сза-

---

18. Белобородов А. П. — в ноябре 1941г. — полковник, командир 78-й стрелковой дивизии.

19. Кузнецов В.И — генерал-лейтенант, в декабре 1941 г. командующий 1-й ударной армией.

ди озёра. Водохранилища... В штабе армии получил прямое указание — отбивать атаки и готовиться к удару на Клин. Наступать всегда весело. А отступать — думать надо. Хорошо знать местность, чтоб не оказаться с танками на дне. Двадцать шесть тонн никакой лед не выдержит. А у меня таких машин почти шестьдесят пять. Да ещё полковое хозяйство...

— А как немец? — Я наживил червя и забросил снасть.

— Две недели мутузил нас. Закидал бомбами... Да большая часть мимо... Ну, мы отбились. Правда, два десятка с экипажами потеряли. Капониров в сорокаградусный мороз не нароешься. Маскировались, как могли... А погибших собирали. Окоченелых...

Вдруг среди ночи прискакал на киргизе²⁰ делегат связи.²¹ Приказ из штаба фронта привез: немедленно сняться с места и перебазироваться к ближайшему железнодорожному разъезду. Причин, конечно, не объяснил нарочный. Да и не его это дело. На коне верхом появился и ускакал с первыми лучами. Но русская земля слухами живет. Из уха в ухо — Гудериан к Туле прорывается... Получил приказ — выполняй! Разведка на следующий день дорогу разметила... Чтоб не плутать. День ноябрьский короткий. В три часа уже темнеет. А немец над ними летает беспрерывно, что осенний лист. Захочет, бомбы сбросит, захочет просто покружится... Ох, как куражился!

Первыми снялись ремонтники и заправщики. Ушли в ночь. Ранним утром две танковые роты и штаб...

— Тогда в полку разве были роты? — переспросил я.

— Извините, запамятовал... Да, да. Конечно батальоны, а в них — роты...

Я на своём танке замыкающим. Взобрался на высоту. Дай, думаю, гляну на оставленные позиции. Гляжу, а вдали на соседней высоте колонна пехоты уходит куда-то — соседей наших тоже сняли с позиций. Удивляло и беспокоило только, что никого нам на смену не прислали. Получалось, вроде как мы оголили километров пять фронта. Заходи кому не лень... Нажал я ногами на плечи механику-водителю — трогай. Развернул башню и высунулся из люка... Сквозь рёв двигателя слышу какой-то грохот. И шёл он не от немцев, а с нашей стороны. Первая мысль — немецкие танки ночью зашли нам в тыл! Махнул красным флажком два круга над головой. Это у нас условный сигнал — полный вперед на максимальной скорости! Очень не хотелось второй раз из окружения выбираться... Правда, все уже были от командирского танка далеко...

Павел Митрофанович снова поддернул удилище и вытащил чёрного окуня.

— Соскучился я за зиму по настоящей рыбалке. Славная уха будет. Поглядите... окуни, как сардельки.

— А как на счет коньячку?

— Нет, нет, — отказался старик. — Я свою норму знаю. А через час таблетки. И в магазин... Махнул флажком и пнул механика в спину. Вперёд!

А грохот, как канонада. Сильный и близкий.

---

20. Киргиз — коротконогая азиатская лошадь.

21. Делегат связи — должность при штабах фронтов, равноценная офицеру связи.

И опять мне повезло. На то место, где стоял ещё полчаса назад мой полк, накатил вал воды вперемешку с шугой. А следом стена льда, высотой три с лишком метра... Пригляделся... Мне вдруг стало страшно. Впереди себя этот ледяной вал тащит брёвна вывороченные из стен и чёрно-рыжую солому, связанную в маленькие снопы, какими крыши кроют в деревенских избах... Увидел дверь. А на двери, держась за ручку, лежит ребёнок лет шести... Босой, без шапки. В одних портках и рубашечке... Как только с печи слез... Дверь скользит перед ледяным валом каким-то чудом, как санки. И вдруг уткнулась в огромный бугор, на котором голый куст сиротливо пальцы-ветки к небу вознёс. И остановилась. И на неё, вижу, надвигается грязная ледяная глыба, облепленная старой соломой. Минута-другая... и мальцу конец.

«Амвросий! — кричу. — Давай! Спасай!»

А сам стучу носками сапог в спину Хамзе — задний ход!

Механик-водитель сдал назад. Гусеницы остановились у самой двери. Амвросий выскочил на снег. Схватил паренька... Успел-таки запрыгнуть на броню вовремя... Глыба замяла дверь под себя, срезала бугор и поползла дальше... Зацепила мне левую гусеницу и развернула двадцать шесть тонн... как лошадь пустую телегу.

— Кто такой Амвросий? — перебил я эмоциональный рассказ Павла Митрофановича.

— Мой старшина. Он со мной в танке на месте заряжающего всегда сидел.

— А мальчик?

— Кое-как в танк впихнули. Он уже коченеть стал... В тепле и тесноте машины отогрелся... Пришли на разъезд. Давай расспрашивать. Он с бабкой и дедом в этой самой деревне жил. Кашкино или Гашкино. А утром их дом сорвало и понесло... Он плачет. «Хочу к бабушке...»

Накормили мы его. Парни из хозроты какую-то одежонку справили...

На разъезде нас уже платформы ждали... Погрузились. И поехал пацанёнок с нами Гудериана воевать под Тулу... А когда про паренька слух до особистов дошёл, примчались, как чумные, и, ничего не объясняя, забрали...

Я старался понять: говорит старик правду или складно выдумывает, чтобы выглядеть особенным героем в моих глазах... То Зоя Космодемьянская — несчастная девчонка А теперь какой-то паренёк на двери в лютый мороз...

— Так что это было? — спросил я.

Павел Митрофанович смотрел на удилища сосредоточенно. Я наклонился над деревянным ящиком с червями и заглянул старику в глаза. Голубые, уже потерявшие яркость, они были наполнены неудержимой болью переживания, словно происшедшее с ним случилось не давно, а только вчера. И было видно, что боль не отпускала...

Он поддёргнул удилище и вытащил из воды голый крючок. Долго насаживал на него червя. Пальцы у него дрожали. Забросил нервно снасть, вытер тряпочкой руки и, вздохнув, нехотя сказал, должно, наспех придумав, ответ:

— Не знаю. Может, где плотину какую прорвало...

Но мне показалось, что старик не говорит правду, хотя и знает её. По тому, с каким раздражением он бросил снасть в воду, я понял, что разговор ему не нравится.

Я знал многих рассказчиков, истории, придуманные которыми, были страшней и безумней услышанной о мальчике. Но глаза краснораев всегда светились радостным огнём, питаюсь счастливым умением обманывать простодушных слушателей.

Мне было неловко с этим человеком. Хотелось поспорить с ним, но предмет для спора ускользал, и я не мог понять почему. И наравшись на несколько болезненных замечаний старика, боялся, что и победа в споре обернётся против меня.

Дальше мы сидели молча. У Павла Митрофановича клевало. У меня — нет. Я поймал только двух плотвичек.

Старик ходил к палатке глотать таблетки.

— Я предлагаю, — сказал он, снимая с крючка очередного окуня. — Вы готовите уху. Окуней чистить умеете?.. А я сбегаю в село. Зайду к знакомым. Возьму картошки и капусты...?

— Спросите газеты, — напомнил я, соглашаясь.

Павел Митрофанович оставил удилица, пошёл к палатке. Быстро собрался и скрылся в густых кустах просеки.

* * *

Солнце перебралось на закатную часть неба и стремительно падало к земле.

Я не без волнения глянул на циферблат: пятый час после полудня. Уже почистил окуней, картошку, лук. Хотелось есть, но я держался, ожидая. Несколько раз выходил к кустам просеки, надеясь увидеть фигуру старика.

Павел Митрофанович появился неожиданно. Вырос как берендей среди леса. Сбросил полный рюкзак на траву.

— Как успехи? — спросил я.

— Народ весь в празднике. Водку всю раскупили. Долго ждал машину с хлебом. Взял три буханки.

— Зачем так много?

— Это не много. Местные берут по тридцать буханок за раз, — И, поймав мой вопросительный взгляд, пояснил: — Свиней кормят. Машину хлеба в полчаса разбирают.

— Газеты есть? — Я принялся разжигать костер.

— Есть. Но местные. Будете читать? Вы украинский понимаете?

— Нет. Переживём.

Вода закипела быстро.

— Чур, сегодня делаем уху по-настоящему, — сказал старик, выходя из палатки, в спортивном костюме.

— Вы потратились. Сколько я вам обязан?

— Еще успеете рассчитаться. Да денег я тут почти не плачу. Зашёл к одному знакомому — сала отрезали. К другому — ведро картошки отсыпали. У третьего — качан капусты перепал... Вот только хлеб, да масло подсолнечное в магазине — все траты... — Настроение у Павла Митрофановича было радостное. — С людьми поговорил. Как вроде только каких-нибудь полгода не виделись, а

новостей набралось — в памяти не удержишь... Вот Суконка помер... Хотя вы его не знаете... Противный был мужик. А как не стало, так бабам и не с кем поругаться у магазина... От Федьки-шкипера жена сбежала... На радостях вторую неделю не просыхает. Всё меня угостить норовил... Но я самогон с сорок первого года не пью. — Старик уселся у стола и взялся за нож. — Сорок с лишком лет пролетело, а жизнь как под копирку повторяется. — Он рассмеялся. — Как сейчас перед глазами... Вот такой же май. Я только тридцатилетие отметил... Приехал к нам в часть синефуражечник из корпуса. Звания уже не помню. То ли майор, то ли старший майор госбезопасности... — Павел Митрофанович принялся шинковать луковицу.

— Ну, старший майор в госбезопасности тогда — это почти генерал, — вспомнил я.

— Значит, просто майор. Да Бог с ним. Особые отделы были только в дивизиях, а у нас — сидели оперуполномоченные. Главное не в этом. Приехал и засел в кабинете. И не в штабе полка. У своего опера. Домик один, а входы разные... Этот приезд я бы и не заметил. Что простому капитану, командиру танковой роты до визита какого-то начальника. Опять оговорился... Батальона... Моё дело — матчасть в исправности держать. Чтоб «бэтэшки» заводились, чтоб у них коробку не заклинивало. Кручусь у стола в бывшей конюшне, собираю коробку. Я в штабе не любил сидеть... Вдруг прибегает ко мне сержант и шепчет испуганно на ухо:

«Товарищ капитан, командира полка к оперу позвали... Я в штабе был... Сам видел...»

«И чего?» — спрашиваю.

«Беда! — отвечает сержант. — Паны бьются, а у нас задницы болят».

«Нам-то чего до их дел?» — рассмеялся я.

Да, видать, смех у меня не очень убедительный получился. Не вышло равнодушие изобразить. Сержант как-то боком от меня ушёл, точно от чумного.

Гляжу вослед бойцу, а сам думаю:

«Начальники меж собой разберутся, а мимо нас не пролетит. Заденет. И кого-то крепко».

Прикинул в уме — кто и что у нас в полку мог натворить? Народу с гулькин нос. На партсобраниях никого не ругали... Я уже к тому времени стал партийным... О себе я даже не подумал. Зачем я, простой капитан, особисту?

А на следующий день вызвал меня вдруг синефуражечник к себе. Сидит за столом, глаз от бумаг не поднимает. Отсвечивает лысиной. Про отца с матерью спросил. Про жену — где она? Про детей. Как я отношусь к Германии?... И не просто так спросил. Напомнил, что я в белостокском параде участвовал... Меня в Берз перевели сразу после парада.

— А как вы относились к Молотову-Риббентропу?²² — спросил я.

— Как я должен был относиться к ним? Как сейчас к афганской

---

22. Пакт Молотова-Риббентропа — сговор между фашистской Германией и СССР по разделу Польши.

войне все относятся. Считай, я тогда был советско-фашистским ограниченным контингентом.²³ В Белостоке²⁴ на одном параде с фашистом маршировал. Значит, ура-соучастник! Громко отмечали победу над общим врагом. Целовались... И чего не кричать, если кусок земли отхватили у заклятого соседа — белопанской Польши?.. Шоколад у немца, правда, очень хороший. Плитки толстые, квадратные в синих упаковках... А водка — дрек...²⁵

Старик взял ещё одну луковицу и принялся чистить.

— А в конце разговора особист зачитал мне приказ: «Необходимо прибыть в расположение штаба корпуса». И прочёл его как-то особенно, точно секретом, каким важным со мной делился. И говорит:

«Распишись, что ознакомился с приказом».

Подсовывает мне листок. Пустой. На белом поле ни фамилии, ни имени, ни звания. Только какие-то цифры. Я их запомнил на всю жизнь. Сто десять двенадцать девяносто восемь.

— Это что означало? — спросил я.

— Я у него так и спросил: «Это что за цифры?» А он в ответ: «Расписывайся без вопросов!» — грубо произнес Павел Митрофанович, пытаясь изобразить особиста.

Он бросил на сковородку лук. Масло зашипело недовольно.

— От особиста я сразу к начальнику штаба. — Рука старика перемешивала ножом белые кусочки. — По уставу обязан доложить, что получил приказ покинуть расположение части. Доложил. Но реакции никакой. Точно меня и нет.

Оказалось, что командира полка и начальника штаба тоже вызвали в корпус... только на день раньше.

В штаб они уехали на «эмке». А я — на перекладных. Шла «полуторка» за крупной на корпусной склад. На ней и доехал почти до места. Последние километров пять до Радехова шёл пешком...

Своих комполка и начштаба я больше не видел. Никогда. И ничего о них не слышал.

А через неделю возвращался я уже командиром полка в звании майора. С персональным шофёром, с портфелем кожаным, с печатями. Ехал на той самой «эмке», на которой мои бывшие командиры в корпус отбыли. Не дальним родственником на заднем сидении, а на переднем... Кум королю и сват министру...

Старик принялся копать в мешке, с которым ходил в деревню.

— Где же он? — раздосадовано спросил он. — Ведь дали. — Выложил пакет с чесноком на стол. Рядом — килограммовый кубик сала, завернутый в белую тряпочку. — Начинайте чистить чеснок, — предложил он. — Потом порежете мелко сало.

— А как вы начали войну двадцать второго июня? — спросил я осторожно, надеясь, что старик не вспомнит о моей статье к юбилею. — Как можно было допустить, чтобы все командиры в Сочи отдыхали. Какую книгу не возьми, так все офицеры... Виноват, командиры... Все почему-то там. Отдыхают...

---

23. Ограниченный контингент — пропагандистско-лицемерное название советских оккупационных войск, воевавших в Афганистане.

24. Белосток — ныне город в Польше у границы с Белоруссией.

25. Дрек — дерьмо, дрянь (нем.).

— Не город, а мешок, набитый под завязку командным составом? — рассмеялся Павел Митрофанович и изучающе посмотрел на меня, точно хотел разглядеть в моей душе правдивую заинтересованность. И сказал, схватив себя за подбородок: — Какие отпуска!? Для дурачков в кино подходит. Командирам ещё в феврале запретили покидать расположение частей без служебной надобности. А бойцов и в увольнения почти не выпускали...

Он открыл крышку, зачерпнул ложкой уху и принялся пробовать.

— Тому, кто придумал отдых командиров в Сочи, нужно не Сталинскую премию давать, а Нобелевскую... Давайте будем бросать чеснок и сало, а то переварим и испортим себе обед... — Старик замёл ложкой нашинкованный чеснок и бросил его в казанок. — А начало войны у каждого своё. Кто-то начинал двадцать второго июня, кто-то девятого мая... Если считать меня человеком власти, которой я служил, то моя война началась не в сорок первом...

Я глянул на Павла Митрофановича, и мой взгляд, должно, ему не понравился.

— В двадцать девятом... — сказал он. — Село наше было зажиточным. Дворов двести. Даже в самом бедном две лошади и пара волов. И земля у каждого своя. Не много, но своя. Сельские мужики все воевали. Кто где. Мой отец сначала был в армии Муравьева, потом у Махно, у Деникина. Закончил с красными. Вот только из партийцев — один председатель сельсовета.

А перед новым тридцатым годом приехал в село районный уполномоченный. Невысок, чуть полноват для своих молодых годков. Но бравый. Шапка-ушанка на затылке, из-под неё во все стороны кудри серые... Стреги на шерсть, как барана. Сапоги яловые с калошами. Штанины в голенища заправлены. Краснобай. Сразу, в первый вечер попросил принести гармошку. И давай нам всякие кадрили и танго наяривать. А к концу крепко разошёлся, и давай частушки похабные выстреливать и девкам нашим подмигивать...

На другой приезд, — как раз через неделю, — про какую-то стройку рассказывал. То ли автозавод, то ли комбинат рудный... Да так складно нас агитировал ехать на эту стройку, что мы даже поперву решили — с таким удальцом мы на этой самой стройке не пропадем... Одно в нем не нравилось. Бесперывно сучил кожей на лбу, как тот конь в жару. Скажет слово и сучит. Только когда пел, дергание куда-то исчезало.

И привёз с собой девку. И не одну, а с дитём малым. Поставлена к нам комсомол организовывать.

Годков было ей двадцать пять и дитю три. Статная, миловидная. Как говорят, кровь с молоком. И малец как игрушечный. Волосики белёсые вьются, завиваются.

Я как увидел её, так меня и зазнобило...

Поставили эту комсоровку на постой к нашей соседке, старухе Полине. Та в Японскую войну мужа потеряла. В Империалистическую — старшего сына, а в Гражданскую — младшего. И только в её дворе было две козы, да свинья. Всем селом ей помогали. То вспашут, то засеют, то уберут... Народ хоть и паскудненький, а себя ценил... Старуха в селе за лекаря была. Всякие травы, какие вокруг

росли, все знала. Какой нарыв, какая болячка — к бабе Полине бегут. И была у старухи баня. И только у неё была. Мужик ейный не из наших мест. Как он попал к нам никто не знал, а мама сказывли, что сам он из северных, из олонецких. Вот он на берегу речушки, что под ногами протекала, построил рублёную баню... У нас хаты из самана сбиты, а тут бревно... Старуха Полина лечила, и паром кости правила.

Я по двору хожу и на главную комсомолку поглядываю.

А потом к ней в ячейку записался на постоянно... Комсомольцем. Дело не тяжёлое и бесплатное...

Павел Митрофанович снял варево с огня и поставил на пень.

— Кира, так нашу заводилу звали... — Он выставил тарелки. Принялся нарезать хлеб. — Нам газеты читала. В воскресенье председатель ей своего жеребца выкатывал под самые ворота. Она бежала в волость, а к вечеру возвращалась с газетами. И почту за одно привозила.

Почти каждый вечер в сельсовете собираемся и слушаем. В Москве да Харькове с непманами воюют, врагов революции стреляют, а нам не досуг про это. Курим, шелухой от подсолнуха плюёмся, под гармошку танцуем. Заканчивали перед самыми первыми петухами... Могли бы и дольше, да Кире к мальцу своему бежать надо... Все расходились, а я Киру до дома провожаю. И вроде не провожаю, а просто по дороге вместе идём...

А однажды пошли не по улице, а по тропинке, что вдоль реки. Снега не много — весной воздух заквасился... Идем, о чем-то болтаем. Снег уже под ногами не скрипит. Тишина... Только на селе кто-то вдруг всполошит собак. Дошли до бани. Уже и ко дворам поворачивать надо... Тут Кира хватает меня за руку и в баню...

А там тепло... Кто-то загодя протопил...

«Гляжу, страдаешь, Пашенька», — говорит. И пальтишко на скамейку сбросила. А за ним — юбку. — Чего стоишь? Аль не подожу?..»

Как с меня мой кожушок свалился, а за ним сапоги — не помню. Сами вдруг.

Стоим среди бани в темноте, а я словно вижу её белую грудь в сиянии...

Вот и стали мы по вечерам после политпосиделок в бане хорониться... Свежеиспечённый комсомолец и затевашница...

Старик открыл крышку казанка. Ароматный пар потянулся к небу.

— Насыпаем каждый себе. Так удобней. Сколько хош — столько ешь.

Я достал коньяк.

— Нет, нет, — возразил Павел Митрофанович. — Сейчас мой. — Он запустил руку в рюкзак и вынул бутылку армянского коньяка. — Водки в лавке нет. Всю скупили.

Он скрутил пробку и налил в рюмки. Мы выпили. Коньяк оказался действительно хорошего качества. Но Павел Митрофанович скривил лицо в недовольной гримасе и сказал:

— Кто заряжал? Обрезал бы ноги по самые уши...

— А мне кажется — откат нормальный, — сказал я, понимая, что старик, выказывая неудовольствие напитком, хочет сделать мне приятное.

Мы хлебали уху.

— В газетах всё про коммуны писали. — Павел Митрофанович отставил тарелку и налил снова коньяк. Когда выпили, принялся торопливо заедать. — И Кира нам про них говорила. И удумали мы свою коммуну сделать. Долго спорили, с чего начинать. Решили, что все комсомольцы у отцов по полдесятины выпросят и в общую шапку положат. По теперешним меркам — пять гектаров... Весной засеём, а осенью соберём. И своим урожаем всем нос утрём. Решили и постановили.

Я пришёл к отцу и говорю:

«Давай мы в коммуну вступим».

На удивление он отговаривать меня не стал, сразу сказал:

«Мы с тобой сперва у себя яровые засеём, а если сил хватит, то и коммуне поможем».

А полдесятины в коммуну отрядил.

Я в ячейке про разговор с отцом рассказал. Не меня все стали кричать, что я не комсомолец... Но потом согласились с предложением.

В середине апреля за три дня мы с отцом отселись. Три десятины — пшеницей. Две с половиной оставили под пар. Половинку в коммуну выделили...

«Вот теперь бери Грызуна и поезжай в свою коммуну», — сказал отец.

Я сбежал в ячейку. Сговорились начать пахать с утра.

Запряг коня в телегу, бросил в нее плуг и борону, поехал на коммунные десятины. Утром только проклевывалось. Роса ярая, холодная. День должен быть светлым, теплым. Еду и думаю: «Пахать будет легко. С удовольствием».

На поле никого.

Подождал, две самокрутки выкурил и принялся пахать.

Грызун — конь большой, крепкий. Он бы мог сам сорокапятку таскать. Ему один лемех в плуге — пустяк. К обеду вспахал я две десятины. Конь испариной пошёл...

Гляжу, бричка бежит. За вожжи дергает Гришка Кривой — один из наших коммунарских комсомольцев. Окликнул.

«Ты почему не пахешь?» — спрашиваю.

«Да я в волость мотался».

«А где другие?»

«Не знаю. Завтра начнём».

Ни завтра, ни послезавтра не начали. Так три десятины и остались лысыми. Траву, правда, скосили в июле...

Я налил в рюмку коньяк

Но Павел Митрофанович отодвинул и пить не стал.

— На зиму глядя объявили о хлебозаготовках. Наш единственный партиец по дворам ходил. Нормы сдачи назначал. Всё зерно в подводы — и в волость на ссыпку.

Старик снова налил себе уху

— А в середине марта приехал всё тот же уполномоченный из

волости. Только теперь в кепке и кожаной куртке.

Собрал всех комсомольцев и без всяких посиделок под гармонь объявил, что решено всем идти в колхоз. А кто не захочет — всё отберут силой.

Кто-то из мужиков даже в волость с жалобой на этого уполномоченного поскакал... А там объяснили крестьянину, что товарищ Подлюк выполняет директиву партии.

Конечно, никто в колхоз не пошёл.

Подлюк месяц по хатам с уговорами ходил, да с тем и уехал...

А через неделю вернулся в село с отрядом бойцов. Человек тридцать с командиром. И пошли мы комсомольской оравой по дворам хлеб отбирать и скот в общий хлев стогнать. Впереди уполномоченный, следом за ним я с длинным стальным шестом. А за мной другие комсомольцы... А уж за комсомольцами красноармейцы со штыками. Во двор входим, из конюшни лошадей выводим, в телегу ставим. Про хлеб спрашиваем. Кто сам отдаёт. У кого ищем. Штырём оттаившую землю колем. Только штырь этот был ни к чему. Мы, сельские лоботрясы, и без этой палки знали, кто где хлеб хранит. Ведь детворой по садам шныряли, все видели. Хожу, а сам к Кире жмусь. Любовь — штука липкая. И все мои мысли только про баню...

Павел Митрофанович оставил пустую миску.

— А вот дворы уполномоченный выбирал как-то странно, — сказал он. — Мой и других комсомольцев обходили стороной.

Через неделю красноармейцы съехали вместе с телегам, гружёнными хлебом.

А меня уполномоченный вызывает к себе и говорит, смыкая кожу на лбу, как меха на гармони:

«Товарищ Кира тебе хорошую характеристику даёт... И решили мы тебя направить учиться... Согласный?»

Я, конечно, согласился. Учиться — не с первыми весенними днями в поле торчать, и не возвращаться с поля в быстрые октябрьские вечера. О предложении уполномоченного рассказал отцу и матери. Мать почему-то заплакала и молча стала возиться у печи, вытирая глаза кончиками платка. Отец долго молчал. А потом сказал:

«Нам без тебя тяжело бдеть. А учёному человеку легче в жизни. Помню, только у Махна командиры были неучами... и у совдепов».

* * *

Выписал мне уполномоченный записочку и приказал:

«В волость езжай и в партячейку приходи. Эту записку отдай...»

И такие же записки всем нашим комсомольцам написали.

Ехали мы пятеро на телеге в волость и судьбу себе рассказывали. И хором решили, что всех на уполномоченных учить станут.

В партячейке нас приняли. Специальный человек на другое крыльцо спровадил. В ОГПУ. Каждого в кабинет по одному заводили.

А там человек во френче и при портупее сидит. Записку взял, прочёл. Карточку с фамилией завёл и говорит:

«Иди в коридор. Позову».

Я просидел часа два. Холодно. Свитка у меня тонкая. Пока ехали да в парткомнатах толкались — вроде не мёрз. А в коридоре пробрало до костей...

Вышел этот засупоненный. Протянул конверт и говорит:

«Поедешь в Орёл! — Не предлагает, а приказывает. — Тут талоны на харчи и направление. На танкетчика будешь учиться... Это на станции покажешь кассиру. — Протягивает серую бумажку. — Тебе билет выдадут».

«В село съездить мне...» — попробовал я что-то сказать. Ведь уезжал только на день. С отцом и матерью не попрощался.

«Шагом марш на станцию!» — Да таким тоном, что я даже испугался.

Подумал: «Не выполню — конверт заберут, и дальше нашей школы ходу нет...»

Пришёл на станцию. Заглянул в конверт. Там действительно бумага, разлинованная на три квадрата. В каждом квадрате яркая чернильная печать. И указание: «завтрак», «обед», «ужин».

Дали в кассе билет. Спрашиваю у кассирши:

«Куда с талонами идти?»

«В столовую, — отвечает. — Только поезд твой через десять минут».

Вскочил в вагон голодный. Еду, и сосущее нутро задуриваю:

«Жаль, не лётчик, — думаю. Из газет помнил, что самые любимые в стране лётчики. — Про танкетчиков тоже в газетах хорошо пишут».

Поезд плёлся всю ночь. Радость, что еду, сменилась горечью, что домой к маме с отцом не пробежался. Хотелось ведь обрадовать их, перед младшими братьями похвастать, сестрёнку потискать... С Кирой в баню сходить...

— А остальных куда определили? — спросил я.

— Кого куда. Одну девчонку только оставили в волости. Потом я узнал, что её ГПУ к себе взяло.

Павел Митрофанович снова налил уху.

— Вкусно получилось. Думал — наелся. А ещё тянет... Я потом узнал... Пока учился два года безвылазно — на наше село совершили еще два набега. Сначала отобрали весь скот и посевное зерно. А с третьим набегом собрали всех, кто хоть как колхозам сопротивлялся, и на станцию свезли. И шерстили особенно дворы комсомольских активистов почему-то. И всех моих... отца, мать, двух братьев и малолетнюю сестру... Ей три года было... И отвезли куда-то.

Старик поднялся.

— Пойду, полежу. Отдохну после самого тяжёлого труда — обеда. А посуду ближе к ночи вымоем...

Я посидел у стола. Съел еще ухи. И пошёл тоже в палатку. Неприязнь к старику стала исчезать. Её заменило желание разговорить, попытаться до каких-то тонкостей.

Павел Митрофанович лежал, глядя в потолок.

Я улёгся рядом.

— А куда отвезли?

— В Казакстан.

— А почему вы говорите Казакстан, — зачем-то спросил я.

— Именно Казак. Так Казахстан до войны писался. Это теперь союзная республика. А тогда была простая автономия.

— Интересно... — с недоверием согласился я.

— На станции погрузили всех в скотовагоны. В телятники, как говорили тогда... Я пытался отыскать их. По начальству пошел. Везде молчок. В одном кабинете даже попросили не искать, чтоб командиру Красной армии от греха подальше... Уже в сорок втором я узнал, что их отправили в Джезказган. На медный рудник.

— Остались живы?

— Не знаю. До сих пор не позволительно узнать, — лениво ответил Павел Митрофанович. — Всё засекречено.

— А ведь узнали? — бодро выпалил я. — Если постараться, то можно докопаться...

— Постарался... — старик ехидно рассмеялся. — Я очень постарался... На Дону танковой бригадой в сорок втором держал оборону. А за нашей спиной заградотряд НКВД по приказу двести двадцать семь.²⁶ Чтоб мы ни шагу назад...

Он так же лениво, как говорил, повернулся на бок.

— Ну, а как ещё остановить!? — выпалил я, услышав в голосе соседа явный скепсис. — Ещё чуть — и Урал! Заградотряд, не просто так! Не от хорошей жизни! Сколько же можно отступить?!

— Вот тот уполномоченный, — сказал старик, спокойно, будто моих слов и не прозвучало, — что раскулачиванием руководил в нашем селе... Который меня в танкетчики определил... Тем заградотрядом распоряжался... Мы с ним свиделись...

— Он вам рассказал про родителей и братьев? Объяснил?

— Объяснил... А я ему, — сказал Павел Митрофанович, и после долгой паузы добавил: — Очень доходчиво. Как на войне объясняют. Доходчивее некуда.

Мы долго лежали молча. Но меня все время подмывало выяснить отношение старика к приказу «ни шагу назад». Я о нём слышал, даже пытался найти в библиотеке, но всегда наткнулся на стену, за которую меня не пускали.

— Может, если бы не заградотряды, мы бы до Урала докатились, — сказал я, искренно веря своим словам. И эта вера рождала во мне неприязнь к старику.

— Чего мелочится? Сразу до Байкала... Воды больше. Можно и помыться всем отступающим... Я, выходит, на танках прохлаждался... И только верные сыны в синих фуражечках с автоматами на перевес защищали родину... Я вам говорил про «пэпэша». Так вот я первый раз автомат этот увидел не у грязного и вшивого пехотинца, а у заградотрядника.

Старик снова улёгся на спину и сказал:

— Вы, Юра, передайте своим братьям-газетчикам... Если я не хочу воевать, меня никакими заградотрядами не заставишь... Я бы это написал вместо «Пролетарии всех стан...» в ваших газетах. — И после долгого молчания спросил: — Вы спали с женщинами?

— Это к чему? — удивился я, почувствовав, что в вопросе замаскирована пощёчина для меня. — Вроде... не мальчик.

— Это я про то, как всю ночь лежишь рядом, а желаний никаких... Помните? «И потому всю ночь не наступало утро».²⁷ Вы дол-

---

26. Приказ ГКО СССР № 227 «Ни шагу назад».

27. Цитата из Б. Окуджавы.

жны это помнить. Это ваша молодость...

Павел Митрофанович поднялся.

— Чего-то не лежит.

Он вышел из палатки. Я последовал за ним. Уселись за столом. Старик залпом выпил коньяк и поставил рюмку.

— Откат нормальный! — Зачерпнул ложкой уху в казанке и заел.

— Только до сих пор в толк не возьму, зачем нужно было убивать самых трудолюбивых людей, которые всю страну кормили?

— Нищего можно заставить за мировую революцию воевать, а человека с землёй нельзя, — с сознанием дела сказал я.

— Чтoб я был таким умным, как моя жена потом, — точно укоряя себя, сказал Павел Митрофанович.

— Это вы к чему? — спросил я насторожено, не заметно для себя став опасаться неожиданных фраз старика.

— И сейчас ощущаю себя нищим в этой стране. Груз дряни из комсомольского прошлого, как вериги, тянет и ломит... Людей обирал с уверенностью, что совершаю величайшее деяние. А мне в качестве платы за мерзость позволили учиться на убийцу более высокого ранга. Поумнеть бы вовремя. А я прозевал момент. Хотелось из деревни вырваться. Про город так хорошо в газетах писали. И тебе там кино, и магазины... И получился из меня не человек, а безмозглый исполнитель приказов.

— А в училище как было? — спросил я.

— Нормально... Нашёл я это самое училище. Какие-то старые казармы из красного кирпича за чёрным деревянным забором. На «капэ» протянул бумажку. Пропустили. Проводили к очень строгому усатому начальнику с четырьмя шпалами в петлицах. Усы как у скворца крылья, так и гляди, нос взлетит. Да только пенсне мешает. Лицо круглое. Волосы редкие, гладко прилизанные, руки с короткими пальцами.

«Сколько классов у тебя?» — спрашивает.

«Три».

«Комсомолец?»

«Обязательно».

«Не — обязательно, а — так точно, товарищ командир... полковник. Сейчас пойдёшь в баню. Нет... — Вызвал какого-то бойца и приказал. — Накормить... и в баню! А потом снова ко мне».

Помыли, одели, остригли.

Присягу в штабе прочитал, подписал... Делал все, как замороженный, заколдованный.

Тепло, харчей хватает. Форма хоть и не новая, а не застиранная до серости. И в казарме койка внизу попалась...

Сразу, правда, попробовали меня за телка держать. Бойцы-курсанты из старшего выпуска, которые уже год проучились, как отбой, так вроде в холуях захотели меня использовать. «Пойди!», «принеси!», «подай!..» Я один-другой раз сходил. А когда третий раз приказали, послал всех куда подальше. Будущие командиры Красной армии крепко обиделись. Полезли с кулаками оскорблённую честь защищать...

Павел Митрофанович зачерпнул ложкой уху.

— За зиму устал без рыбы. Зимнюю рыбалку не люблю.

— И что было? — заинтригованно спросил я.

— Потом пятеро вместе со мной в лазарет ходили. Одного даже комиссовали. Я этому бедолаге первым же ударом глаз повредил. Начальство дотошно разбиралось. Никто не проболтался. Всё и затихло. Зато меня после того в казарме народ вроде как за старшего признал. А дурачку глаз стеклянный вставили... С той драки я споры разрешал, пруть петушиную гасил... Первое, что заставил всех — портянки каждый вечер стирать и ноги перед сном мыть. Были такие, что и сопротивлялись... Хлев попривычненей...

— Кулаком? — засмеялся я.

— Было пару раз. Но это пустяки. Самое тяжкое — долго не мог понять... Как это пролетарии и сельские мужички, как власть получают, тут из них чванливое барство прёт и дерьмом от них начинает пахнуть? На занятиях все учатся, как равные, а только юрк в казарму, как в конуру — из нутра собачий рык... Точно и не человек совсем... И тех, кто поскромнее, норовят, под себя пригнобить... — Павел Митрофанович тяжело вздохнул. — А учился сразу тяжело я. Оказалось, даже арифметики не знаю. Писать по-русски совсем не умел. Газеты читаю, а писать не выходит. Ошибок в диктанте — чистый рой из улья. Тетради утром выдавали, а вечером отбирали. Получаю тетрадь после вчерашнего урока, а там красных галочек, да палочек, как лузги на полу после комсомольских посиделок...

— И как же вас учили?

— Учительница заставляла стихи наизусть заучивать, а потом их в тетрадь записывать. По памяти. И чтоб без ошибок. Особенно Пушкина требовала. Я ведь до сих пор почти половину «Евгения Онегина» помню.

— Вторая половина не интересная? — попробовал я съязвить.

— Через год вместо учительницы этой какого-то мужика поставили. В отличие от Виктории Васильевны, ему до нас не было дела. Она, тонкая, хрупкая, класс в железных руках держала. Никто даже пикнуть не смел. Заставляла правильно ручку держать, чтобы почерк был красивым и разборчивым. А этот, залезанный, придёт, расскажет о существительных и причастиях ноющим писклявым голосом и уходит. Понимаем мы, не понимаем — наплевать. На его уроке шум и мышьяная возня. А ему... — Старик с отчаянием отмахнулся.

— А куда девалась... Виктория Васильевна?

— Кто знает? Нет и нет. Помню, что по казарме слухок пролетел, будто её мужа арестовали. Он в нашем училище что-то преподавал... Да нам до всяких арестов не было дела. Приказали верить — мы верим. Приказали не верить — не верим. Надо любить — любим, убивать — убьём...

Павел Митрофанович принялся разжигать костер.

— Заболтались мы с вами. Воду для посуды поставлю....

Сушняк схватился огнём споро.

Старик ушел к воде и вернулся с полным чайником.

— Через месяц послал я письмо отцу с матерью. — Поставил чайник на огонь. — Оно счастливое получилось. Написал, что кормят

хорошо, одели в военную форму. Сапоги яловые. Учусь на командира...

Ответа не получил.

Отписал ещё одно. Молчание. До весны десять писем отправил. В ответ ни словечка. Решил: летом, когда учёба кончится, съезжу. Не отпустили. На полигон отправили. Учились стрелять из танкеток до сентября... Потом снова казарма.

А учился я с жадностью. Мотор бензиновый, керосиновый, пушка тридцатимиллиметровая, пулемёт «Викерс»... Я выучился всему быстро. За механика-водителя, за заряжающего, за командира... И матчасть лучше меня никто не знал. Коробку перемены передач мог разобрать и собрать закрытыми глазами...

Павел Митрофанович подбросил в костёр охапку шишек.

— Писал письма раз в неделю. Ни ответа, ни привета... А в июне тридцать третьего одели нас в новые форменки с шевронами на рукавах. В петлицах — по два кубаря. Я — командир Красной армии... Лейтенант мото-механизированных частей... Тогда танкистами мы еще не назывались...

Защемило, заныло в душе. Потянуло к отцу с матерью, братишкам... Бравату показать. Сестрёнке хоть и пять годков — а поймет, какой у неё брат при командирской форме.

Зачитали приказ: «Направляетесь в танковые полки заместителями командиров рот!» Кажется так... Не помню уже

А меня, как особенно отличившегося за время учебы, в испытатели бронемашин на Урал... Какой город тоже забыл... Знаю, только, что там немцы учились, которые потом до Сталинграда дошли...

После приказа иду по плацу перед штабом училища, а навстречу начальник училища. Остановил меня, спрашивает:

«Доволен назначением?»

«Нет», — отвечаю откровенно.

«Почему?»

«Думал — какая-нибудь школа броневая. Учить хочу...»

«Ты поедешь, и будешь испытывать лучшие машины первой пятилетки».

«Мне бы лучше в какую школу как наша».

И, наверное, сказал с такой уверенностью, а, может, и с требовательностью, что полковник оправдываться стал:

«Нельзя. Не женатый ты».

Павел Митрофанович взял горячий чайник и пошёл к воде.

— Несите посуду. Темно уже. Да и спать пора. Засиделись...

Мыли в темноте.

Когда вернулись в палатку, старик упал на постель и быстро уснул.

1 мая.

Утро оказалось пасмурным. Ветер нагнал серые облака. Они низко висели над лесом, словно зацепились за вершины сосен. И казалось, что ветер бессилен их сдвинуть с места.

Павел Митрофанович сидел у костра и брился.

Хотел крикнуть: «С Первым мая!» Но вспомнил недоброе заме-

чание старика по поводу этого праздника, и промолчал.

— Сейчас будем завтракать, — сказал он, увидев меня. — Что приготовим?

— Что попроще, — ответил я, присаживаясь у стола.

— Я предлагаю подогреть остатки ухи.

От озера долетел призывный голосок колокольчика.

— Сходите, Юра. Кажется, клюёт.

Я побежал на берег. Вытащил окуня. Наживил червя.

— Хотел спросить... — Павел Митрофанович внимательно разглядывал себя в зеркальце. — Вам не надоедает одна и та же еда? Многие потому и не любят рыбалку. Каждый день рыба да рыба.

— Рыба, как любимая женщина, — засмеялся я в ответ. — Я люблю одну, но не одну и ту же... — И подумал: «Как здорово всё вдруг началось. Женитьба сама на разговор набивается». И спросил. — Так вы действительно вынуждены были жениться?

— Не вынужден, а просто женился, — ответил старик. — Идите, умывайтесь.

Ели уху молча.

Я хлебал жижу и в мыслях перебирал слова, которые, как крючок, зацепили бы старика и заставили продолжать рассказ.

— Хотел сделать одной даме предложение, — сказал я, — но так и не решился... А сейчас жалею.

— И я жалею, — сказал Павел Митрофанович. — Ляпнул, не думая: «Так я женюсь. Хоть завтра!»

Снова зазвенел колокольчик у воды.

Старик встал и пошёл к озеру.

— Мне казалось, что жениться — сущий пустяк, — сказал он, возвратившись... У нас пять окуней... Будем их сегодня жарить... Многие приятели по казарме уже жениться успели. А кто не успел, о женитьбе трепались, как о выкуренной папиресе — десяток раз затянулся и выбрасывай бумажку изжёванную. Новую доставай и прикуривай...

«Есть на ком?» — неожиданно спросил начальник школы.

«Есть!» — бодро соврал я.

«За три дня женишься — заходи».

Отошёл я и встал как вкопанный. Помнил поговорку: «Замуж не напасть, лишь бы замужем не пропасть». Но это к женщине относится. А как мне быть? Очень хотелось в училище остаться. Ведь я знал матчасть даже лучше, чем те командиры, которые преподавали. Да и рассказывать и показывать у меня получалось как-то легко. Без сучка и задоринки...

Старик налил себе ухи и принялся неторопливо хлебать.

— Броневи́к БА-27, если не заводился, — сказал он, ворочая во рту еду, — заводил только я... А коробку передач разбирал и собирал, как теперь любой солдат «калаш»... Русский «Рено» для меня — что арба, запряжённая двумя волами. — Отставил в сторону пустую миску и взялся заваривать чай. — Даже новый Т-26 с двигателем «Армстронг» успел выучить за какой-то месяц...

— А про женитьбу?

— Вы, Юра, как женщина... Пришёл в казарму. Новоиспечён-

ные командиры перья чистят. Явно куда-то собираются. Узнаю: на танцы в соседний парк. Ведь не нужно уже просить никакого разрешения на выход за территорию училища. Все — вольные стрелки.

И я увязался...

Старик принялся разливать чай.

— На танцплощадке играл духовой оркестр. Я сообразил, что это самое любимое место наших курсантов. Все чувствовали себя в парке, как дома. Только я, как жених с гарбузом. Музыка играет, все танцуют. Я стою... Подходит ко мне девка. В белом берете, припиленном огромной булавкой к волосам, туфли с перепонками на белых носочках. Из синей кофточки тело аж выпирает... Гляжу, вроде как лицо знакомое.

«Товарищ лейтенант, пойдёмте вальс крутнём...»

«Я не умею», — отвечаю.

«А я вам покажу...»

Ловко схватила меня и потянула в круговерть.

Я растерялся. Несколько раз на ноги девке наступил. Кого-то неуклюже задел... Потом сапоги сами как-то скользить по глине приноровились... А вальс один за другим. Не кончается. Это был именно вечер вальса...

Так весь вечер я и провертелся в руках у этой девки. И самому мне с ней вроде стало почему-то спокойно. Забота пропала...

Павел Митрофанович отставил чашку с чаем и обиженно сказал:

— Задурили вы мне голову глупой женитьбой. Я про неё забыл уж всё... Может, вам кофе?

— А девка как? — вырвалось у меня. Я взял со стола вторую чашку с чаем и принялся размешивать сахар, которого в ней не было.

— После танцев пошёл провожать. — Старик отхлебывал чай маленькими глоточками. — Жила она в старой мазанке на окраине. Туда час шли. На лавке у калитки сидели.

«Везёт вам, — сказала она. — Уедете отсюда... Как бы я хотела куда-нибудь уехать».

«Поехали со мной», — зачем-то сказал я.

«Я — не командир. Я только повар».

И тут вспомнил, где видел эту девку? В нашей столовой.

«Ты завтра на смене?» — спрашиваю.

«К шести часам утра обязана, как штук».

«После завтрака пойдём к начальнику. Скажу — моя жена...»

«И чего?»

«Поедешь со мной».

Старик вдруг поднял с земли бутылку с коньяком и наполнил рюмки.

— Я с вами, Юра, сопьюсь, — засмеялся он. — С самого утра пьём. Негоже... А у меня семейная установка — две таблетки от давления. Жена строго-настрого наказала. Утром одну и перед сном. А я — коньяк... — Поднял рюмку и выпил. — Откат нормальный! Вы-то женаты?

— Нет. — И тоже выпил.

— А я вот так женился. Начальник школы выдал нам бумагу с печатью, что мы — муж и жена. И говорит: «Вот тебе, лейтенант направление в Борисов, в танковое училище. Поздравляю. Только когда в Борисов приедете, сходите в «загс», чтоб все официально...»

А я как счастливый щенок вместо благодарности:

«Готов бить врагов!»

Полковник подергал себя за ус и говорит:

«У меня к тебе, товарищ лейтенант, одна просьба... Никогда не говори — враг. Человек — не враг, а неприятель. Если человек человеку враг, то война не закончится никогда».

Старик налил в чашку кипятка и принялся перемешивать с чаем, что оставался на дне.

— Я читал Клаузевица. Ни одного врага не вычитал. Всё кругом неприятели. И у Гудериана врагов не встретил. Уж какие были непримиримые... как бараны лоб в лоб. А всё равно неприятели... У всех славян: ты мог, а я тебя перемог. И только у русских сначала беда, а потом победа.

Последние слова Павел Митрофанович произнёс с печалью и грустью.

«А почему мне в голову не приходила эта очевидность? — выругал я себя. — Ведь всё так просто... Сначала беда, а потом грандиозная всенародная пьянка после беды!»

И словно прочитав мои мысли, старик сказал:

— Вот и пьем от беды до беды... Беда — наше каждодневное состояние... Да что это мы с вами, Юра... Как по отчеству?

— Васильевич.

— У меня свадьба, — рассмеялся Павел Митрофанович, — а мы с вами, Юрий Васильич, о грустном...

— А где свадьбу играли? — Я действительно почувствовал себя раззадоренной женщиной, которую съедает любопытство.

— Свадьба вечером. Даже почти ночью. На свадьбе нас двое и старуха-хозяйка. В домике на окраине она снимала угол. Потому как жила по справке из сельсовета. Сбежала из своей деревни, чтоб с голоду не помереть...

На столе яичница из дюжины яиц в чугунной сковородке — подарок старухи. Большой судок с кашей с тушёнкой — из школьной столовой. И штоф квадратный сероватого самогона. Молодой лук и хлеб... Старуха выпила полстакана, зажевала мякишем и, пожелав — «Куёвдитесь с Богом!», — ушла. Пожалел я, что мимо не проходил какой залётный. Хоть он бы «горько» крикнул...

Загасила невеста керосиновую лампу — и вся свадьба...

Зазвенел колокольчик на берегу. Я сорвался. Вытащил окуня, торопливо наживил червя, швырнул его в воду...

— И дальше? — Плюхнулся на чурбак рядом со стариком.

— На утро я сказал жене, что хочу к своим в село съездить. А в Борисов поедем — когда вернусь.

Хотелось домой. Увидеть маму и отца. Братьев... Но командир Красной армии так просто ездить по стране не может. На передвижение нужен документ.

— Подорожная, — рассмеялся я. — Как при крепостном праве?

— Я не знаю, как при крепостном праве, — заметил Павел Митрофанович, — а нам ни шагу без контроля. Командир Красной армии не имел права на улице появляться без формы. Если кто увидит, что ты без мундира и донесёт — трибунал... Даже дома в воскресенье — сиди в галифе...

Старик сложил в большую миску тарелки, ложки, рюмки и залил кипятком. Принялся мыть.

— Пришёл к начальнику школы. Объяснил.

«Где твои родители?» — спрашивает полковник.

Я сказал.

Он долго жевал ус, о чём-то раздумывая. Несколько раз снимал пенсне, протирал платочком. Неумело, дрожащей рукой, сажал на нос. Потом вызвал к себе кадровика, или как он тогда назывался, не помню. Приказал:

«Выпиши лейтенанту командировку в Житомир. На десять дней».

Я с удивлением смотрел на полковника. Зачем мне Житомир? Мне в Сумы... А он всё глаза в сторону отводит.

В Житомир, так в Житомир.

«Только без содержания, — объясняет начальник школы. — Денег для твоей поездки у меня нет. Из подъёмных, которые в Борисов, возьмёшь. — И добавил. — Постарайся печатей нигде не ставить в командировочное удостоверение. А как вернёшься — бумагу сдашь. — И совсем не по-командирски попросил: — Не подведи, сынок...»

Павел Митрофанович сполоснул посуду и выложил на стол сушиться.

— Пойдёмте на берег. А то вы, Юра, совсем обленились. Спиннинг забросили.

На берегу я взял в руки удилище. Сделал пяток забросов. Но ловить не хотелось. Метнув блесну в очередной раз, спросил:

— Военные должны были на станциях у комендантов отмечаться? Уехал — приехал...

— Слава Богу, нет, — ответил Павел Митрофанович. — Сел я в поезд. Доехали до границы с Украиной... По вагонам пошли патрули. Половину народа из вагона высадили.

Остановился возле меня капитан. Козырнул. Спросил документы.

«Куда едете?»

«В Житомир. А вы кто?»

Молчит.

Я снова спрашиваю.

«Заградительный отряд», — сквозь зубы процедил тот.

«Что делаете?»

«Хохлов давим. — И злорадно хихикнул. — Штатским дальше ехать нельзя».

«Когда снимете заграждения?» — наивно спросил я.

«Когда последнего хохла-махновца изничтожим». — Вернул документы. Козырнул. И — по вагону дальше.

Вышел я на станции, с которой уехал когда-то учиться. Ничего

не изменилось, как показалось. Только народа на улице не видно. Собак на площади перед станцией нет.

Пошёл пешком. Идти не далеко. Вёрст²⁸ пятнадцать-семнадцать. Но иду домой... Какие там километры.

По сторонам поля. Хлеба уже густо зеленеют. Горлицы срываются из-под ног.

Издали заметил конников. Пригляделся. По силуэтам понял — военные. Сообразил — конный разъезд. Увидят, документы спросят. А мне в Житомир... А в голове сверчок только одну песню сверлит: «Не подведи, сынок!»

Засел в кустах.

Проехали казачки мимо.

По балочкам добежал до села. К своему дому пришёл. Двор пуст. На двери крестом тесины. Окна ставнями закрыты, гвоздями забиты. На дворе, где всегда снопы молотили, где земля, как камень, трава пробилась.

Заглянул в соседний двор. К нашей знахарке Полине. На крыльце сидит сухая худющая старуха. Трясёт головой из стороны в сторону беспрерывно, как заведённая. На ней тряпьё рваное. Седые, жиденькие волосы всклокочены. Узнал её. Зову. Она меня увидела и давай кричать:

«Я всё сдала!» — Глаза сумасшедшие. От меня руками защищается.

«Кира где?»

Она тычет рукой в дверь хаты.

Вошёл. На полу, на соломе лежит худое тело. Рядом ребёнок. Пригляделся... Так это же моя Кира... И её сын — кожа да кости.

«Кира! Ты?» — спрашиваю.

«Не убивайте, товарищ комиссар... — Чуть шевелит губами, не узнавая меня. — То не я. То они... Заберите Володю... Он же твой...»

«Это я, Павел», — говорю.

Она меня узнала. Стала ловить рукой сына. Поймала и толкает ко мне.

«Забери... Забери... Христом Богом молю...»

У меня сумка противогазная. Жена туда хлеб, лук, яйца варёные напихала. Когда клала, я ругался, что много. А сейчас вывалил всё на пол к ногам парня...

Звякнул колокольчик. Павел Митрофанович вздёрнул удилице и принялся выбирать снасть.

Но крючок оказался голым.

— Выскочил я их хаты весь злобой начинённый, как пасхальный пирог маком. — Старик нанизал червя. — Не понимаю, но бегу по улице. Добежал до хаты нашего партийца. Дверь открыта настежь. Глянул, и злость из меня, как зерно из дырявого мешка... — Грузило громко шлёпнулось о воду, заглушая тенор колокольчика. — На лавке сидит партиец. Опухший. Ноги налиты водой. Из гниющих ран сочится какая-то серо-красная грязь.

«Здравствуй, дядя Мартын...»

«Ты кто?» — хрипит. На меня глаза пялит слепым прищуром.

«Павел... Митрофана Кирилловича сын».

---

28. Верста — единица измерения расстояния, путевая мера в России, равная 500 сажням или 1066,781 м.

Смотрит на меня, а из глаз слезы...

«Где мои!?» — кричу.

«Звыняй меня, Павло... — И как дитё малое рыдает. — И в землю некому старого положить, як человека. Шо тую собаку зарюють, як стерво на отхожем месте...»

«Мои где!» — кричу.

«Как врагов народа... — Упал на колени и давай о мои сапоги тереться лицом. — Подлюк, уполномоченный, на станцию отвёз... Под конвоем... Усех...»

«Я письма писал!»

«Приказали усе письма в чеку сдавать... Которые уходят и которые приходють...»

«А что за красноармейцы кругом села в конном разъезде?» — Поднял старика и усадил на лавку.

«Полгода как охраняють. Шоб народ не сбежал... Двоих застрелили...»

Сел я рядом с дядей Мартыном на лавку. А он прижался ко мне как дитё малое и всем своим видом просит защиты. А из меня, чувствую, живая сила уходит, а на её место какая-то черная грязь заползает. Ещё мгновение и — сожрёт она меня...

«У тебя хлеб есть?» — спрашиваю.

Крутит головой. А слезы, что весенняя вода... Глаз не видно.

«И у меня... уже нет», — говорю. Достал красную бумажку в три червонца и сую в руку. А он не видит и пробует жевать...

«Где Гришка Кривой? — спрашиваю, — В комсомольской ячейке до сих пор воеводит?»

«Говорил же... Разъезд двоих убил... Его и его брата... Одиннадцать годков было. Разом с конём... Хоть бы коня дали съесть. Не можна...»

«А у Гришки разве конь был?»

«Как колхозу организовали, он чьего-то коня себе в бричку стал запрягать... как начальство. В волость с бумагами мотался. А когда хлеб весь вымел, сбежать решил, паскуда... Вот их и стрельнули...»

Вышел я на улицу. Руки, что веревки. Пытаюсь поднять, а они не слушаются. И ноги не держат. Вот-вот упаду...

По дороге телега. Конь худой, хребет провалился, что мост гнилой. Сейчас переломится. Чуть ноги переставляет. Рядом старик под стать коню — за грядку рукой держится. Жди — упадёт. В телеге человеки наваленные лежат. Понимаю — покойники.

«Куда?» — спрашиваю.

«Хоронить, товарищ комиссар».

Вдруг детский крик откуда-то изнутри, из кучи мертвецов...

«А ну, стой!» — кричу.

Под пухлым телом молодой женщины торчат детские ножки. Откинул труп, достал ребёнка. Мальчонке года два. Не больше. Худощий. Глаза ледяные. Губами чуть шевелит — есть просит.

«Он же живой!» — кричу.

«А шо из ным делать? — равнодушно говорит старик. — Мать помэрла. Кто его кормить буить? Луче закопать. А то, не доведи Господь, изъедать... На той неделе двоих изъели...»

Павел Митрофанович замолчал. Поднялся.

— Пойду, выпью таблетку.

Но до палатки не дошёл. Позвал меня.

— Давайте, Юра, помянем этих несчастных по случаю великого праздника Первого мая.

Старик налил рюмки.

Долго сидели молча. Я стал ерзать на чурбаке, не находя себе места.

— Вы, наверное, хотите спросить, что я сделал с ребёнком?

Я промолчал. У меня действительно из души рвалось желание спросить именно об этом. Но не решался, боясь в ответ услышать что-то недоброе.

— Оставил я мальчонку на телеге, — сказал Павел Митрофанович.

Он выпил, не приглашая меня.

— Шёл из деревни, как сноп вымолоченный. И всё время зыркал по сторонам. Не доведи попасть на глаза разъезду. Я был уверен — застукают и тут же застрелят, не поглядят, что я командир Красной армии... Первый и единственный раз в жизни сожалел, что со мной нет пистолета. Разрядил бы весь...

И уже когда в Орёл ехал, понял, почему начальник училища меня в Житомир направил. Он всё знал...»

Павел Митрофанович снова налил коньяк.

— Дома стал рассказывать жене, как съездил на родину. А мои слова от неё, что горюх от стенки.

«Ты о чём думаешь?» — спрашиваю.

«Ни о чём».

Я выпил тоже и налил снова.

— В Борисов ехал с чувством человека, которого окунули в выгребную яму с головой, — сказал старик, крутя полную рюмку в пальцах. — Как-то вдруг всё в одну кучу сошлось. Бывает такое... Казалось, смрад от меня за версту, а люди, которые рядом, только из вежливости не уходят.

Он выпил. Я — следом.

— Гляжу на людей, что сидят рядом, и кажется мне, что они все друзья и знакомые мне. И только жена не моя. Чужая...

Поезд плёлся. На каждой станции останавливался. Перед самой Белоруссией... Перед Гомелем, кажется, стояли долго. В вагон вошли пятеро: два энкавэдиста и три милиционера.. Двое милиционеров сразу в дальний конец побежали. Встали у двери. Трое мимо купе идут, документы спрашивают. Вагон воплями и плачем наполнился... Снимать людей стали.

— Безбилетники? — спросил я.

— Бездокументники, — выдохнул тяжело Павел Митрофанович.

— Убегали от голода. По ночам — до станции. Каким-то чудом покупали билеты. До какой станции денег хватало. Лишь бы только с Украины выехать...

— А в Белоруссии голода не было?

— Был, наверное, как и на орловщине, и на белгородчине. Но я про него там не знаю. Ведь белорусы не воевали против большеви-

ков, как махновцы, или как донцы и кубанцы...

А с нами в купе сидит женщина лет тридцати. На руках девочка лет трёх-четырёх. Обе, словно вяленные щуки. Щука и худющий щучонок... Глаза у женщины ввалившиеся, схваченные чёрными кругами, как бадья обручами. И дитё — кожа да кости. Как вошли патрули, женщину трясти стало...

«Вы куда едете?» — спросил я у соседки.

Она посмотрела на меня. В глазах безысходность. Прижимает девочку к груди.

«Ты едешь к мужу в Борисов, — строго сказал я жене. — Он у тебя военный. — Вынул предписание и отдал ей. — Покажешь».

Сам взял ребёнка на руки. Девочка обняла меня, прижалась, как к горячей печке с мороза.

Контролёры увидели лейтенанта Красной армии, взяли под козырек.

«Мы едем на место службы, — сказал я, предупреждая вопросы. — Это — моя жена, — указал на женщину, — и наша доченька».

Говорю, а сам умоляю всех святых, чтобы девочка не расплакалась вдруг на чужих руках, не стала рваться под защиту матери.

Пронесло. Энкавэдисты документов проверять у семьи командира эрказа не посмели. У жены глянули призывную книжку, предписание... И ушли.

— А призывная книжка — что такое? — спросил я.

— Документ такой. Там — год рождения и прочая дребедень. Выдавали его с двадцать четвертого года. Женам командиров тоже.

— Это вместо паспорта?

— До паспортов оставалось полгода кажется. Но я не о паспортах... Глянул на энкавэдику, что документы моей жены разглядывал. Внешне парень представительный, упитанно-беззаботный. Только волчья ухмылочка на губах. И мне показалось, что я вижу его глубоко спрятанную душу. И такая это душа дырявая, как гнилой, траченный молью тулуп... Чёрная, как изба убогого чухонца...

Полвагона народу высадили...

Как только проезд тронулся, соседка схватила мою руку и давай целовать.

«Вы что делаете?!» — возмутился я от неловкости.

Она не слышит. Я пытаюсь, выдернуть руку. А она держит, точно приклеилась. Выручила меня девочка. Испугалась. Заплакала. Мать взяла её на руки и принялась успокаивать.

Поезд уже въехал в ночь...

При тусклом свете керосиновой лампы, что висела в проходе разложили мы свои нехитрые харчи: хлеб, лук, да из сухого командирского пайка полпалки колбасы. И предложили женщине ужинать с нами. Соседка отказалась. А я по глазам вижу — голод доедает её. Тогда я сам отрезал большой кусок хлеба, сверху положил несколько ломтей колбасы. И протянул девочке. Та, не задумываясь, взяла бутерброд... и в рот. В руку матери я вставил варёное яйцо...

Два кусочка колбасы из бутерброда упали на пол. Женщина стремительно наклонилась и подняла. Облизала их, один отдал дочери, второй принялась жевать сама.

Вышла она ночью...

Старик встал и молча пошёл в палатку.

Я остался сидеть у догоравшего костра. Мне показалось, что Павлу Митрофановичу захотелось остаться в одиночестве. Побрёл на берег и рассеяно стал смотреть на удилица. Кажется, несколько раз звонил призывно колокольчик... Но я оставался равнодушен...

* * *

День уходил быстро. Я свернул снасти, крепко привязал садок с десятком окуней к длинному кукану и бросил в воду.

Небо затянули густые сумерки. Даже совы не летали. Темень накрыла озеро и лес. И только вокруг вдруг вспыхивавшего кострища ещё хранился дрожащий свет.

Павел Митрофанович не выходил из палатки.

Я выпил кофе и тоже ушёл ночевать.

Старик лежал лицом к матерчатой стенке, укрывшись тонким одеялом. Спал ли он? Но дышал ровно и спокойно.

2 мая

Меня разбудил сильный шум. Соседа рядом не было. Я выбрался на свет Божий.

Шальной ветер гнул вершины сосен, нагоняя на поляну холод, гудел, заставляя воду озера боязливо морщиться. Небо было мрачным. Казалось, оно упало, и только красноватые стволы сосен, словно колонны природного храма, не позволяют ему раздавить землю.

Павел Митрофанович сидел на берегу, прячась от ветра в офицерский зелёный плащ.

— Будет дождь, — сказал он, повернув ко мне лицо. — Доброе утро.

— Доброе. Откуда такая уверенность?

— Клёва нет. С самого рассвета ни одной поклёвки... У нас сейчас очень важное дело. Нужно тент натянуть. Успеть до дождя. Позавтракаем быстро, и начнем.

С топором ушли в лес. Срубили четыре трёхметровых ореховых жерди толщиной в руку. Врыли их по квадрату вокруг стола. Старик привязал к петле, что была пришита в середине тента, толстую верёвку. К другому её концу — тяжёлую гайку. Зашвырнул её на нависавшую ветку ближайшей сосны.

— Тяните, — предложил он и поднял на вытянутых руках полотнище.

Укрытие соорудили вовремя. Стал накрапывать дождик. И через десяток минут хлынул дождь.

— Юра! — обеспокоено сказал Павел Митрофанович. — Не в службу... На берегу черви в ящике. Замокнут — с голоду помрём.

Я сбегал на берег, принёс ящик и свой спиннинг. Но успел промокнуть.

Вода струями сливалась с матерчатой крыши. Ветер забрасывал брызги на костёр, будто в нервной злобе старался погасить греющее пламя.

— У нас лесная изба по-чёрному вышла, — сказал я, глядя, как

дым от костра наполняет пространство под куполом тента.

— Вот точно в такой дождь я ехал из Радехова. Из штаба корпуса, — сказал Павел Митрофанович. Подбросил шишек в костер. В скороспелом рыбацьем вигваме стало вдруг тепло. — И думал: «Что такое случилось, что моих командиров, героев Гражданской войны выгнали из полка? А меня, капитана, на их место?»

— Вы же сказали — майором.

— Своё майорство я в портфеле вёз...

Герои-командиры как-то сразу забылись. Меня стала переполнять счастливая радость: «Тридцать лет, а я уже командир танкового полка! Глянь народ на полководца! Приеду домой... Обрадую жену!.. Она проткнёт дырки в петлицах и новенькие «шпалы» привернёт. Шевроны новые на рукава наберёт. Отметим весело повышение!» Того и гляди из мундира выскочу гольшом...

Старик стал разгребать костёр, стараясь унять дым.

— Скажу я вам, Юрий Василич, по секрету... Но только по очень большому секрету... Каждый офицер в потайном закутке всегда хранит новые погоны. Или петлицы, как я в то время. Старший лейтенант — капитанские. Подполковник — полковничьи. И про этот схрон знает только он.

— А генеральские?

— Генеральские не хранят. Дурная примета.

Но чем ближе к Берзу подъезжал, где полк дислоцировался, тем меньше радости во мне оставалось. В душе ворочалось мутное, настороженное недоверие к неожиданному счастью.

Ни с того, ни с сего — я участник Белостокского парада... Почему-то сразу после парада — перевод в танковый полк в заштатный городок командиром батальона и звание капитана. И вдруг — я командир полка...

Я гнал от себя все дурные мысли. Но они жалили, как жалят пчёллы вспотевшего пасечника. Только убежать некуда.

— А теперь понимаете, почему вас майором вдруг сделали? — спросил я, ставя на мангал чайник. — Сейчас командира полка в тридцать лет днём с огнём... Больше доверяли молодым тогда.

— Да, да. — обрезал Павел Митрофанович. — Для заглавия в газетке подойдёт... А меня — что молодой и глупый... Потому и назначили.

— Дурака командовать полком? — с раздражённым удивлением хмыкнул я, почувствовав, что снова получил щелчок по носу.

— Поставили командиром потому, что видеть и думать ещё не научился. А чтоб чего не случилось вдруг, если какая мысль проскочит ненужная, как мышшь мимо мышшеловки, дядьку приставили. Для контроля. Партпеделя²⁹...

— Вы мастер выдумывать, — уже не скрывая раздражения, сказал я. — Это особая должность в Красной армии? Я про такую не знаю.

— Она по-другому называлась. Член Военного совета, парторг цэка, многограновый комиссар. Их в армии было больше, чем харчей на дивизионном складе... И у меня за спиной на заднем сидении машины сидел такой надсмотрщик. Новый комиссар. В штабе

---

29. Педель — надзиратель у барчука-отрока, дядька.

корпуса мне его в довесок дали. И не просто комиссар, а батальонный...

Павел Митрофанович взялся за бутылку с коньяком. Но вернул её на место.

— Не буду...

— А как вы вообще относились к комиссарам? — спросил я заинтересованно. В редакции, где я числился полусотрудником, все ответственные должности занимали бывшие военные комиссары-политработники.

— А как относятся к реке, к лесу, к этому озеру? Есть и есть. А когда война началась — стал сторониться. Старался держать их от себя подальше... Хотя по уставу без политначальников ни одно решение не считается принятым, ни одно донесение без комиссарской подписи не принималось...

— А если не соглашались с вами?

— Тогда я предлагал занять моё место... За полчаса перед боем, скажем...

— Занимали, — утвердительно сказал я.

— Ни один, — лениво ответил Павел Митрофанович. — А их было у меня за войну добрая сотня... — Он помолчал и, гляну на меня сверлящим взглядом, объяснил: — Принимать решение на войне — нужна смелость. Не геройство, а смелость... А они — трусы! Но это к слову...

У меня на языке вертелся заезженный политрук Клочков. И я не выдержал:

— Так «за нами Россия!» — это неправда!

— Как раз наоборот. Чистая правда, как вода из крыницы, — прищурился глаза, ответил старик. — Россия за ними. А перед ними грязные окопы, где воды по колено с завшивевшими полуголодными бойцами. — И раздув ноздри, оголив верхние зубы, как это делает обзлённый пес, он добавил: — А на окопы, как рой шальных пчёл, немецкие танки и «юнкерсы» с «хейнкелями» и «фокерами».

Старик поднялся. Вышел из-под тента. Подставил ладони дождю, будто только так мог остудить душу.

— Так вот ехали в машине почти два часа. — Он вернулся и уселся на пенёк. — Я все время только с шофёром обменивался какими-то словами. А комиссар молчал.

Въехали мы в Берз. В окнах первые вечерние редкие огни — домики ко сну готовились.

И вдруг:

«Враждебные настроения у полку якие?»

Вопрос — точно обухом по голове. Какие могли быть враждебные настроения, если в полку нет личного состава? Броневики и командиры без бойцов.

— Кадрированный³⁰ полк? — авторитетно выказал я осведомлённость.

— Да. Кастрированный, как теперь говорят в армии, — заметил старик. — Обернулся и с удивлением стал разглядывать лицо ново-

³⁰ Кадрированный полк — воинская единица, содержащая лишь командный состав и часть техники, готовая принять личный состав после объявления всеобщей мобилизации.

го комиссара. Но то ли на улице было темно, то ли в машине, но показалось, что за моей спиной сидит лошадь. В штабе, когда нас представляли друг другу, не очень вглядывался. А тут — ну точно конь. Лицо длинное, подбородок — кто пашкой наотмашь срезал. Уши остренькие и почти на макушку посаженные. И глаза... Глаза на боках. Только шор не хватает.

Отвернулся я в каком-то испуге. Подумал: «Почему я его в штабе корпуса не разглядел?»

— Молодой?

— Тогда не разобрал. Позже выяснилось — тридцать, как и мне... А когда из машины вышли, как будто и лицо у комиссара стало другим.

— Темень?

— Нет. Фуражку надел — совсем другой человек, — сказал Павел Митрофанович. Достал из рюкзака буханку хлеба и, прижав её к груди, принялся по-деревенски отрезал два больших ломтя. — Надо съесть хлеб. А то зачерствеет.

— Что-то стало холодать... — предложил я.

— Это можно, — согласился старик. — Чуть-чуть. Как не вовремя этот дождь. Не люблю бездельничать. Спиваются, Юра, у нас только от безделья... От отсутствия желания работать на дядю... Давайте подождём, когда кипяточек забормочет. Кофейку захотелось... под дождём. Видите, я уже стихами заговорил...

— И как же вы уживались с комиссаром? — Я полез под стол за банкой кофе.

— Постарался сразу завести какую-то дружбу...

Приехали. Стоим у здания ратуши. Уже вечер. Куда человеку идти? Говорю: «Пойдемте, Филимон Кузьмич, ко мне. Пока устройтесь, у меня поживёте...» Думал: «Хозяйка не обидится. Она женщина добрая. А жена поймёт». Говорю, а сам пытаюсь вспомнить его фамилию. Имя запомнил, а фамилию точно кто палкой вышиб.

Комиссар только хмыкнул в ответ. Достал из кармана гимнастёрки какую-то бумажку и спрашивает:

«Улица Коминтерна? Бывшая Познаньська дэ?»

«Рядом», — отвечаю.

«Завтра у девять у штабе!»

Приказал, и пошёл. Там, на Коминтерна, ему квартиру политуправление заранее отписало... Во как. А я стою, гляжу вслед, и чувствую себя оплётанным. Мне, командиру, приказали не опаздывать.

Павел Митрофанович принялся растирать кофе с сахаром.

— Наливайте, — сказал он.

Мы выпили.

— Вот сейчас откат нормальный. — Старик поставил рюмку на пень, и глотнул кофе. — Лимончик бы сюда... Но есть Бог, Юрий Василич! Есть! — радостно воскликнул он. — Домой в «эмке» ехал. Не пешком, а в машине! Кум королю и сват министру! Командир танкового полка, — и сменив бравурный тон, скептически добавил: — Без году неделя... И думал:

«С какого рожна комиссар отказался у меня переночевать?»

Подъехал к дому. Возле калитки встал и спрашиваю у Амвросия:

«Как фамилия нашего комиссара?»

Когда мне приказ прочли, что я назначен командиром полка, точно укол какой сделали. Все вокруг затянуло серой мутью. И как представляли комиссара, не запомнил. Машинально только руку пожал. Вспомнил, что тот назвался моему шофёру во дворе штаба корпуса, когда садились ехать в полк. За руку поздоровался.

«Слизкий, товарищ командир, — нехотя ответил мой шофёр. — От токо не поскользнуться бы...»

* * *

— Берз — городок маленький, аккуратный, похожий на чудом уцелевший пригород давно исчезнувшего огромного города. — Павел Митрофанович отхлебнул кофе. — Улицы все мелким булыжником вымощены. Тротуары кирпичом жёлтым выстланы. И заборов наших из тёса до небес нигде не увидишь. Всё дома одноэтажные, строгие. В хозяев. Каждый огорожен сеткой из стальных прутьев, да с узорами на столбиках. При каждой калитке дощечка: «Пан такой-то!» А рядом с ней кнопка звонка. За ограждениями цветы и дикий виноград. Не картошка, лук и редиска, а цветы. И что интересно — нигде не сушится бельё, словно флаги на параде. Вот только света на улице не было. Фонари мертво болтались на столбах...

Старик подбросил в огонь шишек и выглянул на поляну.

— Это на долго, — сказал он, усаживаясь на место. Взялся за чашку и принялся снова растирать кофе с сахаром. — Да!.. Забыл сказать... Мою семью, — меня и жену, — поселили где-то в конце главной улицы в домик к старой еврейке, которая жила одна. Мы — в большой комнате с окнами на улицу, хозяйка — на другой половине...

Павел Митрофанович медленно отхлебывал кофе и, сделав глоток, закрывал глаза, словно боролся с усталостью.

— Подкатил на «Эмке» к дому, где я жил. Поговорили про комиссара... Отпустил Амвросия. Глянул на окна нашей комнаты... И последняя радость, какую я удерживал в себе, как птицу в клетке, упорхнула. Окна моей комнаты чернели тёмными глазницами. «Где ходит?» — подумал я обозлённо о жене.

На пороге дома квартирная хозяйка. Мне показалось, что она ждала меня. Увидела. И давай передо мной извиняться.

«Ой, вейз мир³¹, что я изделала!? У вас такое горе, пан товагищ Павел, такое горе! — Женщина то выговаривала «р», то глотала. — Ой, как же я типер из вами буду? Ви мине типер...»

Старик залил в чашку кипяток.

— Вы, Юра, знаете идиш?

— Откуда?

— А польский?

— Из меня полиглот плохой. Я русский с большим трудом. Пишу с орфографическим словарём в руках.

---

31. Вейз мир — Бог мой (идиш).

— Думаю, вы поймёте... Хозяйка говорила на смеси трёх языков. В Берзе, как мне помнится, все так говорили. Особенно на рынке... Женщина говорит, а я слушаю...

И ничего не понимаю. Трясу портфелем. И спрашиваю:

«Что случилось, Эсфирь Григорьевна?»

А она ещё сильнее стала причитать. Изогнулась и чуть ли не в ноги ко мне бросается.

«Прекратить! — крикнул я. — Кто умер!?»

Хозяйка вдруг выпрямилась, сбросила с себя напускные беспокойство и переживание и с деловито сказала, точно сообщила теперь уже приятную новость:

«Вам, товагищ Павел, конечно, это не понаравится. Так я вам таки скажу... Ваший жёна от вас удгал».

«Как?.. Ка...» — только и спросил я, не понимая, что происходит.

«Я иё вговагивала. — Женщина гордо держала исполосовннную сединой голову и при каждом слове разводила руками, словно ловила слова, чтоб они не разбегались по сторонам. — И шо ви иё очень даже любите, говогила. И даже любите больше чем нада... Так мне ништо слушать не хотел... Она сказала, что у нашем гогоде скушно. По воскгесениям нету танцов. Что усе только ходют в костюв и синагогу. — И с возмущением спросила. — Интегесно, куда ишо может ходить погадочный человек у этой жизни!? На работу, в костюв или синагогу... От токо очень жалко, шо ви, товагищ Павел, не ходите никуда, как только до себя у войско...»

Я смотрел на хозяйку и не мог понять, почему у неё на лице застыл ужас. А потом понял. Это мое лицо, радостное и улыбающееся, вызывало в ней ужас и недоумение.

Вбежал к себе в комнату и, не прикуривая лампу, принялся плясать. Ноги подбрасывали меня. Скачу козлом. Казалось, что летаю. Состояние — словно я после какой болезни вдруг излечился. Правда, я до той поры никогда ничем не болел и как выздоравливают, не знал.

В дверь постучали. Пришла хозяйка и деловито спросила:

«Товагищ Павел, и что ви делаите в такой темнота? — Зажгла лампу, вышла и вернулась с огромной тарелкой, наполненной варёной картошкой. — Ви же голодный. Я вас покогмлю».

Она поставила тарелку на стол. Рядом положила вилку. И глядя на меня спросила:

«Я ой как совсем не понимаю, почему ви такой счастливый? И почему такой веселый? Ви тепег калека. И так весело? Мовет, вам гумочку? У нас не принято пить водка. Но ви человек гусский...»

«Давайте!» — сказал я.

Мысли носили меня в счастливых облаках. Меня не только покинула жена. Лишь сейчас я понял, что с плеч свалился тяжеленный груз, который я носил безропотно семь лет, как плату за желание жить не по приказу, а по зову души, и который вгонял меня в землю. Почувствовал, что глотнул свежего воздуха, точно выбрался на свет Божий после долгого заточения в затхлом, гнилом подвале... Понял, и запомнил на всю жизнь, что такое счастье наяву, а не в ночном сонном полёте. И поймал себя на откровении: в училище

допоздна оставался, в полку чуть ли не ночевал, чтобы только не идти домой. Слава Богу, в «загс» мы так и не сходили...

Старик налил в рюмку коньяк и спросил:

— От вас уходили жёны, Юрий Василич?

— Нет.

— Тогда вам, это трудно понять... Ну, а хозяйка принесла графинчик и стопку.

Плеснул я торопливо и выпил.

Вдруг стук в окно.

«Я же говорила! — радостно воскликнула Эсфирь Григорьевна. — Это ваш жёна вогнул!» — И побежала принимать беглянку.

Я наполнил ещё одну рюмку и опрокинул её в рот со злостью. Следом ещё одну... Если не везет, так не везет!

Дверь отворилась с очень осторожным скрипом. В чёрной раме дверного проёма возникло растерянное лицо хозяйки.

«Это до вас, товагиц Павел...» — произнесла она тревожно.

На крыльце стоял военный, майор, с солдатским вещмешком в руках.

«Мне на «капэ» дали адрес. Я назначен начальником штаба. Майор Куриат-Косаревский. — В слабом отблеске керосинового света, что долетал из кухни вспыхнула смущённая улыбка: — Извините, что так поздно, но без вашего приказа на территорию полка не пропускают».

«Как раз вовремя! — почему-то воскликнул я и, протянув майору руку, втащил его в дом. — А мы вас по всему штабу корпуса искали!.. Эсфирь Григорьевна, вы позволите человеку переночевать!?»

«Газе я имею право вашему начальнику отказать?» — ответила хозяйка.

«Только не я — начальник, а товарищ капитан — мне», — заметил майор.

«При новой власти усё стало очень из другой стогонь, — хмыкнула хозяйка, уходя в кухню. И по дороге сказала себе: — Пан погучник пргиказывает пану погучнику... Жовнеж³² командуют на генегала бгони³³. То не ест войско. Так не ходют на валку!³⁴»

В комнате при свете керосиновой пятилинейки я рассмотрел начальника штаба. На вид ему было лет сорок. Высокий, узкоплечий, с большими залысинами на лбу. Немного курносый. И эта курносость, поднимавшая чуть верхнюю губу, делала его лицо постоянно улыбающимся. Хотя тёмные глаза больно сверлили мир перед собой.

Гость сразу почувствовал моё радостное состояние.

«По какому поводу праздник?» — спросил он, глядя на стол.

«Да так...» — ответил я, не находя нужных слов.

«И як вас зовут?» — спросила Эсфирь Григорьевна, входя в комнату с приборами и тарелкой, наполненной картошкой.

«Игорь... Игорь Аркадьевич».

---

32 Жовнеж — солдат (польск.).

33 Генерал брони — воинское звание в польской армии.

34 Валка — война (польск.).

«Пан Игог, у нас такое гоге! Такое гоге! От товагища Павла ушла жона. Он такой несчастный... Токо ви, товагищ... Игогъ, идите и мойте гуки после догога. Я думаю, вы не очень обижаться, шо туалет у мене тепег пока токо у двоге?»

Удивило, как быстро эта старая женщина определила — кто есть кто? Меня она продолжала называть товарищ командир, а Косаревского сразу — пан Игорь. Когда я становился на постой, она почему-то не заявила о туалете во дворе. И сейчас к столу приборы принесла с пониманием. Мне только вилку, а Косаревскому ещё и нож.

Мы ели картошку, крепко заправленную жареным луком.

«Давайте за знакомство, товарищ майор», — предложил я и налил из графинчика.

Майор поднес к лицу рюмку и понюхал содержимое.

«Жаль, что это самогон, хоть и хорошо сделанный. — Он поставил стекляшку на стол. Поднялся. Вынул из своего вещмешка бутылку водки. — Рекомендую никогда не пить самогон». — Подошёл к форточке, отворил её и выплеснул содержимое своей рюмки. Потом взял мою, выплеснул следом.

«Почему?» — удивленно спросил я.

«Вы же не пьете бензин, хоть и очищенный, авиационный. Тем более от вас ушла жена. Может, потому и ушла, что вы первач садите?»

Майор сказал не в назидание, а с каким-то родительским сочувствием. В голосе звучали беспокойные ноты, напомнившие мне маму. Названия какие-то перечислил. Врезался в память только ацетон. Хотел спросить, что означают все эти слова, но постеснялся.

«Вы таблицу Менделеева помните? — спросил майор. И поняв, что я впервые слышу о таблице какого-то Менделеева, добавил: — Пить самогон равносильно глотанию чистой серы или мышьяка. А, может быть, выплаиванию ртути».

Сбил сургуч с бутылки и налил водку.

«Вас... мне хотели представить», — начал я.

«Задержал у себя командир корпуса, — сказал Косаревский. — Мы с ним старинные приятели. С детства. Жили в соседних домах. Я учился в гимназии. А он — в реальном училище... Засиделись, знаете... Вышел от него, а вас и след простыл. Повезло мне, что бежал «ЗИСок». Надеюсь — догоню».

«До этого где служили?»

«В оперативном отделе округа. В Киеве».

«А вещи ваши?..» — спросил я.

«Если оказия вдруг случится в корпус, поручим привезти. Они у генерала в доме остались».

В комнату вошла хозяйка и, увидев на столе бутылку водки, одобритительно сказала:

«Что ви не пьете бимбер³⁵, это хогошо. Я имею его, если горе какой или пгаздник». — Взяла графинчик и унесла.

Перед сном я вышел на крыльцо курить. Косаревский — следом. Стоим. Вокруг тишина. Я жую «беломорину», перебрасывая её из одного угла рта в другой.

---

35. Бимбер — самогон (польск.).

«Нравится?» — спрашивает Косаревский..

«Что?»

«Курить?»

Я почему-то никогда не задумывался над этим. Начал смолить самосад в деревне лет с четырнадцати. Отец не запрещал. В училище все дымили. Где ели, спали, там и чадили.

«В комнате, где спите, тоже курите?»

«Да», — смущённо ответил я.

На том и закончился разговор.

Спалось мне вольно и пригоже. На соседнем диване сопел начальник штаба.

Я просыпался несколько раз. Закуривал. Смотрел в темноте на тлеющую точку горячей папиросы и наслаждался мужской свободой. Мне казалось — завтра буду идти по улице, а все девки только на меня будут смотреть. Чувствовал — от меня, счастливого человека, исходит сияние, которого нельзя не заметить.

* * *

В девять часов утра были в штабе полка.

Вошёл я в кабинет командира. Стол. Телефон. Сейф. Сел на командирский стул и почувствовал, что ноги и руки у меня чугунные. Вдруг загудит чёрная трубка... и мне конец. Ничего я не знаю. Не умею... Потянуло в ангар к болтам и шестерням, как тянет влюбленного по уши к дrolьке. За окном яркое солнце, черёмуха раскрасила стёкла, а мне холодно...

Слава Богу, вошёл Косаревский.

«Соберите командиров. Всех».

«Причина есть?»

«Ведь вас никто не представлял. И мне надо познакомиться с личным составом. Да, и воткните ещё по одной шпале. Не ловко будет перед подчинёнными». — Положил на стол передо мной два прямоугольника.

Я снял гимнастерку и принялся ковырять дырки в петлицах. О шевронах даже не думал.

Собрали всех командиров. Представление вышло скорым.

О чём говорить — не знаю. «Я ваш новый комполка...» Пока мямлил что-то, успел выкурить две папиросы.

Помню только последние слова:

«По всем вопросам ко мне или к начальнику штаба». — Стою и чувствую, что не получается из меня командир.

«Меня зовут Игорь Аркадьевич, — вдруг взял инициативу на себя начштаба, — Куриат-Косаревский. Работа, товарищи, в полку предстоит очень тяжёлая. Поэтому первый приказ... С завтрашнего дня ровно в десять часов утра все командиры без исключения собираются в... — Он сделал паузу и посмотрел на меня. — Здесь есть политкомната? — Я кивнул. — В политкомнате мы будем проводить занятия по немецкому языку. До двенадцати. Присутствовать обязаны все командиры. Без исключения. Повторяю — все. И так каждый день. Явку обеспечивает товарищ батальонный комиссар. И потребую, затем, чтобы командиры с подчинёнными старались говорить по-немецки. Надеюсь, мы выучимся быстро... И второй при-

каз. В кабинетах... На рабочих местах курить запрещается! Касается тоже всех. Без исключения. Это для того, чтобы не подавать дурной пример подчиненным. У вас, товарищ полковник, будут замечания? — Начштаба глянул на меня. — Тогда все свободны»...

Павел Митрофанович налил кипяток в чашку.

— Пьём, да пьём... Сердце уже шалит...

Когда вышел последний офицер, комиссар вдруг возмущённо сказал:

«Якие такие ще занятия по-немэцьки!? Есть приказ командования!? Дежурный по штабу тоже на занятиях? А, если, якая провокация вдруг!?!»

«В полку приказывает командир, — ответил спокойно начштаба. — А в его отсутствии — я. А вы, товарищ батальонный комиссар, приказы только подписываете... И выполняете. Кажется, так у нас полагается по уставу?..»

«Який приказ!? — вырвалось у Слизкого. Он растерянно посмотрел на меня. — И ник?го в штабе!»

«По поводу дежурного. От нового Тунгусского метеорита никакие приказы командования не спасут, — отпарировал Косаревский. — А если хромой Тимур и его команда³⁶ в Москве Кремль захватят, то нас всё равно спасти не позовут...»

«Вы знаетэ о готовящемся захвате и мовчите!?!» — выкрикнул нервно комиссар.

«Об этом все знают уже пятьсот лет, — деловито заметил Косаревский и скривил издевательскую улыбку. — На два часа дежурного командира заменим сержантом. Он примет сообщение, доложит. Если что-то важное — прервём занятия. — И повернувшись ко мне, сказал: — Время занятий я буду заносить в штабной журнал, как важнейшее из мероприятий. Вы подписали приказ?»

«Да» — безропотно ответил я и уселся в кресло.

Но комиссар не унимался. Лицо его покраснелось. Уши стали дёргаться, а брови нервно подпрыгивать, словно крылышки птенца, пытавшегося взлететь.

«Почему вы нэ представыли меня?»

«Потому что по приказу командира полка, — объяснил Косаревский, понизив тон, — вы, товарищ батальонный комиссар, обязаны являться первым, а не последним, как это случилось полчаса назад. Пришли даже младшие лейтенанты. А вас нет. Давайте знакомиться... Хотя, мы с вами знакомились в штабе корпуса. — Они пожали друг другу руки. — И вам я рекомендую вместе со мной сейчас пройти по полку. Я вас представлю бойцам и командирам... Павел Митрофанович, попросите нам сопровождающего...»

«Лихо осадил мерина, — подумал я. — А, вроде ничего и не сказал».

У Слизкого ноздри стали дергаться. Чувствовалось — он считал себя если не главным в полку, то вторым после меня. Но возразить начальнику штаба не сумел. Когда они выходили из моего кабинета, мне показалось, что это идут уже враги.

---

³⁶ Хромой Тимур — Тамерлан. «Тимур и его команда» — популярная повесть А. Гайдара.

* * *

От озера налетел порыв ветра. Дождь то прекращался, то поливал с надсадной силой. Костёр не спасал от холода.

Мы напялили на себя одежды.

— Что будем делать с окунями? — спросил Павел Митрофанович.

— Пяток на сковородку... И в уху... — сказал я. — А хотите... откроем тушёнку?

— Нет. На рыбной ловле, если есть рыба, варить тушёнку — опошлить всё мероприятие. — Старик взял чашку, с намерением приготовить ещё кофе, но отставил.

Я предложил выпить. Павел Митрофанович отказался. Завернулся поплотнее в зелёный армейский плащ. Сейчас он походил на лесного божка, пришедшего к людям погреться.

— Начштаба и комиссар ушли, — тяжело сказал Павел Митрофанович, чтобы разговором заглушить тягостную тоску безделия, — а я остался. Сежу за стол как повар-неумеха, которому поручили сварить обед. Все для борща есть... На столе бумаги от прежнего хозяина, в сейфе куча папок. А за что хвататься? Может, воду сначала солить, а потом на огонь ставить? Или наоборот?.. Вынул пачку папирос, смял лесенкой мундштук, вложил в рот. А закурить не посмел. Просидел, наверное, битый час.

На мое спасение загремел телефон. Я трубку схватил и в рот тяну, как кусок хлеба проголодавшийся ребёнок.

«Товарищ командир, тут какой-то боец спрашивает якусь-то Кукушу. Говорит — ему нужен какой-то Кукуша. Он из корпуса...»

Я слушаю и не могу понять, кто и откуда звонит.

А в трубку долетает перепалка:

«Да скажи, — слышу, — что мне товарищ генерал приказали вашему начальнику штаба вещи привезти».

«Передай трубку нарочному! — приказал я. — Слушаю!»

«Товарищ командир... Мне товарищ комкор приказали вещи привезти Ку-Ке. Так и сказали: «Отдай Ку-Ке. Начальнику штаба». Чего мне делать?»

Я вызвал к себе Амвросия и приказал отвезти вещи Косаревского ко мне домой. А сам пошёл в кабинет начштаба.

«Товарищ майор, — спрашиваю, — а кто у нас в полку Ку-Ка?»

«Откуда знаете?» — спросил без всякого удивления Косаревский.

«Уже не только я. Уже весь полк знает. По ушам поползло».

«Это издержки воспитания, — хмыкнул начальник штаба, догадавшись. — Вещи привезли?.. В реальном училище, где учился наш комкор, этикета не преподавали. Вот он меня и называет по-уличному. Хорошо, хоть вещи передал. А то и на них наплевал бы...»

* * *

Дождь прекратился вдруг. Капли лениво падали с краёв тента.

— Рыбалки сегодня нет, — сказал Павел Митрофанович, глядя на часы. — Во время летит... Уже половина шестого. Я предлагаю рыбу оставить на завтра. А сейчас действительно картошки намнём

с тушённой...

Мы взялись чистить картошку...

— Вы, Юра, продолжайте, а я кое-что сделаю...

Старик с топором ушёл в лес, вернулся с палкой, напоминавшей рогач. Нырнул в палатку. Вышел с молотком. Приколотил к боковине стола-чурбака срубленную палку.

— Чего будет?

— Темно как-то. Костёр большой под тентом не разведёшь. Повесим лампу... У вас какая тушёнка?

— Есть говяжья. И свиная.

— Не пойдёт, — заявил Павел Митрофанович. — У меня — баранья. Ели? Вкус невероятный... Или как теперь говорят всюду — списфицкий.

Он снова нырнул в палатку и вынес высокую жестяную банку без этикетки. Ножом вырезал крышку.

Картошку слили. Разогрели тушёнку и смешали.

— Это надо есть быстро, — сказал старик. — Застывает мигом...

Мы торопливо выпили без прибауток, принялись есть.

— Немецкий выучили? — спросил я.

— Учились весело, — сказал Павел Митрофанович жуя. — На первый урок собрались в Красном уголке. Ровно в десять вошёл Косаревский и с порога:

«Guten Morgen, Genossen Kommandanten!»³⁷

Стоим, молчим.

«Доброе утро, товарищи командиры!» — сказал Косаревский.

«Здравия желаем, товарищ майор!» — хором ответили все, как школяры.

«Это первая и последняя фраза, которую вы сказали по-русски на занятиях. Остальное всё только по-немецки. Я буду показывать предметы и называть их... Вы — повторять за мной. Хором. Понятно? А отвечать на приветствие вы должны так:

«Guten Morgen, Herr Major!»³⁸ Начнём... — Он положил руку на стол и сказал:

«Der Tisch »³⁹.

Мы хором повторили.

«Der Stuhl »⁴⁰.

Уселся и сказал:

«Ich setzte mich auf den Stuhl neben dem Tisch»⁴¹.

К концу первого занятия мы уже знали, как называются по-немецки сапоги, мундир, фуражка, кто такие Гровер, Бремер и Галль.⁴² И всё как-то легко в голову втемяшилось.

«Товарищи командиры, — сказал перед концом занятия Ку-Ка по-русски — Я предлагаю всем при встрече друг с другом говорить

37. Доброе утро, товарищи командиры (нем.).

38. Доброе утро, господин майор (нем.).

39. Стол (нем.).

40. Стул (нем.).

41. Я сел на стул у стола (нем.).

42. Гровер — изобретатель стопорной шайбы.

Бремер — изобретатель универсальных плоскогубцев.

Галль — изобретатель роликовой (велосипедной) цепи.

только по-немецки. Это вам позволит в кратчайший срок все легко запомнить. А для развития памяти давайте пропоем...»

И Павел Митрофанович запел:

*Der Hund schlich in die Küche und stahl dem Koch ein Ei.
Da nahm der Koch den Löffel und schlug den Hund zu Brei.
Da kamen viele Hunde und gruben ihm ein Grab und setzten
einen Grabstein, auf dem geschrieben stand, dass⁴³ ...*

— Это что за песенка? — спросил я.

— Считалка. Вроде нашей... «У попа была собака. Он её любил...» — Старик пододвинул ко мне рюмку. — Под такую тушёнку грех не выпить. Наливайте, Юра... Откат нормальный!.. Разошлись все довольные и весёлые... Кроме Слизкого. Политначальника на уроке не было вовсе...

В моём кабинете начштаб попросил:

«Пригласите комиссара».

Его искали долго. Оказалось — он в городском исполкоме.

«Перезвоните в исполком», — попросил Ку-Ка.

Я звоню. Попал на секретаря председателя. Спросился о комиссаре. Ответили — был час назад. Попросил соединить с председателем.

«Гнат Иванович, комполка беспокоит... — начал я. — Там у вас наш новый комиссар... Слызкий Филимон Кузьмич...»

«Поздравляю, Павел Митрофанович с назначением, — перебил меня председатель. — Хорошо, что вы проявляете важную инициативу...»

Я молчу. Что председателю доложили о смене командования в полку — понятно. Но какая инициатива?

«Сейчас я передам трубку начальнику штаба. Вы с ним...» — Отдал трубку Ку-Ке, а сам сажу как побитый.

Косаревский представился. Долго слушал, и сказал в трубку.

«Мы подойдем к вам вдвоем... Нет... В любой день, но только после обеда. Утром у нас важные занятия с личным составом... До свидания. — И швырнул трубку на аппарат. — А, каков мерзавец!.. Он за вашей спиной командиром себя позиционирует! Хозяин полка! Предлагает председателю исполкома организовать совместную группу из бойцов и местных активистов для борьбы с антивоенными настроениями. «Мы мир разрушим до основания!..» А каков мерзавец!» — И злой ушёл к себе.

Через час появился Слизкий.

«Договорились?» — спрашиваю и делаю вид, что внимательно читаю документы.

«У исполкоме согласные».

«С чем?»

«Будём выявлять врагов... Кто не хочет победы социализма».

«Как это будет выглядеть?»

«Издадим группы из политруков и тутошних товарищей. Они будут выявлять».

---

43. Собака прокралась на кухню и украла у повара яйцо, а повар взял ложку и сварил кашу из собаки. Тут пришли другие собаки и вырыли повару могилу, на нее поставили камень и там написали, что... (нем.).

«А политруков вам из округа пришлют?»

«Зачем? Наши, полковые».

«Вы где учились, товарищ батальонный комиссар?» — спросил я, не отрывая глаз от бумаги, делая вид, что внимательно вчитываюсь.

«На курсах полипропагандыстов».

«Сколько лет?»

«Три месяца».

«А до этого какое училище закончили? Пехотное? Танковое?»

«Я — в комсомоле по оргнабору. В обкоме...»

«А кто вам дал право, — я демонстративно отложил бумажку в сторону и поднялся, — распоряжаться бойцами и командирами вверенного мне полка?»

«Это общереволюционнэ мероприятие...»

«Если я ещё раз узнаю о подобной инициативе...»

Павел Митрофанович добавил картошки из котелка. Налил в рюмки коньяк.

— Это я вам сейчас так, спокойно рассказываю, — сказал старик. Поднял рюмку и выпил. — Откат нормальный... А тогда я ему матюков нагнул. И Политуправлением округа пригрозил...

— У вас там был свой человек? — спросил я, тоже подкладывая картошку. Её вкус заставлял не замечать количества съеденного.

— Если бы. Думал — донесёт. А, может, донёс... Но обошлось. А про Политуправление я сдуру загнул.

Картошку ели, точно были с голодного края. Павел Митрофанович ещё три раза хвалил откат...

— Помню даже курьезный случай, — сказал старик, отодвинув пустую миску. — У меня в кабинете Косаревский. Что обсуждали — не помню... Вбегает Слизкий. И с порога:

«Я требую запретить усякие немецкие разговоры у полку! Я не Гер комиссар. Я — товарищ батальонный комиссар!»

«Нет в немецком языке товарища комиссара, — сказал Ку-Ка, — а только — Гер комиссар. А если вам не нравится такое положение, напишите в Политуправление округа официальную бумагу, что вы требуете изменить немецкую грамматику. Оттуда ваш запрос переправят в Комиссариат по иностранным делам... А народный комиссар товарищ Молотов обратится к германскому министру... И германское Министерство образования изменит правила... Правда, тогда нужно будет переписать всего Гётэ...»

«Мине наплювать на вашего Гёта! — выкрикнул Слизкий. — Мы обязаны выработать в бойцах Красной армии нэнависть до всяких загранишных капиталистов! А вы!?»

Косаревский, до этого лишь снисходительно улыбавшийся, вдруг побагровел и, придвинув лицо к уху комиссара, сказал, точно поведал что-то совершенно секретное:

«А я милость воспитываю к падшим. И призываю делать это вас, гер комиссар...»

«Это як?»

* * *

Мы рано улеглись. Павел Митрофанович, отвернувшись к стенке, скоро засопел. Его ровное спокойное дыхание походило на сон-

но-счетный камертон.

Я лежал, глядя в потолок и ругал себя. Прежде всего за щенячество. Вся моя журналюжья спесивость уверенного всезайки, натолкнувшись вдруг на твердые, увесистые слова, размякала и каждый раз разлеталась по сторонам брызгами звуков, как разбившаяся о волнорез, морская вода. «Почему я просто не слушаю? — спрашивал себя. — Ведь ничего из того, что рассказал старик, я не знаю. И даже геройство Зои Космодемьянской вынес из школы... Жил месяцами рядом с Петрищево, но так и не удосужился сходить в эту деревню, расспросить ещё живых очевидцев... Если дед прав... то меня просто обманывали с детского сада, с первого класса? Да и не я посчитал количество немецких дивизий... А для меня это сделал кто-то... Как не хочется быть обманутым простачком... А, собственно, почему дивизий, а не армий или фронтов?.. Сто девяносто дивизий — чтобы больше страху нагнать? Я бы для пущей вескости посчитал немцев не дивизиями, а полками... А если посчитать батальонами — то в Генеральном штабе кости на счетах до сих пор перекидывали бы...

И уже с трудом удерживая веки на весу, я приказал себе не спорить со стариком, а только слушать!

3 мая

Я снова проснулся, как лентяй, в восьмом часу.

Солнце путалось в сосновых кронах, пронизывая утреннюю прохладу первым теплом. Капли вчерашнего дождя, не успевшие упасть с хвои, брильянтовым ломали солнечные лучи.

Павла Митрофановича не было у кострища. Он сидел на берегу на чурбаке, наблюдая за удилищами, нависавшими над водой.

Я подошёл, поздоровался и присел рядом.

— Бросаете блесну, — сказал старик. — У меня ни одной поклёвки. А щука после дождя должна брать.

— Боюсь, — признался я.

— Чего? — удивился Павел Митрофанович.

И подчиняясь вчерашнему своему решению, сказал:

— Начну. Войду в азарт. А хочется послушать. Времени может не хватить.

— Чего не успеем, — засмеялся Павел Митрофанович, — вы у маршалов вычитаете... Вы сюда надолго?

— Десятого числа... Обещали в газете статью опубликовать двенадцатого. Хочется купить утренний номер.

— Успеем наговориться... Бросайте. А то голодными останемся.

— Так у нас десяток окуней в садке болтается...

— Совсем забыл, — сказал старик. — Это всё коньяк. — Подтянул к берегу садок из воды. Окунь, оказавшись на воздухе, с шумом стали прыгать... — Ловите. А я постараюсь рассказать... что никому не рассказывал...

— Добро, — радостно согласился я. — Моя щука к ужину, а ваши окуни — на уху.

Мне везло. На третьем забросе — поклевка. Щука взяла нагло. Одна свеча, другая...

— Вы уж поаккуратней, — с волнительным азартом сказал Павел

Митрофанович. — Я за подсачиком сбегая...

— Не надо. Я так вытяну.

Но старик сорвался с места. Когда вернулся, щука лежала на траве у моих ног и молотила хвостом по земле, подпрыгивала, хватала смертельный воздух двумя рядами острых зубов.

— Вот, Павел Митрофанович, ужин обеспечен, — радостно выпалил я, вытаскивая тройник из зубастой пасти. — Посадим на кушан... Теперь слово за вами.

— Постараюсь, — ответил он.

— Я — не про рыбу... Я — про войну...

— Далась вам эта война. — Он уселся на колоду. Подсачек положил рядом. — Что в ней хорошего?

— Тянет, как запретный плод... А кроме маршалов — никого.

— Когда будете читать, всегда обращайтесь внимание на выходные данные. Там есть странное сочетание цифр и букв. Скажем... а, б, сорок три, двадцать один...

— Это что означает?

— Номер цензора военно-политического управления. Вы в этих мемуарах никогда не найдёте даже намёка, что солдаты ели, как спали в передышках между боями, как их вши сжирали, как умирали от морозов в окопах... Зачем простому человеку знать, что до самого Сталинграда солдату по большому счёту жрать было нечего. Перебивались, кто что ухватит...

— Почему — до Сталинграда?

— Потому что ленд-лиз⁴⁴... Консервы и крупа только американские. В вашем любимом кино все офицеры в белых монгольских тулупах... Цирк, да и только. А в хронику заглянешь: всё генеральское начальство фронтное в чёрных кожаных тулупчиках...

— Для них специально такое шили?

— Это из «студебеккеров»... В России всегда мороз. Вот проклятые империалисты комплектовали каждый «студер» двумя тулупами... Или как теперь модно, дублёнками... Для шофера и командира машины... Я никогда не видел ни одного шофера в такой одежке. Шинелька или ватничек. А начальство в кожных «студеровских»... Ватутин⁴⁵ даже не постеснялся себя выставить на показ в этом шофёрском тулупе. — Павел Митрофанович со злостью подсек поклевку и принялся вынимать из воды снасть. Крючок оказался голым. — Только и читаешь у великих полководцев: переместили дивизию справа налево, командир такой-то, начальник штаба и комиссар такие-то... — Он принялся нанизывать червя. — Комиссар обязательно. Без него, как вон эта щука без воды. И обязательная фраза: «Я знал этого командира...» — И передразнил кого-то. — «Он был большой души человек!» — А на самом деле напиши об этом человек правду — и человеком трудно назвать. Души в нём отродясь не было... Никаких слов, кроме мата не подберёшь... Ни одного доброго... Так что советую вам, Юра, читать не маршалов, а простых капитанов и майоров, командиров баталь-

44. Ленд-лиз — поставки оружия, продовольствия и сырья в рамках антигитлеровской коалиции в СССР из США и Англии.

45. Ватутин Н. Ф. — генерал армии, в 1942г. командующий Воронежским и Юго-Западным фронтами.

онов, которые чудом уцелели... Они много книжечек написали. Только эти книжечки лежат в сельских магазинах в сибирской глуши да в болотах Белоруссии или Карелии, где доживают эти командиры свой век, забытые разлюбезными маршалами...

— В Испанию не просились? — спросил я.

— Туда только своих посылали. Проверенных. Это как для получения награды... Начальство знает, за какими наградами кого посылать. За Испанию много навешали... А вот за Финскую никому ничего. Если и давали, так втихую, чтоб никто ни гу-гу...

— Почему?

— Потому, как обгадились. Линию Манергейма народом завалили. Людей уложили, как дров в поленнице. Сейчас приходишь в поликлинику, а там объявление буквами в пол-аршина: «Участники Великой Отечественной обслуживаются вне очереди». А ниже нашкрябано, точно тараканы построены в шеренгу: «Так же участники боев на Карельском перешейке...» Так и жди, что разбегутся таракашки, если света добавить... Кто знает, что за перешеек такой? Упомянуть о Финской войне не очень хочется. Потому — перешеек!

Старик забросил червя в воду. Принялся переоснащать соседнее удилище.

Неожиданно из ближних кустов цокнул, а потом взхлёб зашёлся соловей.

— После Испании героизма в газетах было больше чем воевавших в той войне. Пели по радио, лучше нашего соловья, — заметил Павел Митрофанович. — Помню... в газетах портреты Кольцова, Эренбурга с Хемингуэем... После возвращения славных героев в начальники высшие назначали. А потом к вышней мере... приговорили. Ваши маршалы... которых вы читали... не объясняли?

— А ваше мнение... — спросил я нервно, всё ещё подчиняясь своему щенячеству по привычке. — Почему?

— Постреляли, огляделись по сторонам и поняли, чего затевает их любимая власть. И стали вслух думать. На вечеринках, под спиритик... Как мы с вами сейчас... А от власти это не укрылось. Она с первого своего дня в войне. Только о ней и думает, как юная девица о любовнике. Ведь в семнадцатом году мечтали о мировом пожаре. Главный поджигатель помер. Казалось, о пожаре забыли. Ан, нет. Подспудно, чтоб народ собственный не догадался, про мир во всём мире слюной заходились. А сами готовились... Тихо, скрытно... Которые на виду вроде браво командуют, а в душе ненавидят войну — такие не нужны... Потому главные герои Гражданской войны пошли в расход... Они воевали за власть, но не для мировой бесконечной бойни... Правда, можно ли назвать героем, того, кто убил собственного отца и родного брата?..

Колокольчик на удилище цокнул соловьишком. Павел Митрофанович принялся выбирать снасть. Но крючок снова оказался пустым. Старик тяжело вздохнул и глядя на голую кривулину сказал:

— Вот потому меня сделали командиром полка...

— По-вашему выходит, что Тухачевского?..

— Думаю, именно потому и расстреляли, — нервно перебил старик, забрасывая снасть в воду. И она с громким шлепком упала,

словно по леске передалось настроение хозяина. — Он к войне умело готовился, но воевать не хотел... Это для дурачков — они враги народа. А на самом деле спасители мира... Остаься они живыми — никакой войны бы не было...

По стальной поверхности озера долго расходились круги, будто её будоражили слова Павла Митрофановича.

— Вон, Пеньковский, — нервно сказал старик. — Для всех — предатель. А он и ещё кто-то с ним просто не нашли другого способа избавить мир от ядерной войны. Большевики бы быками поперли, не обломай им рога. — Он повернулся ко мне лицом и, словно угадывая мой вопрос, сказал: — Про такое у маршалов не прочтете, Юра... Это мне хороший приятель поведал. А разведупру⁴⁶ можно доверять. Потому я благодарю Бога, что он избавил меня от всяких там Испаний, Финляндий... От этого позора. Мне хватило войны с Японией. А им не хватает до сих пор! В Афган залезли!.. И попомните мои слова, Юра, будут воевать до упора, пока последнего нашего пацана там не загубят. А загубленных в запаянных гробах зароят где-нибудь в таёжной глуши на сельских погостах... И радостно начнут хвастаться этой бойней перед первоклассниками, заставляя детвору глотать протухший патриотизм. Кино героическое будут снимать... А слезы несчастных матерей и отцов утрёт время...

Павел Митрофанович схватился за удилище и подсёк. Лениво стал крутить катушку. Крючок снова оказался голым.

— Мой внук спросил... — Старик взялся нанизывать червя. — «Дед, а правда, ты с фашистами на одном параде маршировал? Подлец хоть и мал ещё, а понимает. Не с немцем, а с фашистом... По его разумению получается, как вроде мы одного поля ягоды.

— Вы что ответили?

— На свою голову рассказал, как всё было на самом деле. А он, голова садовая, в школе всех на уши поставил. Меня даже к директору вызывали...

— Что требовали?

— Чтобы не смел ребёнку говорить, что не положено.

— А вы?

— Что — я?.. А врать положено? А мне: «Мы не врём. Мы воспитываем! Нам не нужны диссиденты»...

И тут меня задело, точно передо мной стоял не директор школы, а Слизкий.

«А милость к падшим у вас преподают?..»

На одном из удилиц зазвенел колокольчик. Павел Митрофанович сделал подсечку и принялся крутить катушку.

— Вот!.. Есть! — Над водой повис маленький окунёк. Он трепыхнулся и счастливо провалился назад.

— И что ответил директор?

— «Это как?» — Старик принялся нанизывать червя. — А вы, Юра, не бездельничайте.

Я бросил блесну и, ожидая, когда грузило опустится на дно, спросил:

---

46. Главное Разведывательное управление генштаба СССР.

— А как же вы войну встретили?

— Как все. Радостно и всенародным восторгом... — изображая горделивость, ответил он.

— Войну с радостью?

— Так во всех газетах и по радио... Маршировал на параде в Белостоке и братался с немцами. И польза была... За участие в советско-фашистском ограниченном контингенте я получил звание капитана и приказ отправиться в город Берз. Спросил — где таковой? Ответили — недалеко. Километров триста южнее...

Оказалось, старый польский городок, теперь уже на границе с Германией. Там — механизированный полк. Назначили командиром батальона...

Городок тихий, причёсанный, как новая игрушка. Два костёла, синагога и православный храм. Ходи, кто куда хочет. В центре — ратуша и рынок. Каждое воскресенье народ в костёл, а оттуда на рынок. Впереди мать семейства, что та гусыня. За ней приодетые, причёсанные дети. А в конце дефиляды папаша... Полдня походят вокруг ратуши, обмениваются новостями и домой. До следующего воскресения...

Полк разместили в казармах бывших польских кавалеристов.

Дни один за другим незаметно потекла. Жена вскоре приехала...

А когда назначили командиром полка, жизнь словно с ног на голову перевернулась. Голова от забот разламывалась. Если бы не начальник штаба — хоть пулю в лоб посылай...

— О, есть! — выкрикнул я. У меня на крючок села щука.

— Тяните аккуратней! — приказал Павел Митрофанович и встал рядом со мной с подсачиком в руках. — Не давайте ей делать свечку!

Леса резала воду то вправо, то влево. И у самого берега из воды вдруг вылетела большущая чёрная голова щуки с трясущейся раскрытой пастью и, выплунув блесну, упала в воду.

— Проклятый день! — выругался я и, чтобы успокоить себя, уселся на чурбак.

— Это да... Все из рук валится, — сочувственно поддержал старик и уселся на свой чурбак. — В рыбной ловле помощник не предполагается... Но вы, Юра, не расстраивайтесь. Поймаем...

— А начштаб так и остался у вас? — спросил я, как-то сразу забыв о неудачной поклёвке.

— Первые дни мне было приятно и радостно с ним. А потом стала рождаться некоторая неловкость. Приходим домой после службы. Пани Фира накормит нас. Сделаем каждый свои дела... Постираемся... Косаревский сразу садится к окну и при керосиновой лампе книгу читает или пишет в толстой тетради что-то. Я за столом начинаю листать газету...

Быстро пересмотрел все четыре страницы и вроде как нечего делать...

— А книги читать?...

— У пани Фиры были книги. Но я по-польски и на иврите ничего не понимал. И даже было не привычно листать книгу не справа налево, а наоборот. Как будто и не книга вовсе, а какая-то издёвка над нормальным человеком...

Уходил из дома. В кино несколько раз на последний сеанс.... А то и просто гулял...

Однажды собрался. Ку-Ка спрашивает:

«Какое сегодня кино показывают?» — А сам у окна, читает. Открыл наугад книгу и читает.

«Вчера «Депутат Балтики» показывали. А что сегодня — не знаю... А почему вы одну и ту же книгу читаете? — спрашиваю. — Вчера раскрыли на последних страницах, а сегодня вернулись в начало...»

«Я очень люблю эту книгу. Мне её подарил автор. Мы с ним познакомились на конференции по вопросам современного боя танковых войск... Я её уже выучил наизусть. А самые интересные места просто перечитываю для удовольствия... Рекомендую и вам прочесть... — Закрыв книгу и протянул её мне. — Это гораздо лучше, чем тратить время на всяких там «Депутатов...» хоть от Балтики, хоть от какой другой губернии... А что написано в газетах, нам Склизкий расскажет на политинформации...»

В кино я не пошёл. Уселся за стол и стал читать...

— А что за книга?

— «Полководческое искусство Наполеона» комкора Лепицкого...

А на титульном листе красивым почерком написано: *«Дорогому Игорю Аркадьевичу от автора. Как я рад, что вы меня передумали. Лепицкий. 1 декабря 1939 г.»*

Я её тоже три раза перечитал... В моей домашней библиотеке и сейчас стоит. Купил по случаю в комиссионном магазине на Арбате в пятьдесят пятом году... Там даже штампик сохранился: «Библиотека Академии им. М.В. Фрунзе»... Теперь внук читает...

Как-то ночью просыпаюсь... Что за чёрт? В комнате полумрак. Горит прикрученная керосиновая лампа на столе. За столом сидит Косаревский и на логарифмической линейке что-то высчитывает.

«Вы почему не спите Игорь Аркадьевич?»

«Хочу закончить статью для журнала. С генералом Лепицким делился мыслями. Он ухватился за идею. Просил написать. Я пообещал... Неловко подводить... Подумает, что я болтун...»

«О чем статья?»

«Кустовой метод обороны танкового полка в современном бою».

«Зачем нам обороняться? Мы обязаны только атаковать», — возразил я.

«Нет, Паша. Кто не умеет обороняться, тот всё проиграет, даже если для нападения хорошо подготовился...»

Колокольчик звякнул. Но Павел Митрофанович даже не стал делать подсечку.

— Среди вещей Косаревского было много книг. Я их все прочёл. Даже воспоминания Бисмарка...

— А что у Бисмарка хорошего?

— Большая умница. Очень понравилось, как этот угрюмый старик отдал распоряжение начать военные действия с Францией...

— Перед титульным листом вклеена фотография. Старик в каске с пикой, как на новогодней ёлке. Брови густые, что снопы, усы — глуболенные борозды в стороны расходятся. А взгляд, прямой

острый, без азиатского прищура. Можно верить... Так вот ему доложили, что французы атакуют... и какие будут по этому поводу указания?. Бисмарк приподнялся на постели... Он спал до этого... И сказал адъютанту: «Возьмите папку на верхней полке моего шкафа. Там все указания». И продолжил сон, отвернувшись к стене».

Старик сделал подсечку и принялся крутить катушку. На траве оказался небольшой окунёк.

— Сегодня — и это рыба, — равнодушно отметил он. — А Косаревский у меня вроде Бисмарка был. Дела полковые выходили у него уверенно, ладно и споро. Мне казалось — всё видит наперёд, как по книге читает... Я его как-то вызываю и говорю, что у нас проблема... Рассказываю... А он уходит в свой кабинет и возвращается с листочком бумаги, на котором эта самая проблема расписана по пунктам. Читай и делай. Не ошибёшься... А когда получили приказ — в Харькове получать танки Т-34, Косаревский предложил ехать не поездом, а на двух автомобилях: взвод охраны с поваром на «ЗИСке» и командиры на «эмке»...

Дома лежим в темноте. Слышу, как тяжело дышит на диване начштаб. Чувствую — не спит. Спрашиваю:

«Откуда вы, Игорь Аркадьевич, знали, что нас за танками пошлют?»

«Все в этой жизни, товарищ комполка, подчинено железной логике, — отвечает. — Если к границе переместили кадрированную дивизию. Значит?.. Держать пустые казармы у границы не станут. Свято место пусто не бывает. Будут заполнять. Сначала народ пригонят, а потом и танки придут. Готовьтесь...»

Все так и случилось, как говорил начштаба...
Только сначала поехали за танками...

* * *

— Выехали затаренные, — сказал Павел Митрофанович. — Полевая кухня на хвосте у «ЗИСа», в кузове провиант и двенадцать бойцов. Два водителя в кабине. В эмке я, мой шофёр Амвросий и командир конвоя — старший лейтенант.

В Харькове нам показали от ворот поворот.

По документам — получите сто два танка. А в сбыте говорят:

«Есть только один. Остальные — в январе».

Послал я телеграмму в корпус. Приказали брать один и уезжать.

На погрузку подогнали машину. Внешне — красивая. Дай, думаю, сам загоню на платформу. Что за комполка, если не умеет танком управлять!? Влез через передний люк на место водителя, уселся за рычаги. Осмотрелся по-хозяйски. Кружок давления масла перед носом. Рычаг переключателя скоростей — рядом. Педали на месте... Рычаги не мешают. Включил баллоны с воздухом, запустил дизель... И тут мне стало неудобно. Грохот, запах соляры... Попробовал с нейтрали перейти на первую передачу... На-кась, выкуси! Не хватает сил рычаг коробки передач сдернуть... Упёрся в трубку рычага главного фрикциона и давай дергать ручку... А справа на месте стрелка сидит заводчанин. И говорит:

«Один не осилишь. Лучше вместе».

А когда танк полез на платформу, он и говорит:

«Вот для того и нужен стрелок-пулеметчик здесь, чтобы скорости помогать переключать». — И смеётся. — И главное... Запомни, как «Отче наш.»... Не перепутай првую передачу с четвертой и вторую с третьей. Они парами в одну сторону переключаются... Перепутаешь — коробке хана...

Загнал я танк на платформу.

Пока рабочие его расчаливали, попробовал влезть в башню. Поднял люк, опустился в командирское кресло... И почувствовал себя волком в ярме... Когда забирался в «бэтэшку» или в танкетку, осознал себя бойцом, которому поручили великое дело... А тут... Сидеть в кресле неудобно. Ноги висят над креслом механика-водителя. Нервное движение... сапогом, гляди, башку снесёшь.

Выбрался из башни с нехорошим чувством. И понят: машина — на тебе Боже, что мне не гоже... И подумалось, что эту железяку делали или нелюди, или не для людей...

Так это чувство во мене и до сих пор сидит...

— О, есть! — с азартом выкрикнул я, направив все внимание на озеро. Там далеко блесну снова схватила щука. — А как же воевали?

— Как-как?! — выкрикнул Павел Митрофанович. — Не упустите!

Я нагло выволок щуку на траву и бросил её к ногам старика.

— Вот так и воевали, — сказал он, довольно улыбаясь и снимая рыбу с крючка. Килограммчика два... Война — и деваться некуда... Да, ещё... Под ногами стрелка в днище — люк. Это, если машину подбили, а выбраться нет возможности, то открываешь и... — Павел Митрофанович вжал голову в плечи. — Пробеешь пролезть. Если танк на ровном месте — пролезешь. А если кочка какая под днищем, бугорочек... Люк уперся в землю. И хана! Он открывался наружу... И прозвище у него злое — люк героя... — Старик вдруг рассмеялся сквозь стиснутые губы. — Человек в танке никого не интересовал и не интересуется. На месте горящего завтра другая железяка с экипажем будут. Незачем голову о человеке сушить...

Я снова забросил и снова — поклёвка. Но щука сорвалась после высоченной свечи.

— Жаль, — посочувствовал Павел Митрофанович. — А была поболее этой... — Уселся на чурбачок. — Солнце после дождя не сильно греет...

— А дальше? — спросил я, не жалея о сорвавшейся рыбе.

— Зачехлили танк и поехали назад. «ЗИС» с кухней и мы на «эмке».

Едем. И вдруг Амвросий говорит:

«Товарищ командир, давайте скакнём до моей матери в село. Это по дороге. Хитрый, зараза, был мужик... Другой бы сказал: «Заедем в родное село». А то — к матери... К матери не захватить грех...»

«Далеко?» — спрашиваю.

«Километров пять в бок... Между Малинным и Овручем».

«Танк придёт, а нас нет, — усомнился я. — Нехорошо будет».

«Да он неделю в Полтаве простоят, — уверенно заявил Амвросий. — А другую — в Фастове. Попомните мои слова. Вернёмся, и

телеграммы отбивать долго будете, товарищ командир... Искать платформу. И потеряют наш танк где-нибудь перед Шепетовкой... А я мать уже пять лет не видел... И братьёв».

«Братьев много?»

«Двое младших».

Вспомнил я своих. Где они?..

У меня снова блесну схватила щука. Она рвала лесу зло, упираясь о воду.

— Вы уж эту не отпустите... — Старик поднялся и взяв в руки подсачек, встал рядом.

— Не упусти!.. Бросьте эту авоську! Лучше... Что было? — Я выволок рыбину на берег.

— В тот момент у меня в голове две занозы были, — сказал Павел Митрофанович. Радостно стал потирать руки, глядя на щуку, которая плясала на траве. — Килограмма два с половиной... С голоду не умрём... А в голове у меня только танки и девки. Задней мыслью подхлестывал себя: знакомство какое вдруг слепится... И согласился.

Отдал команду «ЗИСу» ехать на Новоград-Волынский, а мы свернули с большака на просёлок.

Ехали долго. То — лесом, то — полем.

«Кажется уже добрую сотню километров отмахали», — говорю Амвросию.

«Вот за тем лесочком уже...»

Из окна машины картинка — рай сплошной, тихий, беззаботный. Лето давно закончилось. Но осени ещё не видно. Тепло. Всё кругом уже жёлто-красным листом расцвело. Только пыль легкая за нами...

А лесочков было ещё с десяток.

Солнце к закату, а мы всё едем...

Село оказалось большое, дворов за добрую сотню. Хаты из брёвен. Не чета нашим глиняным мазанкам. Дворы выгорожены заборами из тонких еловых жёрдочек.

— А как же голодовка?

— После голода уже семь лет прошло. Кое-как, должно, очухались, отъелись.

— Амвросий ничего не рассказывал?

— Не принято было лишнее болтать. Каждый всё в себе носил. Я знал, только, что в армию он в тридцать третьем сам добровольно... Потом и на сверхсрочную остался...

— Может, боялся возвращаться?

— Послушайте, товарищ писатель, — засмеялся Павел Митрофанович, — вы похлеще фронтовых особистов... Даже про ненужное спрашиваете. Остался, да и остался. Может, ему казарма мягче материнской перины?.. — Он помолчал и добавил: — Мать его в армию спровадила, чтобы не помер с голоду.

— Извините...

— Приехали. Нас встретил мальчонка лет четырнадцати. На шее у Амвросия повис. Вышла из дома женщина лет шестидесяти. Высокая, грузная, в длинной чёрной юбке и серой кофте. Из-под белой косынки густые седые волосы вырываются. Глянула на меня мель-

ком, кивнула, с Амвросием расцеловалась сдержанно, словно и не сын вовсе приехал, и пошла в сарай.

Принялись мы умываться. Толя, мальчонка, нам воду на шею и спину льёт...

Отодвинулись ворота и во двор вошёл парень лет двадцати пяти, в большой фуражке, белая рубашка на шее перехвачена серым галстуком, как будто кто шпалы нанизал друг за дружкой. Пиджак серый с пояском. Штаны — белые клёши... Сразу скажешь — городской.

«Борька!» — Амвросий кинулся обниматься и целоваться.

Из Житомира на выходной день брат приехал.

В доме чисто. Железные ходики с цоканьем гонят время. На деревянных полах грубо плетёные дорожки. На бревенчатых стенах фотографии. Между окон в толстой раме одинокая фотография хозяйки. В красном углу пустой киот без лампадки.

Хозяйка поставила на стол большой чугунок с парящей картошкой, граненые рюмки. Раздала всем по ложке. Сама перекрестилась на пустой киот. И покуда она не присела на лавку, никто из сыночек за ложки не взялся.

Борис принёс из сеней полную сулею⁴⁷. Наполнил три рюмки.

«Мы млодзи, нам бимбер не зашкодзи»⁴⁸, — сказал и поднял рюмку.

Мы выпили.

Больше я от него не слышал ни одного слова.

Когда поели, Амвросий попросил:

«Толька, а ну возьми гармошку».

Толя юркнул в соседнюю комнату и принёс маленькую двухрядку.

Распахнул меха и запел:

Гэй, наливайтэ повніі чари,
Щоб через вінця лилося,
Щоб наша доля нас не цуралась,
Щоб краще в світі жилося...

Он запел детским фальцетом. И показалось, что стены хаты раздвинулись.

Дивують турки, дивують ляхи,
Як ми те зілля вживаєм.
А ми вживаєм, щей підливаєм,
Щоб краще в світі жилося.

Турки не можуть, ляхи не вміють,
Нашу горілочку пити,
Ми ж будем пити й хрест боронити,
Щоб краще в світі жилося...

Мальчик хватал воздух, задыхаясь. Амвросий подпевал баском. Но веселья почему-то не получалось.

47. Сулея — трехлитровая бутылка, четвертая часть 12-и литровой мерного водочного ведра, в простонародии — «четверть».

48. Мы молоды, нам самогон не повредит (польск.).

Я вышел во двор. После выпитого самогона потянуло курить. Мял в руках «беломорину». А ведь дал себе слово — не пить самодел, как рекомендовал Ку-Ка. Но обижать хозяев не решился.

Стою на крыльце. А из сеней, из-за двери, голос матери:

«Ты для чего эту гадыню энкэвэди́стскую в хату привёз?»

«Он — не гадина. Не энкавэди́ст. Командир полка. Танкист, как и я».

«Чи ты забыл, шо они нашего батьку застрельы?»

«Я завтра с Борькой на могилу схожу...»

Во двор кто-то вошёл. В полумраке позднего вечера, угадывался женский силуэт.

На крыльцо вошла молодая женщина и, увидев меня, испуганно воскликнула:

«Ой!.. А где Арося?»

«Заходите...» — Я застучал каблуками по плахам крыльца, выдавая себя.

Женщина юркнула в дом. Через пять минут вернулась и ушла со двора...

Я слушал рассказ, забыв о рыбалке.

Зазвенел колокольчик на кончике удилица. Павел Митрофанович вытащил пустой крючок.

— Обжирают!.. А вы, Юра, не стойте, — сказал он, бросив на меня взгляд. — Делайте два дела. Слушайте и ловите. А то перестану рассказывать.

Я снова метнул блесну...

— Ночевал я на чердаке большой клуни⁴⁹. Амвросий сбежал, оставив меня одного... А папиросу я выбросил, не закурив. С той поры ни одной в рот не брал...

Утром выехали рано. Мать положила в машину буханку чёрного хлеба, две бутылки молока, заткнутые голыми кукурузными початками, большую луковицу. В тряпочку завернула полдюжины варёных яиц. А в коробке из-под спичек — соль.

За селом Амвросий остановил машину.

«Я схожу?» — спрашивает.

«Иди». — Делаю вид, что не понимаю, зачем остановились.

Через полчаса он вернулся.

Отъехали.

«Ты куда ходил?» — спрашиваю.

«До ветру, товарищ командир».

«Мне врать не надо, сержант Туркот! Так, куда ходил?»

«На могилу отца».

«Кладбище, вроде, не проезжали...»

Амвросий молчит. Ерзает на сидении. Нога нервно бьёт по акселератору. «Эмка» дергается.

Проехали километров десять в неловкости. Я не выдержал:

«Так я для тебя тоже энкавэди́стская гадина?»

«Нет, товарищ командир. Мой отец был коммунистом. Он в Гражданскую свой отряд организовал. После вместе с мамой суём⁵⁰ сделали. Был старостой. Все мужики из нашего села с ним работали.

49. Клуня — большой амбар, где молотят зерно (укр.)

50. Суём — сейм, артель (зап.-русс.)

Даже из соседнего приходили проситься... В тридцатом прислали бумагу, что ихний суём антипартийный и надо другой делать. Отец в район поехал правду искать. Вернулся. Собрал мужичков и приказал всё общее добро по домам снести и разойтись... Народ не захотел. Чего разбегаться. Если ладно выходит кругом... Отец тогда сам из своего суёма вышел... А через неделю приехали якие-то военные. Отвели отца в овраг за селом и расстреляли...

Там и зарыли... — вздохнул Амвросий. — Вот я на могилку и ходил»...

«За что убили?»

«За агитацию против советской власти...»

«В армию пошёл сам?»

«Мать заставила. «Иди записывайся... — говорит. — А то и тебя расстреляют... Или с голоду подохнешь».

Павел Митрофанович поднялся.

— Пойду, приму таблетку, — И побрёл к палатке.

Когда вернулся, уселся на колоду и сказал:

— Ехали молча.

По сторонам дубовые перелески, сосновые леса, пустые поля со стернёй и деревни с соломенными крышами, мелкие хозяйские череды из десятка коров — успокоенная безлюдная жизнь...

«Ты где на шофёра учился?» — спросил я, уставший от тягостного многочасового молчания.

«Сам. Случайно, — сказал Амвросий. — Я сразу в пехоту попал. Вторым номером при пулемёте приставили. Мне всё одинаково было... Хоть третьим, пятым-десятым... На себе станок носил и ленту поддерживал. Ленту поддерживать — не упаришься. А вот станок за плечами — шо та земля на крышке гроба. Пошевелинуться нет никаких сил... Привыкнуть не мог. Як только я не приноравливался прилаживать эту железяку к спине, она все равно легче не становилась. И с каждым днём тяжёльше.

Два года, как тот ишак... Хоть стреляйся...

И вдруг приезжает у часть какой-то полковник. Построили нас пред ним. Он сразу спросил: «Шофера есть? Кто умеет автомашины водить?» Вышли трое. А меня точно гедзь⁵¹ укусил. Думаю: «Другого случая избавиться от двухколёсной могильной плиты у меня не буйть!» И шагнул...

Отвезли нас за триста километров в другую часть. Подвели к зелёным машинам... Шоб показали, шо умеем. Те трое, к которым я притулился, сразу кривую магнету⁵² в дырку... Крутанули, завели моторы. Они городские были... А я не знаю, з какой стороны к этой железяке и пристроиться. Стою и думаю: «Сейчас, под трибунал!.. Так пусть трибунал, лишь бы не пулемётная рота...» Полковник подходит и говорит: «Чтоб через неделю «полуторку» знал лучше, чем жену...» Другой бы кричать стал, ругаться. А наш понял...»

«Выучил?» — спросил я.

«Через неделю, конечно, не успел. А вот через две... Когда полк в Берз переправили, я даже полковника возить стал... как теперь

51. Гедзь — овод (укр.)

52. Кривая магнета — заводная ручка автомобиля (жарг.).

вас, товарищ командир. Вот, сейчас приедем — я новый танк выучу. Пригодится».

«А полковник?.. Тот, который до меня командиром был?»

«Он самый...»

У меня снова на крючок села щука. Павел Митрофанович подскочил с подсачеком. Но рыба после двух свечей сорвалась.

— Жалко, — сказал Павел Митрофанович, усаживаясь на свой пенёк. — Амвросий прав оказался. Мы свой танк искали месяц. Посылали людей в Фастов и Шепетовку. Из Фастова за ящик тушёнки отправили... Из Шепетовки — за два...

Павел Митрофанович еще раз ходил пить таблетки. Было видно, что он волнуется — у него не клевало.

— Заболтались мы с вами, — сказал старик, глядя на часы. — Двенадцатый час, а мы ещё и не завтракали. Вы бросайте, а я займусь чаем...

* * *

Завтракали долго. Костёр горел слабо. Вода кипела с ленцой. Да и солнце всё пряталось за серые последождевые тучи, не грея.

— Доехали без приключений? — спросил я заинтересованно и поймал себя на мысли, что становлюсь частью далёких событий.

— Только ступил на порог, — сказал Павел Митрофанович, медленно отхлёбывая чай. — Косаревский обрадовал:

«Завтра пополнение прибывает».

А когда сели за стол ужинать, он сказал:

«Хотите, товарищ комполка, я вас ещё порадую?»

Я глянул на Ку-Ку с некоторой опаской. За короткое время нашего знакомства и проживания под одной крышей, я выучился по интонации голоса начальника штаба угадывать потаённый смысл его слов.

«Вы в Харьков... А к нам делегация из политотдела корпуса».

«Опять шпионов ловить!?» — перебил я. Выложил перед Косаревским газету «Известия», которую купил в Новоград-Вольнске.

«Нет. Привезли пятьдесят политруков». — Игорь Аркадьевич раскрыл газету.

«И что?» — спросил я со своей крестьянской простодушностью.

«У нас по штату, Паша, — с тяжело скрываемой тревогой сказал начштаб, — полагается двенадцать политработников вместе со Склизким...»

«Переучим в механиков-водителей», — засмеялся я.

«Не успеем...»

«Почему?»

«Война, товарищ командир полка. — Косаревский тяжело выдохнул. — Война... Литву и Латвию подмяли... Вот... — Он ударил пальцами по полотну газеты. — Подписание пакта трёх с целью создания нового порядка⁵³. А в Аргентине благодать... Только бастуют докеры...»

Наш разговор перебила хозяйка.

---

53. Пакт трёх, с целью создания нового порядка....

Она вошла в комнату, неся перед собой большой чёрный ящик. Поставила его на комод. На ней была белая блузка с пышным жабо и длинная тёмная юбка. Седые волосы аккуратно прибраны шпильками над ушами.

«Я, пшапгашем⁵⁴, товагици панове войскове... — с привычным волнением сказала Эсфирь Григорьевна. — У меня сегодня очень большой пгаздник... У мой Шая сегодня тридцать лят... Токо ви очень не волнуйтесь. Я всё приготвила...»

Хозяйка вышла и вернулась с большим подносом. Выставила на стол миску с красной свеклой, перемешанной с какой-то зеленью, и блюдо, на котором лежала щука. Графинчик с белой жидкостью, высокую бутылку белого мозельского вина и четыре рюмки.

«Пани Фира, — немного обиженно сказал Косаревский, — почему вы не сказали об этом прекрасном дне вчера? Мы сейчас с товарищем майором ходим в магазин... за цветами...»

«Я, пшапгашем, товагици панове войскове, — сказала хозяйка, недовольно сломав губы — У склепе⁵⁵ на вашый талон ничего нема. Я ходива на базаж и пгиготовила только очень чуть-чуть цимис⁵⁶ и фагшигованый фиш⁵⁷... И немножко кугочка... И я хочу спгосить: и где у нашем гогоде тепег пгодают квяты⁵⁸? Где до вас пгодавались квяты, тепег зачем-то гизэт...»

«Ничего не поделаешь, — сказал Косаревский. — Газеты важнее...»

«Важнее? — спросила с недоверием Эсфирь Григорьевна. Она вышла и вернувшись с тарелками и приборами, сказала: — Я вам таки скажу, товагици пнове войскове, что когда тут был балабус⁵⁹ пан Пилсудский⁶⁰, у склепе пани Гоногаты я покупала мензо, вендлины, родзинки⁶¹ и всякий фиш. И танё⁶². А тепег?.. «Покажите вашый талон». Я показала. И что? Говогят — нема. Пошла на базаж⁶³. Там есть усё. Токо талон никто бгать не хочет... И ваши гизэт тоже никто не покупайт. А мне они очень подходит».

«Вам какая нравится? — спросил Косаревский, — «Правда», «Известия» или «Труд»?»

«Ой! Я даже не знаю этих названий. Просто пани Гоногата приносит стагый, котогий не купили».

«Зачем вам старые? — спросил я.

«Много бумага. Очень даже хогошо чистить следь⁶⁴.

«На одной стганице — шкуге, на дгугой — кишке... Все чисто и аккугатно.

«А последние новости как вы узнаёте?» — спросил я.

---

54. Пшапрашем — извините (польск.).

55. Склеп — магазин (польск.).

56. Цимис — национальное еврейское блюдо из моркови.

57. Фиш — рыба (идиш).

58. Квяты — цветы (польск.).

59. Балабус — хозяин (идиш).

60. Пилсудский — первый президент независимой Польши после 1917 г.

61. Мендзо, вендлины, родзинки — мясо, копчёности, изюм (польск.).

62. Танё — дешёво (польск.).

63. Базаж — базар, рынок (польск.).

64. Следь — сельдь, селедка (польск.).

«Если что важное, — деловито сказала хозяйка, — мне гаскажет пани Гоногата. А что я вам таки скажу, товагищи панове войскове... У нашем гогоде про всё знают ганьше, чем у ваший гизета...».

В окно постучали.

«Это Ефрем Сабельсон, — сообщила Эсфирь Григорьевна. — Наший доктог. Он пользовал мой мамэ, папэ, мне с мой монж⁶⁵ и наш Шая».

Вошёл седоволосый старик невысокого роста в темно-кремовом двубортном костюме и черных туфлях. В одной руке он держал канотье, а в другой букет роз....

«Здравствуйте панове! — сказал он нерадостным голосом и подозрительно оглядел военных. — Я поздравляю всех с день гождениа догогого Шая».

Когда принялись закусьвать, Косаревский спросил:

«Пани Фира, а где сейчас ваш сын?»

«У Вагшавэ. Учится в консерватогии».

«Я всегда говогил, чтобы он стал вгач, — сказал Ефрем. — Ну, если совсем плохо — пговизор. На такое дело тоже можно когмить семья... А клезмер?»⁶⁶

«Это потому, что ты ничего не понимаешь у музыка! — недовольно отпарировала хозяйка. — Увидишь — он станет, как мой бгат из Николаева Соломон...»

«Доктог — это всегда можно кушать», — уверенно сказал Ефрем с каменным лицом.

«Все у тебя должны токо лечить и кушать! А если никто не болеет? Один гевулд!⁶⁷ Себя с утга до ночь кушать таблетка?.. И Шая, как его дядя Соломон, поедет в Амегика и там будет писать музыка...»

«Клезмер — это газе музыка!? — теперь возмутился Ефрем, ковыряя вилкой рыбу. — Одна стгочка... «Аидиш, шолом алейхем!..» И это на увесь вечег!»

Эсфирь Григорьевна поднялась. Подошла к черному ящику, который принесла, подняла крышку.

«И этот человек говогит, что Соломон не музыкант! Это наш годственник, а ты так пго него! Нет! Вы послушайте!»

Выдернула из боковины ящика хромированную ручку и принялась крутить ее. Подняла блестящую головку трубы и поставила на вращающуюся пластинку... Из деревянного нутра полились мягкие звуки женского дуэта на непонятном языке... «Нет! Ты слушай, Ефрем! — приказала хозяйка. — Это наш бгат Соломон написал. Ты забыл?».

И вдруг в мгновение всё стало узнаваемо:

Bay mir bistu sheyn,

Bay mir hos tu heyn,

Bay mir bistu eyner oyf der velt...⁶⁸

65. Монж — муж (польск..)

66. Клезмер — музыкант, исполняющий народную еврейскую музыку в составе импровизированного ансамбля (иврит).

67. Гевулд — скандал (идиш).

68. Для меня ты самая прекрасная,

Для меня ты единственная во всём мире... (идиш). Знаменитая песня Соломона Секунды «Бай мир бисту шейн» для бродвейского мюзикла.

Косаревский поднялся, одернул гимнастёрку и, выйдя из-за стола, подошел к хозяйке. Он наклонил голову и протянул к женщине руку, приглашая на танец.

Эсфирь Григорьевна, как показалось, несколько зарделась, но сделав ответный книксен, положила руку на плечо майора.

Но музыка вдруг кончилась.

Я подскочил к патефону и снова установил иголку в начало...

Хозяйка и майор танцевали, я командовал иглой... и чувствовал себя удивительно счастливым человеком...

Хозяйка устало опустилась на стул.

«Вот тепег можно мозелький вино, товагищи Панове войскове, — сказал Ефрем и принялся наливать в фужеры вино. — Скажу я вам, пан Игог, вы, навегно, учились танцам у двогианском собгани?»

«Было» — ответил Ку-Ка.

«Так ви, навегно, ходили у гимназия?»

«Конечно. В гимназию Бродского».

«Так я вас могу спгосить?»

«Если знаю — твечу», — ответил Косаревский.

«Пан Игог... — осторожно сказал Ефрем. — А пгавда, што у вашего Ленина мамэ была мадмуазель Бланк?»

«Зачем это вам, пан Ефрем?» — спросил Ку-Ка улыбаясь.

Старичок помолчал, о чём-то размышляя, и сказала:

«Так говогит пани Гоногата. А я ей вегю. Потому что мадам, у котогой был большой склеп, не может говогить непгавда...»

«Да, Бланк, — ответил Косаревский. — Но она православная христианка».

Ефрем с удивлённым прищуром посмотрела на майора и спросил:

«Пан Игог, ви навегно знаете, как называется, тот китаиц, котогый жиёт в гогах, игде Индия? Пани Гоногата говогила... Но я забыл... Ходит у оганжевый сукня». ⁶⁹

«Вы имеете ввиду буддистов?» — догадался Ку-Ка.

«Таки навегно. Если я изделаюсь этием буддистом?.. Так я уже не евгей?..»

Хозяйка поднялась из-за стола и попросила:

«Ефрем, пойдём за чашкэ. Будем пить хрбата». ⁷⁰

Ку-Ка проводил стариков взглядом и шепнул мне, улыбаясь:

«Учитесь логике, Паша! Нет мяса в магазине, потому что у мамы Ленина девичья фамилия Бланк...»

* * *

После такого славного вечера мы забыли про политруков, новобранцев, войну и забастовки.

И когда уже лежали в постелях, погасив лампу, Косаревский сказал:

«Даровитость бы проверить».

«Что за даровитость?»

---

69. Сукня — свободная накидка (польск.).

70. Хрбата — чай (польск.).

«Посадишь гениального дворника за рычаги танка, — объяснил Косаревский, — и считай — конец».

«Научим», — возразил я.

«Долго придётся. Меня сколько ни учили музыке... Отец специально рояль купил... С четырьмя свечами. Поставили в гостиной ... Увы... Хотя, я могу чижика-пыжика или собачий вальс клацать на клавишах и для вида на педали нажимать. А вот моя сестра до пола не доставала, а играть выучилась самостоятельно. Как-то прихожу домой из гимназии, а она сидит и «К Элизе»⁷¹ на двух октавах играет... До других не дотягивалась. Ручки короткие... — И сделав большую паузу, с тревогой сказал: — Боюсь, пригонят новобранцев из местных».

«Что страшного?»

«Боюсь, товарищ комполка...» — только и ответил Косаревский.

* * *

— Утро не складывалось, — сказал Павел Митрофанович. — У хозяйки не разжигался примус. Она непрерывно прочищала иглой форсунку, накачивала давление, но пламя не вспыхивало, а коптило.

Мы появились в полку только в половине десятого.

На плацу перед штабом, разбитые на кучки, точно на когорты, стояли молодые парни. И перед каждой стоял незнакомый мне политрук и читал газету... Чуть в стороне за всем этим наблюдал Слизкий.

«Что происходит?» — с недоумением спросил я.

«Политинформация, товарищ комполка», — ответил комиссар.

«Когда народ прибыл?»

«У три часа ночи привезлы на авте, — доложил он браво. — Из корпуса».

«И с ночи здесь?»

«Вас дожыдаемось».

«Отставить! — заорал я, точно меня кто калёным железом обжёт. — В две шеренги становись!»

Обошёл строй. Бросилась в глаза большая разница в одежде. Половина были в костюмах, белых рубашках с галстуками, шляпах и начищенных ботинках. Другие — в серых косоворотках, чёрных ватниках и нелепых картузах. Один даже босиком. Ботинки, связанные шнурками, болтались, переброшенные через плечо.

«Почему босиком? — спросил я.

«Обещали в Красной армии другие дать. Этие домой возверну. Брат без чуней остался. А зима...»

«Откуда сам?»

«Симбирский. Из Меликесь».

— А которые в костюмах — откуда? — спросил я.

— С новых территорий. Из Лемберга, Станислава, Коломыи.

— Пан начальник, — вспомнил я давнишний послевоенный анекдот о призыве в армию на Западной Украине, который любили пересказывать в редакции, — автоматы нам советская власть даст или свои приносить?

---

71. Бетховен Л. «К Элизе».

Старик только улыбнулся в ответ и продолжил:

«Товарищ майор, — обратился я к Косаревскому, — организуйте баню. — И вспомнив, как меня принимал в Орле начальник училища, добавил: — Нет. Сразу всех накормить. Шагом марш в столовую!»

Душа у меня кипела. Сел в кабинете в кресло, и чувствую, что если не вырву из нутра злость, натворю каких-нибудь глупостей полный короб...

Вызвал к себе Слизкого.

«Вы понимаете, что нас ждёт впереди?» — спросил я, помня вчерашний разговор с Косаревским. Я старался говорить неспешно, чтобы не выдать свою нервозность.

«Война», — деловито ответил комиссар.

Жар души в мгновение остыл. Его заменил цепенящий холод.

«Как случилось? — подумал я. — Войну видит начальник штаба и комиссар... А я, командир танкового полка — слепой котёнок! — Но возмущение поведением комиссара не исчезло. Оно пролезло сквозь ледяной завал. — Объясните мне, почему вы держали людей на плацу шесть часов? Как это назвать?»

«Я познакомыв личный состав из политрукамы, и мы проводылы политинхвормацию. Так полагается по инструкции...»

«Вы только что сказали — война... — Я старался выказать уверенное спокойствие. — И после такого к себе отношения командиров эти люди будут воевать? Вместо еды и воды им рассказывают, что немец подписал пакт трёх? Что в Аргентине бастуют? Да плевать им на ваш тройственный союз! Они даже не знают, где эта самая Аргентина! — И не выдержал. И гаркнул: — Они будут вашими газетками отмахиваться от противника?! Запомните! Вся ваша деятельность на территории полка и гарнизона с этого момента будет состоять только из слежки... — Как у меня вырвалось такое слово, я не знаю. Но оно не удивило и совершенно не задело комиссара. Показалось, что он с полным сознанием оценил его точность и своевременность. Оно охладило меня. И уже спокойно и рассудительно: — Чтоб все бойцы были накормлены, обмундированы! И со своими бедами не ко мне, а к батальонному комиссару!... И ещё попрошу... — Я наклонил голову вперёд и сказал в полголоса. — Хотелось бы вас видеть не в штабе... донесения строчить в корпус, а быть на хлебзаводе и в столовой! И если вы, товарищ комиссар, не хотите учить немецкий и устройство танка, то побеспокойтесь, чтобы плац был всегда выметен. Это лицо полка. И вы теперь за это в отвечаете... Это просьба и приказ!»

Я, наверное, долго ещё выговаривал Слызькому, но в кабинет вошёл Косаревский.

«Вот как хорошо, что все собрались, — сказал он. — Начнём назначения. Филимон Кузьмич, принесите личные дела. Будем с каждым бойцом работать индивидуально. Вы у себя в кабинете. Я — у себя...»

«Слава Богу, — подумал я о комиссаре с благодарностью, — не спросил у меня, где находится эта дурацкая Аргентина?..»

Мы сидели у стола и выходить к берегу ни у меня, ни у Павла

Митрофановича не было желания. Я глянул на часы. Наш завтрак дотянулся до двух часов.

— Жизнь потекла скучная, — сказал старик. — Каждый день занятия... Я словно в танковую школу вернулся. С утра в Красный уголок немецким языком с начштаба разговаривать, а после обеда в комбинезон — и в единственный танк.

Матчасть. Теория стрельбы...

На двадцать sixth машин поротно на полигон к Раве-Русской мотались... Вот не помню, как она тогда называлась... А может так и называлась?

К Косаревскому дважды приезжала жена. Первый раз со старшей дочкой. Потом — с младшей. По неделе гостила. Я ужинал с ними. Хозяйка старалась угощать вкусно — делала совершенно неповторимый фаршмак.⁷² А ночевал в полку. Мне бойцы койку организовали в Красном уголке. И пока я там спал — никаких политзанятий...

А в январе пришли шесть эшелонов. Сто две «тридцатьчетвёрки» и тридцать «кавэ». Зенитки, восемь пушек для артдивизиона... Полный комплект понтонной роты... Броневики... Для полного счастья не хватало только красного бантика... В общем, кое-как перезимовали...

— А почему кое-как? — спросил я, чувствуя, что за этим «как» прячется что-то интересное.

— На Вольни морозы, конечно, не сибирские, но натерпелись... Казармы топились плохо... В штабе холод... Пришлось для караульных валенки специально из округа привозить. В сапогах ноги отмораживали бойцы.

Мы на службе. А хозяйка волновалась. Перед первыми морозами она пришла с ужином и беспокойно стала говорить:

«Я пшапгашем, товагици панове войскове... Если ви думайте, что вам бенде⁷³ тепло на зима, так ви очень-очень делаете не пгавильно».

Мы с удивлением посмотрели на хозяйку. Говорили о чём-то своём.

«Как тут бьыв пан Пилсудский, я ходива на базаж и за пенёнзы⁷⁴ бгала угли на зима. Их много пгивозили из Забже. И у меня бьыво усегда тепло. А тепег за угли надо ходить до советский солтыс⁷⁵. Я ходива. Сказали, шо угли не бенде. У Донбас нету угли... — Она с трагическим жестом развела руки в стороны. — Дали бумажке на тги газмег дгови... Так я пшапгашем, товагици панове войскове... И как делать вам тепло, если у меня усё у доме сделано для угли? «Юнкерс»⁷⁶ всегда гудел и гогачий вода в клозете был...»

«Мы утром принесём воду, пани Фира», — сказал Косаревский.

«Ганьше никто никуда не ходил, — с недовольным раздражением сообщила хозяйка. — Вода бьыва у руре⁷⁷... А тепег панове войс-

---

72. Фаршмак — блюдо из селёдки (идиш).

73. Бенде — будет (польск.).

74. Пенёнзы — деньги (польск.).

75. Солтыс — глава муниципального образования (польск.).

76. Юнкерс — здесь газовая водогрейная колонка.

77. Рура — труба (польск.).

кове ходют, как холопы... И пшапгашем, панство... вы не сможете читать ваши гизета».

«Почему?» — спросил я.

«До вас у мене висел электгичество. — Эсфирь Григорьевна ткнула пальцем в абажур, под которым горела керосиновая пятилинейка. — Вчег а ходива у склеп пана Коган а купить ропы⁷⁸. И что?.. — Она снова развела руки трагически. — На джви⁷⁹ написано: «Кагасина нет и не известно!» И где тепег пан Коган, я вас спгашиваю?..»

Она вышла в кухню, и когда вернулась с чайником в руках, спросила серьёзно:

«Пани Гоногата говогила, што ваши Тгоцкий, Зиновиев — евгей?»

В этот момент кто-то постучал в окно.

Хозяйка ушла на зов. Вернулась минут через десять. Её лицо улыбалось, что казалось будто чуть заметные ниточки-морщинки куда-то вдруг пропали.

«Ой, какой хогоший новость!»

«Уголь привезли?» — спросил Косаревский.

«Знаете, кто пгиходил, панове? Ефгем Сабельсон».

«Пригласили бы в гости», — предложил Ку-Ка.

«Он сам пгишёл пгиглашать на день гождения... Ой, это такой гадость, такой гадость... Он весь улыбается тепег. Ему вчера стало восемьдесят шесть лят. Наший гадальник, что сидит на базаже, сказал пго него, что Ефгем умгёт в восемьдесят пять. Он очень боялся, што так бенде, когда его агестуют ваши... У Москве гастгеляли его годственника. Мы про это в газета читали, и гадиво говогило... Ефгем очень боялся. А тепег в восемьдесят шесть ему уже ничего не стгашно. Он кушает хогошо и спит до самый утго... Плохо, что до него никто не ходит тепег... Усе боятся... Только я до него и он до мне».

«А как фамилия родственника?» — спросил Ку-Ка.

«Радек»,⁸⁰ — прошептала Эсфирь Григорьевна.

Сообщив, она ушла, улыбаясь.

«На Лубянку, в кабинет, — сказал Косаревский, оглянувшись на дверь, за которой скрылась хозяйка, — к следователю привели побитого арестованного... — «Как фамилия? — спрашивает следователь. — Рабинович, — отвечает. А следователь ему: — Тот Рабинович, которого мы арестовали вчера, не ваш родственник? — Нет, нет! Даже не однофамилец!»

Я прыснул со смеху. А Ку-Ка остался сидеть с каменным лицом, только подло улыбаясь глазами...

— Конечно, лясы точить — занятие не самое тяжёлое, — сказал Павел Митрофанович. — Давайте готовить обед. К вечеру поспеет. Я предлагаю сегодня сделать щучьи котлеты. А окуни пусть ещё денёк поболтаются в воде. Завтра тоже может быть дождь. Ноги ломит. Пойду выпью таблетку. Знахари говорят о магнитных бурях. Даже не знаю — верить им или не верить... Принесите, Юра

78. Ропы — керосин, соляр, (польск.).

79. Джви — дверь (польск.).

80. Радек Карл (Карл Сабельсон) — деятель верхушки ВКП(б), убитый в лагере в 1938г.

большую щуку.

Я принёс.

Старик вернулся и принялся разделять рыбу. Распластал тушку на два больших ломтя, отделив хребет.

— Наезжали комиссии с проверками, — сказал он, лихо сдирая со щуки кожу. — Раз в месяц. Я и Косаревский получали инспекторские пинки и подзатыльники.

— Показывали плохие результаты подготовки? — спросил я.

— Да народ, как мне казалось, тупой попался, — сказал Павел Митрофанович. — Долбишь, долбишь...

Специально из корпуса привезли двигатель. Разобрали на детали... Чтoб каждый пощупал. Показываем, как заряжать, как пользоваться прицелом. А впечатление складывается, что эти люди ничего не понимают. На танк, как на телегу смотрят. Я, что знал и умел — рассказывал и показывал.

А как проверка из корпуса — всё через пень-колоду. Будто специально. Потом вроде получаться стало. Но не сильно.

Еду как-то из штаба дивизии. Я там получил обычный нагоняй. И в сердцах жалуясь Амвросию:

«Что за народ? Ничего не понимают! Дробязке два часа рассказывал, как устроен стартер и генератор. Всё без толку!»

Был у нас парень по фамилии Дробязко. Красавец черноглазый. Весь санбат умирал. На вид умён. А как до техники — дурак дураком.

Амвросий слушает меня и смеётся.

«Мы з вами, товарищ майор, должны были ещё три дня назад быть в дивизии, — ответил Амвросий. — Не ездили, что «эмка» не работала. И сегодня не поехали, если бы не боец Дробязко... Я три дня копался у моторе. Не заводился. А Дробязко подошёл, покумекал и говорить: «На генератор не подаётся напряжение». Я полез. Так и есть. Провод отвалился и на корпус замкнул... А вы... тупые. И вообще, товарищ комполка, токо вам... — осторожно сказал Амвросий. — Не очень вдивляйтэсь. Не будут они за большевиков воювать...»

Павел Митрофанович разложил на колоде два большущих куса щучьего мяса. Погладил ласково.

— Давайте, Юра, большой нож, — попросил он.

— Топором порубим.

— Топором не удобно рубить. Много щепок из колоды вылетает. Да и грубое мясо получается. Для котлет нужно мелко кости поломать. Тогда их не заметишь.

— Давайте вместе, — Я достал нож, подтянул к себе половинку.

— И что дальше?

— Рубите сначала вдоль, а затеем поперёк...

— Да я не про котлеты.

— Так оно и вышло потом, — сказал старик, лихо орудуя ножом.

— Как сказал Амвросий, так и вышло...

А после Нового года вдруг привезли из округа генерала с четырьмя звёздами. Что приедет, говорили давно. Ждали. Готовились. Дивизия прислала скатерти и трёх официанток. В столовой мы по-

или инспектора водкой...

А в феврале приказ из округа: «Никому из части ни шагу». Отъезд только по вызову штаба дивизии или корпуса». Третьего мая новый приказ: «Выехать в лагерь». Десять километров в сторону границы. В начале июня самый непонятный приказ: «Прибыть в дивизию личным составом побатальонно. С шинелями».

Погрузились на «ЗИСы». Приехали. Сразу всех на склад. Старую форму отобрали, выдали новехонькую. Парадную. Сапоги яловые. Даже бойцам. Все чистые и ухоженные, что те пасхальные яйца...

Неделю возили переодеваться...

Среди бойцов ползали разные догадки. По одним — в корпус приедет сам нарком Тимошенко. Самый дальновидный предположил, что через Раву-Русскую в Москву на авто будет ехать Гитлер... чобы по душам поговорить со Сталиным.

Я, глядя на ловкие движения рук старика, понял, что моё участие в приготовлении котлет излишне. Принялся разводить костёр.

— А как народ реагировал на ваши манёвры? Или всё делалось секретно?

— Секретность в маленьком городке — для очищения совести, — сказал Павел Митрофанович, — Обо всём, что делается в полку, знала в Берзе каждая собака.

* * *

На сковороде кипело масло. Павел Митрофанович обволакивал котлеты в муке и укладывал на сковороду.

— По срочной телефонограмме я и Косаревский выехали в штаб дивизии. — Сказал он, переворачивая котлеты. — Оттуда в штаб корпуса.

Приехали. А во дворе «эмок», как окуней в садке. От каждого полка по машине.

День был такой же ветреный и дождливый.

Очереди ждали два дня.

Вызывали в кабинет командира корпуса по двое. От каждого полка отдельно. Сам генерал наставлял в присутствии начальника штаба и бригадного комиссара. Про обстановку рассказал. Положил перед нами на столе два конверта. Красный и серый.

Выслушали инструкцию: конверты вскрыть только по спецприказу. А спецприказ зашифрован под кодовым названием «Гроза». И ещё какие-то слова, похожие на пароль. Чтоб какому дураку не почудилось с бодуна чего случайно.

Начальник штаба корпуса положил на стол две бумажки и говорит:

«Распишитесь...»

Подхожу и читаю на чистом листе знакомые цифры... Сто десять двенадцать девяносто восемь. Вопросов уже не задавал. Расписался...

Ку-Ка тоже поставил подпись на своем листочке.

Конверты вложили в парусиновый мешочек, перетянули дратвой горловину и сургучную печать приляпали. Заставили упрятать в портфель.

«Без приказа не вскрывать, — добавил бригадный комиссар. —

При опасности попадания конвертов в руки врага... уничтожить. Головой отвечаете оба».

«А лучше сдать в особый отдел в мешке», — сказал напоследок какой-то полковник.

— Какое это было число? — спросил я.

— Семнадцатое или шестнадцатое июня, — ответил Павел Митрофанович. — Едем назад. Охота обсудить происходящее. Но молчим. Так и промолчали до самого дома.

Приехали далеко за полночь. Еще часок — и восток начнёт белеть.

Въехали в город... На улице ночь, а в домах пылают окна.

На порог. А хозяйка с воплями:

«Такое гоге! Такое гоге! Увесь гогод уже боится! Хогошо, шо ви уже пгихали!»

«Что случилось?» — спрашивает Косаревский.

«На другой день, как ви уехали... — Эсфирь Григорьевна говорила, задыхаясь, и бегала из кухни в комнату и назад, укладывая в большую сумку пожитки. — За вами поехала страж погранична⁸¹. Цельных десять тенжарке...⁸²

Мы переглянулись с Косаревским. Когда ехали в штаб дивизии, нам навстречу попала колонна грузовиков с тентами.

«А на другой день от гегмана пгибежала молодая пани, — волнуясь, заговорила Эсфирь Григорьевна. — У ней тут тёткэ жие. Возле костюва. Она тёткэ сказала, что у воскгесение бенде война... Так тёткэ побежава до ксёнза. А тот удагил у дзвон...»

«И это всё?» — спросил Ку-Ка.

«У костюв приехал на самохуде⁸³ ваший командир и два жовнежа. Пгиказали пегестать дзвонить. Схватили эту пани... И застгелили! — Хозяйка снова ушла в комнату и вернулась, держа в руках меховую жилетку. Принялась запихивать её в мешок. — А учега пгиходил из той сторона молодой пан... На базаже сказали, шо он прямо до вас у войско ходил...»

«И что?» — тревожно спросил я.

«Его тоже застгелил ваший командиг».

«Вы ничего не путаете? — спросил Ку-Ка, думая о чём-то сосредоточенно. — И куда вы собираетесь, Эсфирь Григорьевна, на ночь глядя?»

Хозяйка посмотрела на нас, кривясь недовольной улыбкой, и возмущённо спросила:

«Разе ви не знаете, шо герман усех евгеев у Польше убиваит!? — Она прочла на моем лице искреннее недоумение. — Это токо ви не знаете! А у нас у гогоде об этом знает кажный пес! Если ви, як новые балабусы позабигали у людей гадиво, когда пгишли, так думаете?...»

Не договорив, она ушла на свою половину. Вернулась, держа в руках небольшую шкатулочку, перетянутую голубой тесьмой.

«И я таки скажу тепег! — чуть ли не выкрикнула Эсфирь Григорьевна. — Ви нас пгодали Герману! Ваший Молотов с их Риббент-

81. Страж погранична — пограничники (польск.).

82. Тенжарка — грузовик (польск.).

83. Самохуд — автомобиль (польск.).

ропов пили шампанское!.. Нет, ви не шампанское пили! Ви торговали евгеями!.. И моим... Шая! — Хозяйка вдруг закрыла лицо руками и громко зарыдала. — И зачѐм ви есть издѐсь на этот свет!? Ви усех убиваете! Зачем нам вашый в?йна?.. А мой бедный Шая у Варшаве... Я его уже два года не выдава... Газе может человеку нагавиться убивать другого человека?..

Хозяйка снова ушла на свою половину. Вернулась с двумя шляпками, украшенными чѐрной вуалью. Бросила их в сумку и, как будто о чѐм-то вспомнив, заговорила:

«Ваший Тгоцкий, Зиновьев, Сабельсон и сыночек мадмуазель Бланк — евгеи? Я таки скажу — совсем даже нет! Совсем! Если бы они были настоящий евгей, никогда не делал бы валка... А мой Шая хотел ехать учиться у Москва... А поехав до Варшаве. — Старуха Эсфирь громко зарыдала, глотала слѐзы, как спасительное лекарство. — Я два года не знаю, что из ним!..»

«А куда вы собираетесь? — спросил я, глядя на сумку и мешок с вещами.

«Ухожу. Я не хочу вашый война!..»

Павел Митрофанович выложил котлеты в миску.

— Варим рис, — предложил он.

Вечер заглянул на поляну не по майски скоро. Обедали при керосиновой лампе.

Когда съели по паре котлет, старик вдруг по-детски возмущился:

— А почему вы так сидите, Юра? У нас повод. Ваша щука.

Мы налили коньяк.

— И что с комиссаром? — спросил я

— Это завтра... — старик выпил. — Откат нормальный!

* * *

На небе не было звѐзд. Оно чернело, сливаясь с кронами сосен. Соловей молчал... Стал пробирать холод. Я сходил в палатку и надел свитер. Подбросил шишек в костѐр. Пламя быстро прогрело вигвам.

Поставил на мангал чайник.

Павел Митрофанович вышел из палатки. Уселся, закутавшись в плащ.

— Думал, засну... Так о чѐм я? — сказал, не ожидая моего вопроса. — На чѐм остановились?.. Ну, да... Не сговариваясь с Косаревским..., сорвались. Почти бежали. Ночь такая же непроглядная... Обычно тѐмные улицы казались освещѐнными... Из окон домиков вырывался отчаянно-яркий свет. Самое удивительное — из подворотен почему-то не лаяли собаки...

В полку было пусто. Все, кроме тыла, в лагере. МЫ влетели, как на пожар.

«Где товарищ батальонный комиссар?» — спросил я у дежурившего в штабе старшего лейтенанта из понтонного батальона.. Вид у меня был наверное очень свирепый, потому что у бедняги задрожали губы.

«На... На... верное, у себя дома, товарищ компалка. Отъезд в лагерь не записан».

«Всех командиров, дежуривших последние три дня в штабе — ко мне. И пошлите за комиссаром!»

Взялся листать журнал. Но никаких записей о расстреле не нашёл.

Первым прибежал старший лейтенант взвода ранцевых огнемёттов. Он спал в домике для командиров-холостяков.

«Что произошло с поляками!» — потребовал я.

«Так очень просто, — еще продолжая спать, начал лейтенант. — Зазвонили на площади... как на пожар. Товарищ батальонный комиссар взял из комендантского взвода двух бойцов и на броневтомобиле уехал, — Он сладко зевнул. И на мгновение, проснувшись и поняв, что стоит перед командиром полка, лихо стал рапортовать: — Привез в штаб женщину. Девку. Лет двадцать пять. Долго её держал у себя в кабинете. Потом отвел на хоздвор...»

«Почему это не отражено в журнале?» — Я с трудом сдерживал себя, чтобы не захватить кулаком в равнодушную рожу лейтенанта.

«Товарищ батальонный комиссар запретил», — без всякого угрызения совести ответил лейтенант.

«Ты захотел под трибунал, лейтенант? Не занесение в журнал... Второго расстреляли при тебе?»

«Нет. Я не знаю, кто дежурил».

«Куда девали тело женщины?» — спросил Косаревский.

«Товарищ батальонный комиссар приказал отвезти в больницу».

«Кругом! Пошёл вон отсюда!» — не выдержал я...

Чайник на костре застучал крышкой, закипая.

— Вы что? — спросил Павел Митрофанович. — Я чай.

— Я тоже... Вместе с вами...

Поднял с земли бутылку коньяка.

— «Нет, ребята демократы, только чай...» — отмахнувшись, сказал старик. И продолжил, наливая в чашку кипяток: — Я выскочил в коридор и стрельнул у дежурного папиросу, — сказал Павел Митрофанович. — Как ошалевший втягивал дым... Голова от табака миглом пошла куролесить... Отвык от дыма... Стоял и, затягиваясь, решил — выпущу всю обойму в комиссара...

— А комиссар? — спросил я.

— Появился через час, — ответил старик. — Как с гуся вода...

«Вызвали?»

«Что вы себе позволяете! — закричал я. — Кто позволил убивать?»

«По привычке», — заметил Косаревский. Он стоял у окна и смотрел в тёмный двор.

«Эти поляки — провокаторы, — деловито объяснил Слизкий даже не удивившись моему возмущению. — Нагоняют панику. А мы допустить этого нэ можэм. Потому шо прыказ — нэ допускать».

«Чей приказ?!»

«Политотдела фронта и корпуса», — спокойно объяснил комиссар.

«Как вы сказали, товарищ комиссар?.. Фронта?» — в некотором возбуждении спросил Косаревский, отойдя от окна.

«Почему вы принимаете на себя права командира полка?!» —

спросил я, не особенно вдумываясь в смысл словесной перепалки комиссара и начальника штаба.

«Потому что я — парторг «цэка»...

Павел Митрофанович аккуратно размешал сахар в кружке. Попробовал.

— Нормально. Всё стараюсь не переборщить...

— А это что за должность в полку? — спросил я.

— Я уже не помню, — ответил он серьёзно. — Их так называли в политотделах... Но именно это сорвало мои тормоза... Я крикнул Косаревскому:

«Расстрелять! Напишите приказ!»

Я заметил, что у Слизкого в глазах стал замерзать страх, как студень на морозе. Должно, комиссар впервые понял, что с ним, не шутят. Подскочил к столу и схватился за телефонную трубку. Она выскользнула из рук и упала на пол. Нагнулся, чтобы поднять.

Но я крикнул:

«Отставить! Вон отсюда! Рапорт о самодурстве на стол немедленно!»

Я упал в кресло и обхватил голову руками. Табак выветрился, но боль и муть в сознании не исчезла... Чувствовал, как сердце пульсирует в висках...

«Товарищ комполка, — сказал Косаревский, — позвольте мне отлучиться. С Амвросием на автомобиле».

Я кивнул, соглашаясь, совершенно не задумываясь, с какой целью начальник штаба выпрашивает у меня моего личного шофёра с машиной. Было не до того. Передо мной плыли лица тех двух несчастных, расстрелянных комиссаром, таких знакомых, будто я с ними прожил полжизни. Их сменили, смешиваясь в круговерти, лица моего отца и матери, Киры и её сына... Годовалый ребёнок на телеге...

И понял — в их горькой судьбе виноват и я...

Старик подлил в чашку кипяток.

Я налил себе коньяк. Выпил и запил горячим чаем.

— Котлету бы взяли, — сказал Павел Митрофанович. — Коньяк... чаем?

— Теперь так носят... — попробовал отшутиться я. — А куда сбежал ваш Ку-Ка?

— Косаревского не было весь день. Он вернулся только к вечеру...

— А какое это было число? — Снова налил себе коньяк. И спросил: — Может всё-таки чуть-чуть? Что-то костёр слабо греет.

— Нет, нет, — чётко ответил старик. — А число, как сейчас помню — восемнадцатое июня было... Я ещё сидел у себя в кабинете... Появился нервный, дёрганный. Ничего не объясняя, сказал, что надо срочно передислоцировать полк... на пятнадцать километров ближе к границе.

Я спросил:

«Зачем?»

«Чтобы остаться живыми...» — Косаревский положил передо мной большой лист бумаги, где карандашом была изображена какая-то схема из множества квадратиков и пересекавшихся линий-

стрелок.

«Это что?» — спросил я.

«Помните, я писал для журнала статью. Так это она вживую... Вы, я уверен, помните, как на занятиях в училище вам рассказывали организацию обороны танкового полка?»

«Мы в основном атаковали... — ответил я. — Помню, конечно».

«Тогда повторять мы не будем. Я вот на что обращаю внимание... Была одна особенная оговорка, помните: «Любыми средствами не допустить прорыва линии обороны! Если экипаж танка увидел прорыв на соседнем участке, обязан нанести удар по прорывавшемуся танку противника, чтобы помочь товарищам».

«Совершенно верно, — ответил я, удивившись точности формулировки. — И что из этого?»

«А из этого следует, — Ку-Ка разгладил ладонями морщины на листе, — что ставить оборону в линию нельзя!»

«А как же устав?»

«Да плюньте вы на устав! Воюют не уставами, а числом оставшихся в живых... Если мы выстраиваемся в линию... После первого же залпа все наши огневые точки засекает наблюдатель противника... Правильно? И в какое-то место концентрирует огневой удар... Наши огневые точки подавлены... Образуется брешь... И в нее можно бросать целую армию. Остановить ее не получится...»

«Почему? — возразил я. — Вы же сами сказали, что устав требует поддержать товарища...»

«Абсолютно верно. Но на прорывавшихся смотрит один ствол справа и один — слева. Потому что стоим в линию... А что можно сделать двумя пушками. Ничего!

«И что вы предлагаете?»

«Мы организуем оборону не линейно, а кустами и ступенчато... — Косаревский выдернул из папки, что лежала на столе, чистый лист и принялся рисовать карандашом. — Мы ставим танки кустом. Один «кавэ», а рядом с ним четыре «тридцатьчетверки». И две-три «сорокопятки» .. Расстояние между кустами метров двести-триста. «Сорокопятки» дают первый залп... Все синхронно, по команде. При первом залпе с нашей стороны неприятель сразу определяет координаты орудий. И с радостным удивлением устанавливает, что мы — абсолютные идиоты. И какое же вы, товагиц пан командиг, — передразнил Ку-Ка Эсфирь Григорьевну, — приняли бы решение на месте командования противника?»

«Бросил бы танки в прорыв на неприкрытом участке...»

«Совершенно верно, товагиц пан командиг. Установив факт, что между противотанковыми гнездами расстояние триста, а то и четырехста метров, уверят себя, что у обороняющихся... То есть, у нас с вами очень мало стволов и потому они поставлены с таким большим интервалом между собой.. И бросает в пустое пространство между ними, танки прорыва... И как только танки прорыва вошли в пространство между кустами... сразу получили удар из десятка стволов прямо в борт... И карты биты, батенька!.. Их не спасает даже толстенная броня... Потому что она не участвует в бою... И весь прорыв расстреливаем, как из пулемёта. Атака псу под хвост!»

«А друг друга не пересреляем? Расстояние между «кустами» три-

ста, а дальность боя у танка до километра...»

«Отворот башни не более пятидесяти градусов...чтоб не зацепить своих».

Я находил в словах Косаревского здравый смысл. Но война мне казалась невозможной, хотя, как военный, обязан был жить только ею.

«Мне нравится, — признался я. Но добавил с сожалением: — Мы же все свои действия обязаны согласовывать чуть ли не с округом. А с дивизией — каждый чих».

«А мы и спрашивать не станем. — И, должно прочитав в моих глазах сомнение, добавил: — За всё отвечаю я».

«Единственное успокоение, — ответил я, понимая, что делаем непозволительное, — что под трибунал пойдем вдвоем».

«Амвросий доведёт, — деловито заметил Косаревский .

«Хоть не скучно будет ехать до кутузки в Шепетовке».

«Даёшь согласие, товарищ комполка?»

«Собирайте комбатов и командиров рот, — согласился я. — Объясните, чтобы понимали, как действовать и зачем...»

Собрали командиров в Красном уголке. Косаревский быстро рассказал о новой схеме обороны. Поставил задачу.

«Линия обороны будет тянуться от болота... Качиноного озера. Это справа. Слева у нас будут позиции соседнего полка, — объяснил начштаба. — Попрошу командиров отнестись к организации обороны очень серьёзно. Все комбаты получают план-схемы. — И раздал за ранее расчерченные листочки. — Всякие мелочи решать самостоятельно!»

Я отдал приказ менять позиции...

Командиры ушли. Я отправился в кабинет. Через пять минут влетел Склизкий и закатил истерику:

«Вы што делаете!? Вы нэ маетэ права! В округе знают, где мы! И без согласования в такой международной обстановке!.. Я обязан срочно доложить в политотдел...»

«Докладывайте, — сказал я. — И обязательно напишите о расстреле поляков. И добавьте, что вы за это приговорены к расстрелу приказом командира полка...»

* * *

Покидали лагерь в ночной темноте...

За трое суток успели зарыть танки в капониры. На фланги и в центр поставили «кавэ». Образовали фронт километров пять... Почти под землю загнали штабной автобус и обнесли его крепким валом. Над ним лишь настороженно торчат рога стереотрубы, как у зайца уши... Протянули связь между батальонами. Только мой командирский танк присыпали ветками для порядка...

Приказ боевому охранению — любого подозрительного под микитки и в штаб...

Старик подбросил в костёр шишки.

— Вот так мы и закончили, Юра, мирную жизнь, — сказал он. — Пойду полежу... Что-то не греют меня воспоминания... А вы налейте в термос кипяточку...

4 мая

Я проснулся от частого грубого стука в палатку. Начался дождь. Откуда-то долетали слабые раскаты грома. Но с каждым новым взрывом дождь усиливался. Вдруг сквозь оранжевую ткань палатки пробилась яркая серебряная змея молнии и с оглушительным грохотом разломила чёрное полотно неба, накрыв дождём лес, озеро и нас, шрапнель которого пыталась пробить ткань палатки.

Павел Митрофанович размеренно посапывал во сне.

«Во, нервы...» — позавидовал я.

Старик заворочался, шмыгнув носом и сказал:

— Не спите тоже?

— Не получается.

Павел Митрофанович глянул на светящийся циферблат часов.

— Два часа... Через час начнётся...

— Кто?

— Гром, как говорится, навеял... Налёт через час начнется...

— Не понял?

— Сколько лет ни с кем не вдавался в воспоминания, и казалось, что обо всём счастливо забыл. А сейчас само из меня прёт... Немец начнёт в три часа...

Старик встал, ушёл в предбанник, зажёл керосиновую лампу и вынырнул из палатки.

Молния рассекла небо длинным огненным кнутом, громко выстрелив, словно небесный пастух прогонял над землёй непослушное стадо.

— Приглашаю на кофе, — Павел Митрофанович заглянул в палатку. — Поливает крепко! Люблю неожиданную непогоду. В ней есть что-то необходимое для человека. Заставляет держать себя в нужных нервных рамках. Завтра щука будет жировать. После грозы особенно наглеет. Готовьтесь.

— А вы что делали в ту ночь? — спросил я. — Ни в одних мемуарах никто не описывает первой ночи...

— В какую? — Павел Митрофанович отвернул крышку термоса.

— Первую...

— Женщина не способна описать первую ночь, — рассмеялся старик, наливая кипяток в чашку.. — А мужчина тем белее...

Косаревский мотался по штабному автобусу, как медведь по клетке. Метр — вперёд, метр — назад. Реагировал на каждый телефонный зуммер и писк радиостанции. Выходил на двор, несколько раз, слушал...

— Немца слушали по радио? — спросил я.

— Наивный народ подрастает, — хмыкнул старик, передавая мне чашку с кофе. — Это вы сейчас всякие «Голоса Америки» можете слушать. А тогда радиостанция могла соединяться только со штабом дивизии... И на выделенной частоте... Чуть отвернул ручку вправо или влево — треск и шипение. А он слушал время...

Я сидел на командирском стуле и гадал, как на ромашке: начнут — не начнут? Соврали поляки или сказали правду? Ждал... В мозгу стучало: «Когда? В три начнут?.. В четыре?... В пять?» Слава Богу, Слизкий оставил протоколы допросов тех двух несчастных, которые перебежали... Если не начнут, а припрутся особысты, то будет

чем отбрехаться, почему сменили место дислокации...

Вышел из штабного автобуса. Часы показывали половину одиннадцатого. Запад сверкал светло-стальным закатом. С востока на нас выкатилась полная луна и повисла, как фонарь. Её неяркий свет отбеливал редкие, лениво движущиеся, серые облака. Ветра не было. И мелкий кустарник вокруг молчал. Умиротворённая картина...

Косаревский беспрерывно связывался с командирами батальонов. Но вдруг сорвался и, запрыгивая в броневик, крикнул:

«Телефону не верю! Нодо поглядеть...»

Время тянулось медленно, высасывая последние силы. Было такое впечатление, что я грузну в топком болоте. Пытаюсь выдернуть из грязи ноги. А сил уже нет.

Но тяжелее было с мыслями:

«Если начнут, то как? Побегут с пашками наголо? Или, как капелевцы в «Чапаеве» — чётким строем, не опуская головы? Может, как в Белостоке на параде — начнём обниматься с бутылками шнапса в руках? А если не начнут?..»

— Получается... — сказал я, — вы себя загнали в ловушку?

— Получается... И чем дальше к утру, тем тошнотворнее...

— Единственное — молить немца начать войну, — рассмеялся я.

Павел Митрофанович глянул на меня колючими глазами, но ничего не сказал. А я почувствовал, что снова вступил во что-то вонючее. И чтобы подсластить разговор, спросил:

— А что делал Слизкий?

— Читал газету...

Я глянул на часы. Большая стрелка упёрлась в единицу, а малая подпёрла одиннадцать.

Вышел ещё раз из автобуса. Тишина. Разогретая луна на южном склоне...

Из открытой двери на улицу вылетело рычание телефонного зуммера... Выскочил телефонист.

«Товарищ командир! — крикнул он — Начальник караула... До нас гости!»

Я взял трубку.

«Товарищ майор, тут из корпуса приехал капитан ... — он сделал паузу. — Госбезопасности. Вас требует».

«Вот и началось», — подумал я. И приказал:

«Проверь документы и проводи!»

В темноте мелькнул свет фар. Он то шарил по сторонам, подпрыгивая, то внезапно гас, исчезая под землёй. Автобус вдруг осветил яркий свет. В лучах возникла маленькая тёмная фигурка человека в военной форме с портфелем в руках.

Он подошел к вагончику и чуть слышно, точно пропел, спросил:

«Кто командир?»

«Я... С кем имею честь? И выключите фары. Здесь военный объект».

Гость вернулся к машине. Свет исчез.

Капитан вошёл в автобус, положил на стол толстую полевую сумку, похожую на книгу в кожаном переплёте, раскрыл и долго в ней рылся. Достал из кармана френча очки, набросил на уши дужки,

педантично укладывал стекляшки на нос, пока не нашёл им нужное место. Вынул лист бумажки, заглянул в него и спросил:

«Начальник штаба Кур-Косаревский где?»

«В батальонах, товарищ капитан...»

«Госбезопасности, — добавил гость, сосредоточенно ковыряясь взглядом в листочке. — Вызовите...»

«А вы, собственно говоря, кто?» — нервно спросил я, чувствуя не доброе.

Коротенький, щупленький человечик, больше походивший на пятнадцатилетнего недокормленного подростка, оторвался от листочка, глянул на меня из-под лба. И родилось ощущение, что смотрит он не снизу вверх, а сверху вниз.

«Вам доложили, кажется, что приехал сотрудник Особого отдела корпуса... — Капитан снова стал разыскивать что-то в листочке. — А товарищ Слизкий? Или как вы тут называете на иностранный манер?.. Гер...»

Комиссар сделал шаг вперёд и протянул руку капитану.

«Доложите по уставу», — чуть слышно попросил коротышка.

«Батальонный комиссар Слызький...»

Капитан уселся на командирский стул вполоборота к столу. Выудил из полевой сумки чистый листочек, положил его перед собой. Выдернул из кожаной петли в боковине толстую авторучку, свинтил колпачок, и, забросив ногу на ногу, спросил, как спрашивает старушка-язва провинившегося ребёнка:

«Расстрелу захотелось?» — По уверенной наглости, с которой этот человек хозяйничал в штабном автобусе, было ясно, что приехал он с особыми полномочия.

Я стиснул зубы и сжал губы. Отвечать мне было нечем. Но я смотрел не на капитана, а на калоши, надетые на его сапоги. Не было сил оторвать взгляд. Мне казалось в тот момент, что в них моё спасение.

«Расстреляю!» — крикнул капитан, не встретив моего виноватого взгляда.

Но я не услышал его. Мой мозг лихорадочно искал ответ: «Зачем в июньской жаре калоши?» Они меня занимали больше, чем скорая расправа.

Капитан наклонился над столом и принялся писать, пряча сапоги под столом.

«Как называется место, где я нахожусь?» — спросил нервно он.

«Качиное болото», — опередил меня комиссар.

«Ка-чи-ное, — пропел счастливо проверяющий, — бо-ло-то... Который час?»

«Половина второго, товарищ капитан», — снова выскочил Слизкий.

«А вы где должны находиться по стратегическому плану командования Красной армии?» — И не получив ответа, повернулся лицом ко мне.

А я смотрел на калоши. И вдруг ясная мысль:

«Комиссар настроил донесение, что полк без приказа командования передислоцируется в район Качинового болота... Это его право и обязанность... А этот эскизитор, отправляясь в карательную

поездку, надел калоши, чтоб не испачкать сапоги в болотной грязи!.. Конечно! Качиное болото!

«Вы — глухой!? — выпалил особист. — Отвечайте на вопрос!»

В моем сознании калоши вдруг выросли до огромных размеров и накрыли собой капитана. Я с трудом стал сдерживать себя, чтобы не рассмеяться... Мне бы морду набить своему комиссару, а из меня хохот, как пена из эпилептика... Приступ какой-то вдруг... И откуда этот дурацкий смех?.. Тут самое время рыдать...

В двери автобуса мелькнул свет фар. И через минуту долетело гудение броневика. Вошёл Косаревский и, увидев на месте командира полка незнакомого человека, заинтересованно спросил:

«Что здесь происходит, товарищи командиры?»

«Проверка из Особого отдела корпуса», — ответил я, всё ещё давясь молчаливым смехом.

«Представьтесь и предъявите предписание», — попросил Ку-Ка.

Капитан выдернул из сумки маленький листочек и протянул майору.

Косаревский внимательно прочёл, подошёл к телефону и потребовал приехать в штабной автобус полкового оперуполномоченного. И оставил предписание у себя.

«Цель вашего приезда?» — спросил он строго.

«Вы — враги народа, — пропел капитан мягко. — Без приказа покинули назначенное вам место обороны государства. И у меня есть полномочия... расстрелять вас на месте...»

«И после расстрела командира и начальника штаба, — Ку-Ка заглянул в предписание, вы займёте их место... на этом же месте? Может, пока потренируетесь? Тем более, что уже сидите на стуле командира полка».

Особист оторопел. Снял очки и начал перекладывать их из руки в руку. Он, должно, никогда и подумать не мог, что убив человека, взвалит на себя самую страшную ношу в жизни — принимать ответственные решения...

«Этого в предписании нет!» — словно отталкиваясь от чего-то грязного, с брезгливостью сказал капитан.

«Так и про расстрел тоже ничего не сказано... в предписании», — грубо отрезал Косаревский...

Молния над лесом снова разорвала небо на три больших куска.

— Нет человека — нет проблемы, — сказал Павел Митрофанович, оставив пустую чашку. — Любимое правило всех времён... А тут стрельни двух командиров, и что делать? На ускоренных курсах борьбы с врагами особисту не рассказывали, как командовать полком... Да ещё боевое охранение не выпустит без приказа командира полка... А то и пристрелит...

— И что же капитан? — не скрывая волнения, спросил я.

— Косаревский взял табуретку, придвинул к столу и сказал:

«Пересядьте, пожалуйста, товарищ капитан... Вы сидите на месте командира полка... По уставу это не положено».

Я подумал, что коротышка сейчас же возмутится и обязательно напомнит, что он — госбезопасность. Но проверяющий пересел и принялся что-то писать.

Писал неспешно. Откладывая в сторону исписанный лист один за другим...

Как-то вдруг я забыл о проверяющем. И калоши выветрились из сознания. Ко мне вернулся страх, который привёз с собой капитан.

Вышел из автобуса и поманил за собой Косаревского.

«Что будет? — нервно спросил я, чувствуя, что у меня дрожит голос. — Этот... Сучонок с полномочиями... уже три страницы надрал... Так просто мы не отделаемся... Понимаете?.. Мы нарушили планы командования...»

«Будем молить Бога, чтобы немец пошёл», — спокойно ответил Ку-Ка.

«Как!?» — вырвалось у меня. — Молить о войне?!»

В кровь мне вдруг проникла ядовитая мысль, которая ждала своего времени в потаенном уголке души, как змея в засаде:

«Выходит — сам себя приговорил!.. Какая разница, где ждать войну!?!.. Дождались! Этот особист имеет приказ нас расстрелять! Получается... немец если пойдёт — он наш спаситель!.. А если не пойдёт?... Мы — враги народа! И никакие статьи в журналах, кусты с танками и «сорокапятками» в кустах не спасут!..»

«Либо мы дураки... — так же спокойно ответил майор, глядя мне в глаза, улыбаясь, — либо нас таковыми делало командование Красной армии... Посмотрим. — Он глянул на часы. — Два часа сорок пять минут... Я думаю — ещё час... До полрассвета... Да, кстати... Наполеон тоже перешёл Березину двадцать второго июня...»

Появился полковой оперуполномоченный. Ку-Ка отдал ему предписание корпусного особиста со словами:

«Проверь, как следует!»

Когда опер ушёл, я спросил, не скрывая нервозности:

«А если не начнут?!»

«Особист будет у нас харчеваться под конвоем! — ответил Ку-Ка раздражённо. — До потери пульса... пока не начнут... И попрошу вас, товарищ майор... — Он, сделав паузу, добавил уже тихо и доверительно: — Не дуйте в муку, не делайте пыли, товарищ комполка! Начнется... к сожалению... Или я полный дурак...»

Небо на востоке стало чуть светлеть, а запад ещё накрывала ночная темень. И из этой черноты вдруг долетел монотонный скребущийся гул... И словно испугавшись его, куда-то исчезла луна...

Мы с начальником штаба посмотрели на небо, потом друг на друга... И догадались...

Нам нужно было улыбаться, радоваться и пинком пнуть капитана из штабного автобуса...

В дверной дыре появился коротышка и, стараясь быть злым, приказал:

«Соедините меня со штабом корпуса! И пусть сюда прибудет ваш начальник караула! Вы оба арестованы...»

И душа вдруг взорвалась...

Я вскочил в автобус, вывернув локтем проверяльщика-расстрельщика из дверного проёма. Ку-Ка вбежал, следом и, схватив трубку, крикнул:

«Лебедь-один, лебедь-два! Всем! Готовность!»

Небесный гул захватил всё пространство вокруг и заполнил ав-

тобус... Он падал с неба, как назойливый дождь.

Особист, прилипший к металлическому шкафу, служившему сейфом, задыхаясь, крикнул возмущённо:

«Это что?..»

«Скворцы! — огрызнулся Ку-Ка. — На вишнёвые сады летят кормиться!»

Я повернулся и, сделав шаг навстречу капитану, и рывкнул, точно спущенный с цепи, пёс:

«Это война!..»

Павел Митрофанович взял термос и спросил:

— Ещё кофе? Я себе чуть позволю...

— Тогда и мне...

— А в три часа гаубицы начали обстрел... — сказал старик, запуская ложку в банку с кофе. — Слышим, как над головами шуршит, точно шмели огромные пролетают... И из-за спины, из далёка до нас докатывалось эхо взрывов... — Он протянул руку воде, которая стекала с тента. — Двадцать второго в три часа уже светало. Дождя не было. Но гудело и взрывалось кругом, как сей час...

Косаревский переговорил ещё раз с батальонами.

— А особист? — спросил я.

— Исчез куда-то, — с некоторым безразличием сказал Павел Митрофанович. — За гулом гаубичного обстрела я даже не услышал, как уехал его автомобиль...

— А как же боевое охранение?

— В тот момент, наверное, было не до проверяльщика, Юра...

— Вы испугались?

— Испугался? — переспросил старик. — Признаюсь... Не помню. Было что-то... Какая-то каша... Особист, комиссар, начштаба с кустами обороны... Но не страх... Я много читал героических вояк... Без всякого стыда пишут: «Увидел немца и тут же в душе порыв — умру, а не пропущу врага!» Тьфу! Чуть собачья... Я так не думал. И за войну таких не встречал... Первая мысль, которая меня скрутила: «Боже, сделай так, чтобы всё было, как Ку-Ка рассчитал...» Что танковый полк? Ерунда. Сомнут и в грязи утопят... Ведь ни разведки у нас, ни донесений. Как слепые цуцки. Только ожидание... вчерашнего дня! Самое страшное — не знаешь, кто против тебя... Полк, дивизия, а, может, целая армия?.. Потом взял себя в руки и построил привычную для себя схему...

— На бумаге? — спросил я.

— В голове... Для меня всегда главное — что с людьми делается... Война — не игра детей в песочнице... Тут смерть! Куда людей отводить, если нас сомнут?.. Приказал соединить меня с санбатом. Мы оставили его в старом лагере... Дал команду приготовить все автомашины и броневики...

— А страх? — донимал я. Был уверен, что старик просто выказывает браваду.

— Страх на войне... он особый. Всегда с тобой, — сказал Павел Митрофанович. — Отделаться от него нельзя и привыкнуть невозможно. Он, как гнусная бактерия, грызёт тебя изнутри...

Телефонист крутит ручку на аппарате, беспрерывно вызывая

санбат: «Дванадцатый, дванадцатый?» И виновато говорит:

«Не отвечают, товарищ командыр...»

И вдруг за моей спиной что-то зашевелилось тяжело. Я обернулся.

В углу, в полутьме стоял Слизкий и трясущимися руками крутил газету, как шею гусю. Меня подмывало подойти и крикнуть в лицо:

«Что с тобой сделать, сука! Вот она, война!»

Но почему-то стало жаль комиссара. Взгляд его блуждал. Было такое впечатление, что он вдруг ослеп...

«Филимон Кузьмич! — кричу. А он меня не слышит. Толкаю в плечо — Очнитесь!»

Слизкий упал на табурет. Газета выпала из рук...

Павел Митрофанович налил в чашку воду и передал мне термос.

— А в половине четвёртого что-то на нас поползло, — сказал он, отхлебнув кофе — Ну, точно чёрные жуки.

Глянули в трубу — танки.

Косаревский снял телефон:

«Лебедь-один!» «Лебедь-два!» Приготовиться! Отворот — сорок градусов. Дистанция — пятьсот!..»

Немец шёл, точно косяк журавлиный по небу. Кто-то вырывался вперёд, кто-то отставал...

Ку-Ка подошёл к стереотрубе, глянул направо, налево. Поманил жестом телефониста, требуя телефонную трубку... И вдруг громко сказал, приложив её к уху:

«Сорокопятки! Обозначьте огонь».

Что-то пукнуло слева и справа. И через мгновение танки, словно по команде, разделились на четыре группы и полезли на нас, как вилы в стог.

«Лебедь-один... Лебедь-два... говорил в трубу Ку-Ка. — Отворот сорок... Броневойными и зажигательными. По бортам... — и вдруг как крикнет: — Огонь!»

Земля рыкнула из пятидесяти оружейных стволов справа и пятидесяти слева, как огрызается из подворотни напуганная собака.

После второго, ещё более злого огрыза, Косаревский прокричал в трубку:

«Лебедь-три! Приготовиться к атаке!..»

— А «Лебедь-три» кто? — спросил я.

— Неполный батальон тяжёлых «кавэ»,⁸⁴ — объяснил Павел Митрофанович. — Я вам скажу, Юра... — Голос старика вдруг помолодел, зазвенел. — Если бы вы видели! Это вам не кино! В кино такой песни не споют! Я забыл про комиссара, про все напасти, которые висели на мне, как ранец на спине у школяра...

Всё вышло, как говорил Косаревский...

После первого залпа из чёрных вилок кто-то вырывался вперед в роли вожака. Но вторым его урыли. Пламя, как будто из-под земли вырывалось струёй и охватило танк... Весёлая картинка... На фоне чистого утреннего неба в поле в километре справа и слева горят какие-

---

84. КВ — тяжёлый танк «Клим Ворошилов».

то непонятные чёрные предметы... В линию стоят, как будто кто копёнки поджёт. Дым застилает горизонт...

Старик глянул на дно пустой чашки.

— Но это минутная радость, Юрий Василич... Как вдруг поцеловал зазнобу... — с не наигранной пафосностью произнёс Павел Митрофанович. И вдруг его голос угас. И он добавил ядовито: — Которая тебя не любит...

Что будет дальше? Ведь это мой первый настоящий бой. А я не могу представить, предположить, что случится через минуту, полчаса, час. А для командира — это смерть. В сознание снова вернулись те двое поляков, которых расстрелял комиссар...

А Косаревский от трубы к телефону и назад, как будто на кухне яичницу готовит. Мне показалось, что он, даже насвистывает какую-то мелодию...

«Свяжитесь со штабом дивизии!» — командует Ку-Ка радисту.

Тот крутит ручку на панели радиостанции. Внутри что-то хрипит, свистит. А связи нет.

«Передайте телеграфом!.. — приказывает он. — Нас атаковали в три часа двадцать минут. Отдал приказ на уничтожение... — Взялся за телефонную трубку. — Разведка... Ау!.. Комендантскому взводу прибыть на «капэ». Две бронемашины в штаб дивизии. Доложить... что мы атакованы! И две — к соседям!..» — И поглядывает на радиста...

Но в железном ящике только змеиное шипение.

Звонит «Лебедь-один». Спрашивает, что делать? Перед ним танки горят, а остальные ушли.

Приказываю ждать.

Слизкий, как проснулся. Стал тяжело дышать. Но двинуться с места не может. Зыркает на Косаревского испуганно и на меня с мольбой.

«Разведка! — закричал я в трубку. — Быстро к танкам. Попробуйте там что-нибудь раздобыть. Какого живчика. Хоть полуживого... Лишь бы языком ворочал...»

Ку-Ка разбирается с телефонными трубками, а комиссар, как замороженный наблюдает за его движениями, точно боится что-то пропустить.

Косаревский вдруг заметил комиссара.

«Всех в ружьё... Быстро! — отдал он распоряжение Слизкому. — Всех! Зенитный дивизион и артиллерию на прямую наводку... Под командование артиллеристов поступает понтонно-мостовой батальон. Хлебозавод в нормальном режиме... Это за вами, товарищ комиссар!»

А тот точно ждал этого. Выскочил из автобуса.

И уже Косаревский ко мне:

«Отправь Амвросия с командиром комендантского взвода в полк. Пусть все документы из штаба привезут. Все! И всех, кто остался — сюда!»

Я весь покрылся испариной. Ведь злосчастный мешочек с конвертами находился в сейфе моего кабинета. Подозвал Амвросия и шепнул на ухо:

«Сейфы... Все... Сюда... Мой привинчен... к стене. Вместе с кишками... со стеной!»

Танк ушёл в Берз...

Молния разрезала небо далеко за лесом. Гром лениво покатило куда-то в сторону, продолжая нас пугать по привычке...

Старик отставил пустую чашку в сторону.

— У меня приятель воевал во Вьетнаме, — сказал он. — Зенитным полком командовал. Рассказывал, что там есть время дождей... Это когда у нас Новый год... Среди бела дня, когда солнце сияет и на небе ни единой тучки, вдруг дождь, как из ведра. И через десять минут прекращается... А нас уже второй день эта напасть в палатке держит...

— Чем закончилось утро двадцать второго? — спросил я.

— Через два часа атака повторилась, — сказал старик. — Но теперь уже с огнём. Болванки рыли брустверы, как будто чирьи лопались. Но и эту атаку мы отбили...

Посчитали. На поле остались тридцать две машины...

Выло над головой. Это возвращались самолёты, которые на рассвете вылетели...

А потом тишина. Только справа и слева долетала редкая канонада. Но и она умолкла к полудню.

Благодать. Солнце яркое. Малиновки садятся на ближние ветки укрытия. Только не весело щебечут почему-то...

В автобусе командиры батальонов докладывают о своих героических. Слушаю и смотрю в трубу на поле, не отрываясь. Мне казалось, что отойди, отвернись... и вдруг из-под земли вырастет ещё атака, я её прозеваю.

Ох, как не хотелось!

Привезли штабной обед.

«Вот сюда б стопочку, — сказал радист, глядя на телефониста, — По случаю победы».

«Не получыться, — съязвил телефонист. — Товарищ комполка и товарищ начштаб нас не очень понимают. Они токо по-немецки разговаривают... И як называется горилка по-немецки нэ знают...»

«Разговорчики, — сказал Косаревский. — Ещё не известно, кто победил. А вам бы только выпить».

«Так сидим же без дела, — сказал радист, облизывая не спеша ложку. — Надо или вперёд, или назад...»

«А вы как думаете, товарищ сержант?» — спросил Косаревский.

«Нам думать не положено, — ответил хрипя радист. — В газете написано, што за меня у Москве думают. Вчера поллитрук про это читал».

«Кто читал?» — переспросил Косаревский.

«Политрук...»

«Ты, кажется, по иному его назвал».

«Может, у кого и политрук, а у нас — поллитрук...»

«А если бы ты был командиром?...» — хотел о чём-то спросить Ку-Ка.

«Когда буду, — резко перебил радист, — подумаю».

Примчался Амвросий. На броне привезли два сейфа. Командир-

ский волокли тросом.

«Товарищ майор, разрешить доложить! — запыхавшись, выпалил командир комендантского взвода взволновано. — В расположении полка нашлы две свини. Мы привезлы сюда. Дюже верещалы, як мы их грузили на броню... Спужались. Два раза пылюку смывали... А в городе никого нету...»

«Что свиньи делали?» — спросил Косаревский, не сообразив, о чём докладывает разведка.

«Верещалы... А мы германа бачылы. У биноклю. Идэ мымо нас. На роверах».⁸⁷

Это сообщение смутило начальника штаба.

Он отозвал меня и сказал:

«Дай команду разведчикам... Пусть прочешут левую и правую сторону. Только не на броневиках, а на танках».

«Мы же послали связь, — возразил я. — Должна вернуться...»

«Не вернётся, — уверенно сказал Ку-Ка. — Ни справа, ни слева не слышно боя».

Над нами снова повис рой самолётов. Он сыпал с огромной высоты на землю ноющий гул...

Павел Митрофанович поднялся.

— Я, как тот пёс голодный, — сказал он. — То спать, то есть. Пойду лягу. Может, засну. Если не пьёте, то гасите лампу.

Я задул пламя. Пространство под пологом заполнил запах угарного керосина.

За лесом — отблеск отдалённой молнии. А гром где-то задержался.

* * *

Старик долго укладывался.

— И что разведка? — спросил я, натягивая на себя одеяло.

— Разведка вернулась к вечеру, — сказал Павел Митрофанович.

— Новости не утешительные. Машины прошли в тыл около пятидесяти километров в полосе пяти-шести. Левый маршрут умудрился заглянуть в штаб дивизии...

— И где она? — спросил я.

— Наверное, отступила, — ответил старик, ухмыльнувшись. — Я до сих пор не знаю... Разведчики сказали, что только бумаги ветер по двору гонял... Косаревский тут же отдал приказ... Стали готовиться уходить...

Павел Митрофанович повернулся на бок ко мне лицом.

— Да! Голова садовая! — сказал он. — Совсем с памятью плохо... Наш комиссар ещё одну штуку упорол. Пока мы ждали двадцать второго, он на броневике проехался по батальонам и скрытно от нас запретил включать радиостанции.

— Почему? — удивился я.

— Чтoб командиры не слушали немца. Они же за год крепко выучились шпрехать.

— Так это же вредительство какое-то...

---

87. Ровер — велосипед (польск.).

— Глупость, а не вредительство, — рассмеялся Павел Митрофанович. — Рации только в танках командиров рот и батальонов... Настроены на одну волну... Все. Да и те не работали с самого первого дня...

— Зачем он это сделал?

— Чтобы бойцы и командиры не сорвали начало войны. Потому-то Слизкий и стрельнул так поспешно тех несчастных поляков.

— Сорвать начало? Какая-то параноя...

— Совсем даже нет. Вот вы, Юра, узнали секрет врага — двадцать второго война! Что вы будете делать?

— Во все двери ломиться, — ответил я. — Крик бы поднял!

— Абсолютно правильно. Комиссар обязан был немедленно отправить шифротелеграмму. Срочно! Совершенно секретно! По инстанции... В корпус. Из корпуса она должна улететь в округ. Оттуда — в Кремль. А потом... Через час-другой... «ТАСС уполномочен заявить, что Германское правительство готовит вторжение на территорию Советского Союза...» Приводятся войска в полную готовность. Особенно вторые эшелоны обороны... Вторжение супостата отражается... А Слизкий возглавляет список награждённых, как первый, кто спас страну от долгой и кровопролитной войны...

— А если бы немец не пошёл? — спросил я. — Ни двадцать второго, ни двадцать пятого... Ни через год...

— Это была бы еще большая катастрофа, — объяснил Павел Митрофанович. — Зачем тогда голодомор? Зачем — индустриализация? Вместо индивидуальных домов — землянки и подвалы... Вместо швейных машинок — танк. Вместо сатина и ситца — армейское сукно. Вместо модельных башмаков и туфель — только армейские сапоги. Вместо игрушек детям — дуля и та без мака... Поэтому, Юрий Васильевич, двадцать второе июня, — для народа несчастье, а для кого-то... праздник!..»

Дождь усилился. Капли зло стучали по крыше палатки, стараясь разорвать ткань. Складывалось впечатление, что стихию кто-то обидел, и она готова была мстительно надоедать...

— Послали меня в октябре сорок второго на Урал получать танки для корпуса, — сказал Павел Митрофанович. — Чтобы прямо с завода на платформы и к Сталинграду. Завод — громадина — за неделю не обойдёшь... Рядом с проходной — засыпные бараки... Если бы бараки, куда ни шло... Их на пальцах одной руки пересчитал. А вокруг завода, как теперь говорят, город танкостроителей: одни трубы из земли дымятся. Блиндаж, который сапёры рыли для меня — хоромы на фоне тех землянок. Справа от заводского забора люди в земле, как кроты, а слева — лагерная зона... С собаками... Только кладбище одно на всех... А народ — в основном дети и бабы. Чёрные, чуть живые... Даже вспоминать не хочется... Спрашиваю у главного военпреда:⁸⁸

«Вас откуда эвакуировали?»

«Ниоткуда, — с удивлением ответил полковник. — Мы тут с первого дня... Как котлован для фундамента рыть стали...»

Павел Митрофанович плюнул в сердцах в темноту.

88. Военпред — представитель армейского заказчика вооружений на промышленном предприятии.

— Вот вам, Юра, и вся индустриализация... Да, — радостно воскликнул он. — Помню... ДнепрогЭС построили. Газеты соплями захлёбывались от радости. «Свет в дома простых советских граждан!..» — Вдруг яркая вспышка молнии озарила небо и палатку внутри. Я увидел, что старик свернул кукиш и ткнул им в сторону озера. — А вот вам свет, граждане!

Гром рухнул на нас, подминая крышу палатки.

— Подсоединили алюминиевый завод! — сказал старик. — А люди остались под керосинкой... Каховскую ГЭС сдали в пятьдесят пятом... Сам видел. Каждый год на рыбалку к той станции ездил... А свет народу соседних деревень в дома провели только через десять лет. Паспорта выдали по сёлам и лампочку Ильича под потолок подвесили... Натё... и заткнитесь... Давайте спать, Юра...

* * *

Завтракали холодными котлетами.

— Наши окуни уже все уснули, — предположил Павел Митрофанович. — На обед заварим уху.

Дождь монотонно сыпал. Вода напитала землю и стояла мелкими лужами вокруг лагеря.

— Немец больше не атаковал? — спросил я, наливая старику и себе кофе.

— В тот день не лез, — ответил Павел Митрофанович. — Разведка видела немца справа, слева. Мы оказались, как в чулке. Связи ни с кем нет. Соседей уже нет. По обочинам размолоченные пушки и, пахнущие гарью, танковые остовы. На вторую ночь стояния Косаревский предложил сниматься.

Ушли ранним утром двадцать третьего.

Колонна длинная. Впереди пятерка «кавэ», за ними зенитики, артиллерия, вперемежку с «тридцатьчетвёрками»... Сзади зенитки артдивизиона и три «кавэ». Колонна — колбаса в добрый километр.

Разведчики на «бэтэшках», как сеттеры шныряли, разнохивая дорогу...

Подшли на место нашего бывшего лагеря. Там оставался полковой тыл...

Павел Митрофанович долго пил кофе. Молчал.

— Что там?

— Ни-че-го, — сказал Павел Митрофанович и тяжело выдохнул. — Поваленные сосны, воронки метра два шириной, И уложены точно пчелиные соты... Вместо палаток серо-зелёное рваньё ветер шевелит. Развороченные машины санитарного батальона... Ремонтная база — одни обломки... Понтоны — кто специально поставил на дыбы...

— Чтобы так точно, — сказал я, — нужен корректировщик... Знали, куда целили.

— Наверное, был... — сказал Павел Митрофанович. — Я остановил колонну. Приказал обойти весь лагерь... Собрать и похоронить... Двух раненых подняли. Медсестру, с перебитой осколком, ногой... как у меня... И контуженного оружейного мастера...

Ведь слышал гул гаубичных снарядов над головой и эхо взрывов за спиной. Я даже и подумать не мог — мой тыл месят.

Павел Митрофанович набросил плащ и пошёл к озеру. Вернулся, радостно улыбаясь.

— Можно целый день сидеть... Окуни все живы. И ваша шука на кукане, как собака на цепи...

Он уселся. Достал из кармана пластмассовую коробочку, вынул оттуда таблетку и проглотил её. Запил глотком кофе.

— Как ваша пани Фира? — спросил я. — Что с ней.

— Только хотел о ней сказать. Повёз нас Амвросий на «эмке» в город... Улицы пусты. Хоть бы какая собака гавкнула. Молчок. А чувствуем — на нас глядят множество глаз из-за оконных стёкол. Площадь у ратуши мёл какой-то человек. Увидел нашу машину, снял кепку, принялся кланяться. Я опустил стекло в двери и спрашиваю:

«Товарищ, немец был?»

Человек напялил картуз, плонул в сторону машины и скрылся в здании ратуши.

Подъехали к дому, в котором квартировали. Нашли ключ от входной двери в условном месте.

Дом пуст. Следы скорых сборов. На полу несколько фотографий... Они скорее всего выпали и остались незамеченными.

Искали хоть какую записку от Эсфирь Григорьевны. Увы...

Старик сбросил плащ и принялся нарезать хлеб.

— Косаревский сложил в солдатский вещмешок... Да, забыл сказать, — Павел Митрофанович трогательно указал рукой в мою сторону, словно извинялся. — Мешочек с конвертами Ку-Ка из сейфа переложили в противогазную сумку. Повесил её себе через плечо. Знамя, печати и прочие бумаги сложили в вещмешок. А сейфы утопили в речушке, которую переезжали. Ключи выбросили в придорожную пыль...

Ку-Ка взял фотографии своих девочек, пару белья и несколько книг...

А у меня в этом доме ничего своего и не оказалось. Нет, снова соврал. Привезли в Берз, в книжный магазин книгу «О вкусной и здоровой пище». Я её зачем-то купил. Двенадцать рубликов отдал. Хотел, чтобы жена научилась кулинарить по высшему разряду... Повертел книжку в руках. Большущая, тяжёлая. Куда с ней? Оставил на столе...

— Так ничего о хозяйке и не знаете? — спросил я.

— Ещё раз встретились. Но об этом чуть позже...

В Берзе постояли пару часов. Связи никакой. Но нутро подмывает... Не может, чтобы немец не появился...

Косаревский скомандовал трогаться...

Идём. Не быстро. Куда идём? На восток...

Попадались деревушки. Разведка докладывает — немец был вчера. А сегодня утром прошла наша пехота.

Вдруг подлетает командир разведроты.

«Товарищ комполка! — Дышит и хрипит открытым ртом. Глаза на выкате — Гроши!» — И разводит руками, точно слона обнимает.

«Какие деньги?» — недоумеваю я.

«В кувети! Машина цельная! Вся в грошах!.. Километр по дороге».

Амвросий обогнал колонну.

И точно. Лежит перевернутый «ЗИСок». Двигатель и кабина разворочена. Два тела. Или то, что от них осталось... Шофер и какой-то интендант. Задняя дверь распахнута... Мешки... Один разорван. Из него вывалились на пыльную обочину красные пачки.

«Остановите колонну!» — приказал разведке Косаревский.

«Что будем делать?» — спросил я.

«Нада спалить!» — тут же сказал Слизкий.

«Неделю гореть будут, — недовольно ответил Ку-Ка. — Грузовик подгоните. И взвод охраны с ним. Филимон Кузьмич, пожалуйста, организуйте. Амвросий смотайся».

Они уехали.

«Что вы задумали, Игорь Аркадьевич?»

«Перекинем в грузовик...»

«Разворуют...»

«Каждому бойцу по пять пачек. И незачем воровать».

«А комиссар?..» — с опаской спросил я.

«А ему — шесть, — рассмеялся Косаревский. — Наш народ никогда таких денег не видел. Да и в мыслях представить не мог, что когда-либо будет держать в руках. Раздадим, и пусть хоть сейчас эти червонцы послужат людям... Почувствуют бойцы себя не нищими рабами, а свободными гражданами... Уже будет, что защищать... А остальное сдадим... Если будет кому...»

Я слушал и не принимал слов майора. Боялся даже понять, что они означают.

Подъехал грузовик. Принялись перегружать. Слизкий зачем-то срывал сургучные печати с мешков, заглядывал в каждый и делал какие-то пометки в блокнотике. На этом потеряли битый час.

Но Косаревский не вмешивался.

Я отдал приказ готовиться к ночи. Разожгли костры. Стали кашеварить побатальонно.

Собрал комбатов. Объяснил ситуацию. Приказал после еды привести личный состав к грузовику...

Павел Митрофанович сходил в палатку. Принёс жестяную коробочку. Принялся точить крючки.

— Раздавали всю ночь, — сказал он. — Амвросию поручил. Как самому надёжному.

— А как комиссар? — спросил я.

— На удивление, равнодушно смотрел.

Утром снялись... Несколько раз отбивали фланговые удары немецкой пехоты. Днём въехали в какое-то большое село. Козин или Гозин... Сразу наткнулись на боевое охранение. Разобрались. Отатки танкового полка нашей дивизии. Как сейчас помню... Подполковник Виноградов. Доложил, как положено. Поведал — от штаба дивизии ни черта не осталось. Его смели в первые часы авианалётом. Штаб корпуса, кажется, в Шепетовке. Ждут оттуда связи...

«Много тут народу?» — спрашиваю.

«Стрелковая дивизия... что осталось... И мы... А командует дивизионный комиссар. Ты к нему слетай, майор. Для порядку доло-

жись... Он на противоположном конце села».

Я так и сделал. Приказал полку втянуться в село. Рассредоточиться... чтоб пожрать чего... А сам к начальству на доклад на «эмке».

Уже издали у крайней хаты разглядел «кавэ». Действительно, в хате сидит дивизионный комиссар... вспомнить бы фамилию... Какая-то немецкая...

— Капфель? — съязвил я, вспомнив почему-то фильм «Чапаев».

— Лучше скажите — Деникин,⁸⁹ — недовольно ответил Павел Митрофанович. — Краус!..

Я доложил по все форме.

Комиссар порылся в бумагах, что лежали на столе и, подняв несколько листков, спросил:

«Это ты передислоцировал полк на Качиное болото?»

«Я»

«И чего?»

«Две атаки танков отбили... Штук тридцать подожгли...»

«Вот и получай по заслугам, Илья Муромец! На тебя донос, дорогой майор! — Он затряс листочками в воздухе. — Ты же своим самоуправством спровоцировал войну! Ты это знаешь?»

Меня после таких слов как льдом сковало. Стою, и моргать не могу.

А комиссар выскочил из-за стола и, гудя мне в ухо: «Дай я тебя обниму!» — принялся тискать и целовать.

Сам огромный, ручищи, как противотанковые мины. Помял меня, точно мы с ним друзья закадычные, и давай тыкать мне в нос бумажку.

«Ты погляди сюда! Почитай! — говорит, непрерывно улыбаясь, и нервно потирает руки. — Это донос на тебя! Вчера принесли... За такое — расстрел! А ты молодец! Немцу пенделей навешал!.. И очень вовремя, дорогой товарищ майор! — И перехватив мой спокойный взгляд, сказал: — Ты не гляди, что я сам из немцев. Я воюю с теми, кто против меня. А что ты немец или какой другой австрияк — мне нету разницы. Их немецчина там... — он ткнул пальцем в окно, — а моя там» — Указал большим пальцем себе за спину.

Комиссар унял радость и уселся за стол.

«Мне бы карту... — говорю. — И полный грузовик денег у меня... Чего с ним делать?»

«Деньги? Плюнь на них... — А сам в какую-то бумажку смотрит. — Лучше раздай людям... Тут почти дивизия собралась... — Вдруг вскочил с табурета и с грохотом ударил ладонями по столу. Как только стол не развалился. — Бегут суки! — Стал трясти листочком в воздухе. — Как немец пошёл, все сразу стали ненавидеть советскую власть! Вон, сколько доносов... — Он отшвырнул от себя листочки с презрением. Какие-то упали на пол. — До сих пор все были правильные, выскобленные, как те брёвна, что в стену сложены, припасованы. А за два дня сразу дом и развалился... И ты, наверное, тоже?! — И не дождавшись ответа, успокоил: — Но это ничего! Не до любви теперь! Сейчас воевать надо!.. Морду этой суке немецкой сквасить, чтоб и глаз не было видно! Чтоб штаны не успел спустить! Пусть с дерьмом и бегают!.. Земля горит!.. А карт у меня

нету, дорогой товарищ майор! Жрать хочешь? — И не ожидая ответа, встал из-за стола, порылся в кованом ящике, что стоял у стенки. Выложил на стол буханку хлеба, два стакана, сулею, на дне которой колыхалась белая жидкость. Две миски и котелок. — Я хоть выпью с тобой по-людски. А то мне все эти трусливые заячьи рожи надоели... — Глянул на содержимое сулеи. — Нам хватит... И сало у нас с тобой есть, и огурцы...»

Я хотел отказаться, но улыбчивая свирепость, с какой дивизионный комиссар предложил с ним пообедать, остановила.

Он налил из сулеи в стаканы спирт, развёл водой.

«Во! Хозяин ср...й! — выругал он себя. — Даже ложку гостю не дал! Лейтенант!..»

В хату вбежал худощавый паренёк с петлицами старшего лейтенанта.

«Принеси нам ложки. И намешай какой запивки. Чем тут местные запивают?»

Мы выпили. Я долго кривился, пересиливая жжение в пустом желудке. Комиссар даже не поморщился.

Когда выпили по второй, Краус сказал уверенно:

«Карты ты у немца захватишь. Только толку от них, майор, никакого, скажу я тебе...»

«Почему?»

«Никто ни черта не может по-немецки!.. А я за всех тоже не могу... Хоть собственную бабку с того света выписывай, царство ей небесное, чтоб она переводчиком тут... А кто чего-то кумекал — шпионы, мать их!.. Ох, мне бы сейчас сюда этих шпионов!.. — Комиссар снова развёл по полстакана. — До чего дожили! Вчерась привели мне немчика. Языка. И во всей дивизии не нашлось ни одного грамотея... Не то, чтобы допросить сопливого фельдфебеля, а чтоб просто поговорить... Какой же это язык, если на пальцах вопросы поясняют? Ты — настоящий командир? Ты и допроси, и дай свои соображения, а не к дивизионному комиссару бежать, если он немец от отца с матерью... Никто по-немецки ни бэ, ни мэ...»

Краус отодвинул от себя кружку. Взял со стола толстенькую книжечку в сером переплёте и положил передо мной.

«Полюбуйся. Русско-немецкий разговорник. Приказано в роты раздать. А я эту гадость видеть не могу! Месяц назад привезли... Читай и разговаривай!.. А на самом деле?! Ты только глянь! Ни черта там нету! — И вдруг заговорил по-немецки: — Was für ein Dienstrang hast du? Aus welchem Bataillon bist du? Aus welcher Division bist du? Wie heißt dein Kommandant? Welche Aufgabe bekam dein Bataillon für die nächsten vierundzwanzig Stunden?»⁹⁰ Вот о чём нужно писать в этом разговорнике...

Мы снова выпили.

Комиссар вытер губы тыльной стороной ладони и, поморщившись глазами, продолжил:

«А там чёрт чего налепили! «В какой партии состоите?.. Где живут члены вашей партии? Сколько у тебя коров?.. Где живёт бургомистр?.. Собирайтесь все на политинформацию!..» Я тебя спрашиваю, майор... зачем мне бургомистр на войне? У нас председатель райсовета, а не бургомистр! И какие члены, какой партии?.. У нас

есть другие партии?.. Филькина грамота, а не разговорник! Вот и допрашивай языка с такими вопросами...»

Краус отрезал кусок хлеба, положил на него ломоть сала и протянул мне.

«Ешь, майор. Сытому воевать сподручней. — Он переложил левой рукой несколько листочков с места на место, продолжая жевать. Проглотил и добавил по-немецки, как-то между делом, то ли жалуясь, то ли соглашаясь с собой: — Herr Major, wenn du nur wusstest, wie schwer ist es zu kämpfen, wenn alle um dich herum nicht gegen die Deutschen kämpfen, sondern die Feinde der Sowjetischen Regierung fangen...»⁹¹

«Jawohl, Herr Divisionkommissar! — ответил я, откусывая кусок от молодого огурца. — Brot und Speck sind die beste politische Information». ⁹²

У комиссара во рту застряла ложка. Глаза вдруг погасли в неудержимом испуге. Взгляд упёрся в дверь, словно хотел заглянуть в сени: не подслушивают ли разговор. И через минуту молчания спросил:

«Ты немец?»

«Нет».

«А откуда знаешь? — Краус плеснул на дно кружки спирт и выпил. — Правда, говорить можешь?»

«У меня все командиры могут. — Я последовал его примеру и плеснул в свою кружку. — Целый год учились. Каждый день... — Спирт мял меня изнутри. — Deutsche Soldaten und die Offiziere ...»⁹³ — пропел я.

«А вот об этом не пой. Сейчас придут двое. С ними поосторожней. Суки. Вот для них главное — политинформация. — И добавил: — Du bist ein guter Mann, Herr Major!...»⁹⁴

Через полчаса появились артиллерийский полковник и капитан госбезопасности. Краус указал им жестом на пустую лавку у окна.

Полковник мне не был знаком.

Зато капитан... Он глянул на меня и сделал вид, что мы друга друга не знаем, хотя еще позавчера он грозил мне расстрелом за предательство... В одной руке капитан держал полевую сумку, а в другой — солдатский вещмешок. И по контуру предмета, который прятался в нём, угадывались калоши.

Комиссар сбросил остатки еды в ящик.

«У меня приказ из штаба корпуса, — сказал он. — Утром нужно вклиниться в бок дивизии из одиннадцатой армии фон... — заглянул в листочек, — фон Клейста. Он сейчас в Дубно... И разломать её, мать её. Пополам! Майор, — Краус кивнул в мою сторону, —

90. Какое звание? Какой батальон? Из какой дивизии? Кто командир? Какое задание получил твой батальон на ближайшие сутки?(нем.).

91. Гер майор, если бы ты знал, как тяжело воевать, когда вокруг тебя не с немцем воюют, а только ловят врагов советской власти... (нем.).

92. «Так точно, Гер батальонный комиссар!.. Хлеб и сало — самая лучшая политинформация» (нем.).

93. Немецкие солдаты и офицеры... — начало популярной песни времён Первой мировой войны.

94. А ты молодец, Гер майор! (нем.).

прибыл с боеспособным полком. Не то, что ты... — Он ткнул пальцем в сторону капитана-особиста, — Драпал с поднятой юбкой, точно за тобой десяток насильников гнались. И чего спужался!? Вшивого фашиста! Ты запомни до конца своих дней, защитничек... Баба с поднятой юбкой бегить куда быстрее, чем мужик с опущенными штанами. Понял!? Надоел ты мне здесь... Пойдёшь комиссарить к майору в полк...»

«У меня свои политработники на месте», — сказал я.

«Видишь. Нету тебе места на войне... Ты сколько шпионов поймал? Чего молчишь? Ты по-немецки шпрехать умеешь? Я, хоть и немец, а твой язык знаю! А ты мой — шиш! — Краус озадаченно рылся в бумагах, что лежали на столе перед ним. — А вот майор — русский, а по-немецки даже песни спевать... Да, вот! — выдернул из кучи какую-то бумажку и, положив руки-мины на неё сверху, сказал: — Придаём ему ещё два батальона «тридцатьчетвёрок». Пусть считается дивизией для солидности. И в шесть утра вперёд... — И приподняв ладонь, глянул мельком в бумажку. — В это же время на Дубно со стороны Шепетовки выдвинется дивизия пятнадцатого корпуса...»

«Товарищ комиссар, — перебил я. — Мне бы сюда моего начальника штаба...»

Краус посмотрел на меня внимательно и говорит:

«Беги за ним. Только быстро».

Я выскочил из хаты и запрыгнул в «эмку».

Только и успел спросить у Амвросия:

«Ты ел сегодня?»

«А как же, товарищ командир. Пока вы там обсуждались, я по хатам сбегал. А вы? Я припас и для вас...»

Мы ехали по вымощенной улице села. Навстречу пара лошадей тянула «сорокопятку», обогнал броневик, истошно сигналил. Мимо нас длинной вереницей брели люди с сумками, мешками за плечами. Кто-то тянул двухколёсную тележку, нагруженную пожитками. Лица людей были обреченно-сосредоточенными. На снующих военных никто не обращал внимания.

Я заметил, что в толпе не плакали дети, хотя их было много.

«Стой!» — крикнул я Амвросию.

Увидел среди бредущих Эсфирь Григорьевну. Она медленно шагала, почти волоча по земле большую сумку и замата длинной чёрной юбкой камень улицы. За ней, тяжело ступая, плёлся Ефрем Сабельсон. На нём был тёмно-бежевый костюм, на голове — канотье, в руке маленький саквояж. Было впечатление, что этот старый доктор возвращается после самого неутешительного визита к пациенту, которого он не смог спасти.

«Пани Фира! — крикнул я, выскочив из машины. — Вы куда!?»

«Нам тут нельзя», — сказала женщина.

«Вы ели?»

Эсфирь Григорьевна улыбнулась через силу, давая понять, что моё беспокойство здесь лишнее.

«Амвросий! — крикнул я. — Принеси поесть!»

Амвросий выпрыгнул из машины с противогазной сумкой в руке. Подошёл к старикам и протянул сумку.

«Тут хватить на неделю».

«Спасибо, пан командир, — сказал Ефрем, принимая еду. — Ваши гизета писал, что ви буите воивать токо на чужой тегитогии... Так ви же на чужой... Так почему не воюите? Мы уже не можем идти. Нету никаких сил».

«Как можем...» — ответил я и уехал.

* * *

Косаревский сидел в штабном автобусе и писал.

«Как вовремя, — сказал он. — Подпишите».

Я читаю выведенное завидным писарьским почерком:

*«Донесение.
Совершенно секретно.
Деревня Козин.
25 июня, 13ч. 30 м.
Командиру корпуса...»*

«22 июня в 3 часа 18мин. позиции танкового полка в двадцати пяти километрах западнее г. Берз со стороны немецкой границы были атакованы группировкой до пятидесяти танков. Атака была отбита. В 6ч. 11мин. атака повторилась и была снова отбита. Выведены из строя и уничтожены двадцать восемь единиц техники противника.

Огнём гаубичной артиллерии со стороны немецкой границы был уничтожен тыл полка.

Связи со штабом дивизии установить не удалось. Было принято самостоятельное решение: отойти по направлению Каменец-Радехув.

Потери личного состава — пятьдесят два человека. Оставили расположение полка сто тридцать два бойца.

Командир полка майор...

Начальник штаба, майор...

Батальонный комиссар...»

«Откуда сведения о сбежавших?» — спросил я.

«Пересчитали».

«Из каких подразделений?»

«Из хлебозавода. Из артдивизиона...»

«Экипажи все на месте?»

В автобус вошел Слизкий. Косаревский протянул донесение.

«Подпишите».

Комиссар долго читал, а потом, швырнув листок на стол, крикнул:

«Як это!? Бойцы Красной армии оставылы родную часть?! Дзэртиры! Да нас расстрэляють за такое!»

«Он прав, — сказал я. — Запиши всех погибшими».

«Як это?! — возмутился Слизкий.

«Тогда напишите свое личное мнение и отправьте доносом... — нервно сказал Косаревский. И поправился: — Донесением... как вы это сделали по поводу передислокации полка в район Качинового болота...»

«И позаботьтесь заранее, чтобы прислали кого поважнее, — добавил я, — и только без галош».

Дождь неожиданно припустил. Ветер стал рвать тент.

— Налейте, Юра, коньячку, — попросил Павел Митрофанович.

— Не запаслись мы дровами на такой случай. Огонь не греет...

Мы выпили.

— С тех пор во всех донесениях я писал только об убитых и раненых.

— Почему?

— После застолья с Краусом сложилось ощущение, что вокруг меня две разных войны. У командования одна, а у бойцов другая. Оно приказывает бежать умирать, а люди делают что-то своё и остаются живы. А живой человек на этой войне — злейший враг командования.

— А если человек раненый, контуженый? — сказал я. — Попал в плен... Как с ним быть?

— Я всё равно писал — погиб.

— Прочему?

— Погибшему... Детям и жёнам хоть какая пенсия... А пропавший без вести — предатель. Один из моих комиссаров, когда на Дону стояли в сорок втором, так мне и заявил: «Все специально под пули лезут, чтоб к немцу в плен попасть. А мы их детей в тылу кормить обязаны!»

Переписал Косаревский донесение. И поехали к Краусу.

— По документам — мёртвый, — сказал я. — И вдруг оказался живой?

— Так это же хорошо, — ответил старик. — Живой — писарь ошибся. В суматохе перепутали... И боец в строю... А для детишек большая польза. Пока бумага, что мёртвый воскрес, до тыловиков дойдёт... Пока суть да дело... Глядишь — в полуголодный дом лишние денежки... В добавку к аттестату⁹⁵ лишний кусок хлеба... А радости дома сколько? Живой!

Павел Митрофанович нервничал. Безделье его угнетало. Оставил коробочку. Потом снова взялся за неё.

— Люди спиваются от безделья. Налейте, Юра, ещё...

Он выпил, заел кусочком котлеты.

— Полковники в штабе Крауса требовали выступить немедленно. Косаревский возразил:

«До Дубно двадцать километров. Примчимся и по тёмным улицам будем кататься. Вроде, как в мешок сами полезем».

Но дивизионный комиссар принял решение — заправить нас, организовать тыл. Выступить так, чтобы на рассвете быть в Дубно».

«Они нас в три часа, — хрипя, сказал он, — и мы их!»

* * *

— К моему полку добавили остатки полка Виноградова, — сказал Павел Митрофанович, — и ошмётки какой-то танковой дивизии, которые выскочили со стороны... Горохова... кажется. Там было десять или пятнадцать «бэтэшек».

Договорились — я с танками — впереди, а Косаревский с тылом — сзади. На расстоянии пяти-шести километров.

---

95. Аттестат — форма денежного довольствия во время войны.

Вышли в два часа ночи.

И с первых же минут неприятности. «Бэтэшки» из Горохова оказались без экипажей.

— Почему?

— Ушли. Взяли харчи и... в ночь...

Слизкий собрался бежать докладывать. Но Косаревский запретил.

«После Дубно, — сказал он. — Сейчас некогда разбираться».

Я посадил в танк на место заряжающего Амвросия и... двинулись. С ним мне было спокойней.

Пехота сидела на броне. Предупредили — привязываться, чтоб не потеряться и не попасть под гусеницы...

Через час влетели на окраину городка...

Павел Митрофанович набросил плащ и вышел из-под тента. Медленно побрёл по лужам к озеру. Долго стоял на берегу, ворочая головой. Вернулся.

— Скоро кончится, — как-то невесело сказал он. — На западе светлеет.

Сбросил плащ, принялся разгребать золу.

— За какое дело не возмись, — всё чужое. Проклятый дождь. Давайте сварим уху... Что-то со мной творится... Был у воды, а рыбу не принёс.

Снова накинул на плечи плащ.

— Я схожу.

— Сидите, Юра. Вы при деле. Слушаете чужую исповедь. А я, как медведь в клетке. От одной стенки к другой. Мне вредно сидеть...

Окуней чистили молча. Они, полусонные, даже не шевелили хвостами. Несколько раз старик ходил к озеру за водой. Мне казалось, что он это делает специально, чтобы просто двигаться.

— Как вы разделались с немцами? — спросил я.

— Никак, — ответил Павел Митрофанович. — Там не было никакого фон Клейста уже. Мы стали ломать тылы какой-то танковой дивизии или полка.

— А куда же она девалась?

— Пошла наступать на Шепетовку...

Павел Митрофанович разжёл костёр.

Сложил чищенных окуней в кастрюлю и долго мыл их на берегу. Вернулся. Взял ведро и снова ушёл к озеру.

Я принялся за картошку. Крошил неспешно лук. Старательно нарезал сало на мелкую шрапнель.

Дождь сыпал медленно и надоедливо. Старик ходил от костра к озеру и назад.

— И что же дальше? — спросил я.

— Остановились, — сказал Павел Митрофанович. — Немец драпанул. А мы пошли мародёрствовать по немецким складским машинам. — Он громко рассмеялся. — Целый день гуляли вместе с местными... Я читал в романе каком-то... То ли Суворов, то ли Меншиков отдавали города на откуп. Не верил. А тут само вышло. Ведь пошли на Дубно почти голодными. А народ жрать хочет.

Ну, и натаскали себе...

— Сосиски немецкие как? — спросил я.

— Бумага туалетная, — с нескрываемым презрением сказал старик. — Вот тушёнка — класс. И кроме вкуса ещё одно достоинство у неё было. Паковали в длинные рифленые банки. Одна на троих фрицев на день. Наши танкисты их в качестве горшка использовали...

— Это как? — спросил я.

— Знаете, что главное в танке?

Я задумался. Но ответа не нашёл, и сказал:

— Пушка.

— С трёх раз, — засмеялся Павел Митрофанович.

— Двигатель.

— Ещё раз...

— Трансмисия?

— Наши танки так устроены — врагу не пожелаешь! Я, как командир, давал команду, куда рулить... ногами. — И поймав мой недоумённый взгляд, старик пояснил. — Механик-водитель сидит как раз подо мной, под командиром. Когда стоим — водитель слышит команды, а на ходу... кричи, не кричи... Без толку. Когда нужно повернуть направо...

— Цоб, — сказал я, смеясь. — Или, цобе...

— Ну, Юра, вы уж совсем механика за вола держите, — рассмеялся Павел Митрофанович. — Направо — ногой в правое плечо жму, налево — в левое. Стоп — двумя ногами сразу. Назад — два раза по плечам своими сапогами...

— А банка из-под тушёнки?

— На войне — не в санатории. Можно утром поесть, а можно потом пообедать... Если успеешь...

— По расписанию ели?

— На войне одно расписание, дорогой вы мой, — деловито объяснил Павел Митрофанович. — Можешь не дожить. А народ ел всё, что мало-мальски съедобно. Ну и... Сами понимаете... Желудку не прикажешь. А в танке очень пить хочется...

— Вы в них воду возили?

— Писали. Для этой нужды машину в бою или на марше останавливать не будешь. А на ходу сделал своё дело — передал наверх, чтобы вылили.

— А если на броне пехота?

— Не повезло, значит, пехоте, — рассмеялся старик. — Но лучше обтереться и постираться, чем с пулей повстречаться... Послушайте, Юра, я с вами поэтом стану... А самое главное в танке — не портить воздух после калорийных харчей...

— А вентиляторы?

— Какие вентиляторы, Юра? — Он снова рассмеялся. — Для советского танкиста вентиляторы? Как говорит мой внук — много хотите, дорогой мой. Была привинчена в каждой машине крутилка. Но работала только три дня. Потом начинала дымиться... А кто хочет сгореть? Я таких среди танкистов не встречал. Выбрасывали... Оттого и глотали всякий там перегар... Так от этого никуда не денешься. Он всегда при танке. А тут своё в придачу... — Старик раз-

вел плечами. И добавил деловито: — Так войну можно проиграть... Если про танк не очень думали, то про человека в нём приказано было не думать...

— Вы что имеете в виду?

— Самое больное место в танке — воздушный фильтр. Двигатель забивался пылью и клинил... Этих фильтров не хватало катастрофически. А вы говорите о человеке...

Павел Митрофанович забросил в кастрюлю рыбу. Потом сало с чесноком. Выставил миски.

Разлили уху. Выпили. Откат снова был нормальный.

— Вот, Юра, вы уже знаете, что главное в танке, — сказал Павел Митрофанович.

— А как фон Клейст?

— Не знаю. Радовались мы не долго. К вечеру тыл не пришёл. Я очень переживал. Что Склизкого потерял — туда ему и дорога. А вот Косаревский... Без него чувствовал себя почти калекой. Как будто без руки или без ноги. Спотыкаюсь случайно, и кажется, что это он меня в спину толкает шутя. Оборачиваюсь — пустота...

За нашей спиной к вечеру какой-то бой. Артиллерия стала работать. По звуку — противотанковая... «Сорокопятки»... Что на самом деле — можно только гадать.

Отправил разведку. Она привезла печальную весть. Нас от тыла отрезали немецкие танки... Выходило... Сзади, справа, слева — немцы. А что они впереди — мы об этом сами знали. Вот и попали в мешок...

Павел Митрофанович медленно хлебал уху.

— Собрал я комбатов. Приняли решение — идти вперёд... — Он отложил ложку. Мы снова выпили. — Забили едой пустоты в танках. Бойцы нагрузили вещмешки. Кто сколько хотел. Отыскали целых пять связок чёрных трусов... На всех всё равно не хватило... Какой-то политрук предложил поджечь, что осталось... Но местный народ встал стеной. Не дали... Амвросий нашёл какой-то безрессорный прицеп. Примотали его проволокой к моему танку. Накладывали туда еды и всякой немецкой дряни...

«Зачем?» — спрашиваю.

«Кто-то устанет... А плохо ехать лучше чем добре плестись...»

Старик подлил себе уху.

— Да! Совсем забыл... — сказал он. — В Красной армии фляги ведь были стеклянные. Чуть неосторожное движение — вместо стекла дребезги. Попади пуля в такую флягу — и фляге и бойцу конец. А если пуля задела — стекляшки, как шрапнель — разрывали живот на куски. И сукно не спасало. Вот я и приказал сменить наши фляги на алюминиевые немецкие... Всем! Хотя польза какая-то от нашего налёта на Дубно... И ещё... Поставили в этот прицеп пять бочек с растительным маслом... Зачем? До сих пор не знаю...

Павел Митрофанович с сытым видом отставил миску. Ушёл к озеру с чайником.

— Выехали из Дубно... — продолжил он, когда вернулся. — Нас — человек пятьсот. И танков штук семьдесят. Десяток броневиков... Двигались медленно.

— Почему? — спросил я.

— А как быстро, если в никуда? — развёл руками Павел Митрофанович. — Правда, спасала немецкая карта. Подробнейшая, скажу я вам, Юра. Все лесные тропинки, ручейки, бугорочки с точным указанием высоты. А село какое на пути... Так чуть ли не количество собак в каждом дворе... Спасибо разведчикам, что пошарили в складской машине. Только заканчивалась она около Новоград-Вольнска...

В первый вечер оставили все броневики на дороге. Бензин кончился. Я в душе проклинал штаб комиссара Крауса, который обещал отправить вслед за нашим рейдом тыл с горючим. Был уверен, что именно дивизионный комиссар приложил руку к нелепости, в которой мы оказались. Косаревский не мог не пойти за нами...

На следующий день бросили половину танков. Горючее слили. Клинья затворов выдернули. Прицелы выломали. Пулемётные стволы погнули. Снаряды... Что с ними делать? Так и оставили. А дисков пулемётных пропало — не сосчитать... На каждый танк по сорок шесть штук полагалось. Бросили...

Павел Митрофанович приладил чайник над костром и подбросил охапку сушняка.

Когда вода закипела, он засыпал в свою чашку щепотку чайного листа и залил кипятком.

— Горючее кончилось, — сообщил он. — Последний танк остался стоять на дороге у леса. С привязанной к нему телегой. И пять бочек с маслом...

Устроили совещание.. Кто-то предлагал остаться в лесу и ждать, когда вернутся свои. Политруки всё долдонили про войну на чужой территории. Но большинством приняты решение идти в сторону старой границы.

«Дальше немца не пустят, — высказался кто-то из них. — А если пойдёт, так только до Ирпеня. Возле нашего села доты огого какие в берег вкопали...»

Раскидали по бойцам провизию. Хлам оставили в телеге.

Старались идти кромкой леса, заглядывая в карту. Но скоро и она оказалась бесполезной.

— Ночевали в деревнях? — спросил я.

— Ночевали в лесу. Найдём низинку. Разведём костры, банки вскроем... Кто-то умудрялся даже кашу перловую варить из немецких брикетов...

И спать... В шинель завернёшься и кемаришь нервно. Благо, ночи не холодные...

А утром с первыми лучами шли дальше... Каждую ночь человек десять-пятнадцать сбегало. Я делал вид, что не замечаю. Жил единственной уверенностью — уже завтра мы выйдем к своим. Не можем же мы отступать вечно...

Павел Митрофанович отхлебнул несколько глотков.

— Шли уже неделю... Вдруг подбежал Амвросий. Сбросил к моим ногам свой вещмешок.

«Постойте тут», — сказал, и умёлся куда-то.

Народ присел отдохнуть.

Я решил переложить мешок в сторону. Он оказался увесистым и

имел странную форму. Выпирал острыми углами — казалось, туда вложили ящик.

Сержант вернулся через час.

«Там село... Немэць заехал. Велосипедов коло крайней хаты на-
ставили целый гурт. Надо забирать влево. Лесом...» — выпалил он.

Долетели далёкие выстрелы. Два, три.

«Собак стреляют», — пояснил сержант.

«Ты что накидал в мешок? — спросил я у него, когда углубились
в лес.

«Деньги», — тихо ответил он.

«Зачем?!»

«Не шумить, товарищ майор. — Он осмотрелся по сторонам. —
Харчей, может, хватить на неделю. А сколько нам идтить? Бог зна-
ить. А то и он не знаить. В якое село зайдём... Хоть не сильно нас
полюбляют, а за гроши накормят и напоят...»

«Ты как их припрятал?» — спрашиваю, соглашаясь с доводами
сержанта.

«Як, як? А от так! — стал шептать Амвросий, озираясь. — Разда-
вал бойцам. Сами же приказали... По три пачки каждому.... И себе
одну. Я, вроде, тоже боец Красной армии».

«Так три пачки было велено...»

«Три — мине. Вам, товарищу Косаревскому.... И товарища ко-
миссара нельзя забувать».

«Где они? Косаревский и комиссар?»

«Не они, так другие будут...»

«Ну, ты жулик... Это какая тяжесть?..»

«Ничого, товарищ командир. Хлеб, конечно, носить лучше... Его
быстро съедят... А скажи кому про денежки... Всякий согласится
нести...»

Павел Митрофанович подлил кипяточку в кружку.

— Амвросий вроде как за главного разведчика при мне был, —
сказал старик. — Вдруг прибегает... И без вещмешка.

«Товарищ командир, боевое охранение чьё-то! — сообщил взвол-
новано.

«Веди!»

«Давайте обойдём, — настороженно предложил сержант. — Если
б на ночь остаться, то можна... А токо утро... За день далёко отой-
дём...»

«Может, это наш корпус?»

«Там не танкисты... Кавалерия».

«Откуда знаешь?»

«Слушал, про чего балаболять. Про подковы и сено».

«А где твой мешок?»

«Спрятал, товарищ майор. — И попросил: — Может, не пойдём?»

«Пошли!»

Нас остановил секрет. Я назвал. Вышел сержант. Долго осмат-
ривал всех, а потом махнул кому-то. В лес убежал боец.

Через полчаса появился старший лейтенант с пашкой на боку.

Проверил мои документы. Но не вернул.

«За мной!» — И повёл всех в глубину леса.

В полукилометре вокруг маленького озерца был разбит большущий палаточный городок. У каждой палатки свежая, только-только поставленная, коновязь. По двенадцать лошадей привязаны. Бойцы сновали между палаток деловито, не обращая внимания на нас. Кто-то чистил коня. В дальнем углу дымилась кухня...

Солнце яркое. Лесная тишь. Только издали долетало монотонное позвякивание — работали кузнецы. Показалось, что кавалеристов вывели в летние лагеря и забыли, и они о войне слыхом не слыхивали.

Лейтенант подвёл нас к трём палаткам, стоявшим в сторонке. Вокруг, как мне показалось, часовые.

Меня втолкнули в одну.

На сене лежали двое.

Я поздоровался и представился.

«Старший лейтенант Вейцель», — ответил один из лежавших.

«Майор Гриднев», — лениво произнёс второй.

«Что это такое?» — спросил я, обводя взглядом стенки палатки.

«Александровский рavelин,⁹⁶ — ответил Гриднев. — А ты кто?»

«Командир танкового полка...»

«Везёт нам на танкистов. Хотя бы кто из своих попался. С ними помирать веселей».

«А вы кто?»

«Семьдесят третий противотанковый дивизион, — хмыкнул Вейцель. — Точнее... То, что от него осталось».

«Как вы оказались у кавалеристов?»

«Как и ты. Набрели».

«А палатка почему для двоих?»

«Уже для троих... — хмыкнул Гриднев. — Потому что после трибунала».

«Смертники? — спросил я с опаской, понимая, что не просто меня отделили от моих бойцов. — А за что?»

«Лейтенант за родину воевать захотел, а ему не позволили», — просипел Гриднев.

«А майор врезал по морде батальонному комиссару, — рассмеялся Вейцель. — Кстати, комиссар из ваших, из танкистов».

Я сел на сено, ничего не понимая. И спросил:

«А что кавалерия делает в этом лесу?»

«Ихний генерал уверен, что скоро наступление начнётся, — сказал лейтенант нервно, словно хотел найти у меня поддержки и защиты. — Генеральное... Вот, и ждёт когда свои подбегут».

«У тебя, майор пожрать что есть?» — спросил Гриднев.

Я достал из вещмешка банку и протянул Вейцелю. Тот повертел её и передал Гридневу.

«Возьми назад, — лениво сказал тот. — Толку, если нечем открыть».

Я вытащил нож и вскрыл консервы. Достал ложку.

Командиры ели одной ложкой по очереди. Сперва — майор, за ним — лейтенант.

Вдруг полог палатки открылся, вбросив язык яркого солнечного

96. Александровский рavelин — часть Петропавловской крепости, где содержались декабристы, приговорённые к повешению.

света внутрь. И чья-то рука поманила:

«Эй, ждыра, выходи!»

Вейцель поднялся. Вытер губы, застегнул ворот гимнастёрки.

«Если доберёшься до Киева, Серёга, — сказал он Гридневу, — Или вы, товарищ майор... Забегите на Фёдоровский переулок. На Лукьяновке. Дом двадцать... Вы его сразу узнаете... Перед парадным крыльцом две огромные тумбы гранитные вкопаны... Там моя мама... Передайте ей, что я всегда был честным... И что я её люблю...»

Гриднев встал. Они обнялись.

Вейцель вышел. Полог упал, украв свет.

«Что всё это означает?» — спросил я.

«На расстрел повели. Чего ещё?»

«За что?!» — возмутился я.

«За антисоветскую агитацию и пропаганду. Я же говорил... Он за родину воевать решил, а с комиссаром не посоветовался. Предложил командиру этих кавалеристов партизанский отряд организовать, а не сидеть в ожидании, как на паперти... Назвал комдива предателем... Так особист и комиссар из танкистов к расстрелу приговорили. Глупый лейтенант... — Гриднев махнул рукой в отчаянии. — Я доем?»

Майор молча скрёб ложкой содержимое банки.

«Так в чём тут агитация?»

«Партизанские отряды у нас запрещены», — объяснил майор.

«Почему?»

«Если без разрешения особистов и комиссаров партизанишь... — Гриднев облизал ложку и вернул. Улёгся на спину. — Значит против советской власти... Партизанить — значит как Махно, против советской власти... Это комиссар танковый объяснил».

«А комиссара за что побил?» — спросил я.

«Было за что», — нехотя ответил Гриднев.

Долетело эхо ружейного залпа. Гриднев вздрогнул, закрыл уши ладонями и отвернулся к матерчатой стене.

Прошло часа два. Сидел я и думал, что ждёт меня? Лейтенанта расстреляли, майор-артиллерист дожидается расстрела... «Почему командира танкового полка посадили вместе с приговорёнными?...» Перспектива рисовалась не самая весёлая... Настроение гадкое. Попросился по нужде. Окликнул часового. Думал, огляжусь и что-нибудь придумаю. Главное — под шинелью пистолет... «Так просто я вам не дамся!»

«Там скидай свою галихву!» — с явным презрением ответил часовой.

Еще через час в палатку заглянул знакомый старлей.

«Эй, майор, выходи!»

Вышел я на свет Божий. Огляделся — моих танкистов нет.

Лейтенант толкнул в спину. Захотелось заехать в рожу... Но оставшийся в палатке Гриднев словно шептал: «Иди и не огрызайся».

Подвели к зелёному шатру. У входа — два бойца с карабинами. Лейтенант махнул рукой. Пропустили внутрь.

Большой стол. Из матерчатого окна, перехваченного крестом, падал кривой столб света, в котором плавала пыль. За столом сидел

круглолицый лысый генерал-майор. Нос подпирал кубик седых усов. Тень от креста перерезала столешницу пополам неодолимой чертой.

«Кто таков?»

«Командир девяносто шестого танкового полка, сорок второй дивизии двадцать седьмого танкового корпуса...»

«Где твои танки?» — с небрежением спросил генерал.

«Остались под Дубно».

«Ну, и почему ты бросил оружие?»

«Ждали, что привезут горючее. Но прочему-то не привезли. А тащить на себе двадцать шесть тонн — и армии не хватит...»

«Где твои люди?»

«Пришли сюда все, кто остался, — ответил я. И хотел сказать, что народ разбегается. Но вовремя сообразил: «Ляпну — и приговорю себя к расстрелу». — В бою погибло много. Похоронили. А некоторые до сих пор в танке своей очереди дожидаются...»

«Что у тебя в мешке?»

«Полковые документы».

«Знамя с тобой?»

«Так точно!»

«Сдать в особый отдел! — приказал он и спросил: — Давно командуешь?»

«С мая сорокового».

«Небось на параде вместе с фашистами маршировал? Да?!» — зло спросил генерал.

«Никак нет, товарищ генерал, — соврал я. — Был переведён в кадрированный полк в тридцать девятом...»

«Где до этого служил?»

«В танковой школе в городе Борисове».

«Сам откуда?»

Я назвал село, волость...

«Яшка! — крикнул генерал. В палатку влетел старший лейтенант. — А ну, приведи того длинного... Из шорного эскадрона».

Через пять минут полы палатки распахнулись и чей-то голос сказал:

«По вашему приказанию прибыл...»

Я чуть было не присел от неожиданности. Не верил своим ушам. Но повернуться не посмел.

«Ты знаешь, майор, этого?» — спросил генерал, тыча в моё лицо короткими пальцами.

«Со спины, похоже, командир девяносто шестого танкового полка, товарищ генерал», — сказал Косаревский.

«А ты в каком служил?» — всё с тем же небрежением спросил генерал.

«В девяносто шестом, товарищ комдив».

«Это — твой командир?»

«Так точно!»

Генерал встал. Он оказался маленького роста, гнул крутую спину. Вышел из-за стола. За ним тянулся чуть слышный малиновый перезвон шпор.

«По всем нашим сведениям, — сказал он, заложив руки за пост-

ромки португалии, — наступление Красной армии должно начаться через несколько дней. Я про это знаю. Потому что много раз принимал участие в совещаниях высшего командного состава в округе. И самое главное сейчас, скажу я вам, — сохранить личный состав перед решительным наступлением Красной армии. Нами принято решение — оставаться в этом лесу... Будем дожидаться главных сил. Поэтому... Ты майор, — он ткнул пальцем в мою грудь, — назначешься командиром шорно-седельной мастерской. Твоим заместителем будет твой майор. Ты мужик деревенский. В конях должен понимать... Следить — чтоб кони накормленные, кованые... Чтоб уздечки и подпруги надёжно держали кавалеристов... Можете идти... Всех ваших командиров я уже поставил на должности...»

Павел Митрофанович вышел из-под тента. Задрал голову, глядя в небо.

— Теперь так не встречаются, — сказал он, возвращаясь и садясь к столу. — Сейчас сразу за бутылку хватаются. Лишь бы выпить... А мы неспешно отошли от генеральского шатра. Шли вальяжно, словно прогуливались.

За озером Косаревский положил мне руку на плечо и сказал, радостно задыхаясь:

«Счастливые мы с тобой, Паша. Не потерялись по дороге... Я уже решил бежать... А тебя, если честно, похоронил...»

«Что здесь творится?» — спросил я.

«Людей стреляют. Вчера двоих. Сегодня уже одного убили, сволочи!»

«За что?»

«Что думают по-своему. И не молчат...»

«Как вы тут оказались? — спросил я, стараясь жаться к Ку-Ке, точно боялся, что он вдруг исчезнет. — Давно в этом лесу?»

«Вы ушли на Дубно, — Косаревский заговорил торопливо, нервно глядя по сторонам. — А мы за вами. Как уговаривались. Пропшли километров десять. Вдруг налетела кавалерия. Кричат, что за ними немец на танках... Я генералу объясняю — горячее для своих танков везу. А этот гриб: «Следовать за мной!» Под угрозой расстрела...»

«А машины наши где? Штаб весь?»

«Где? — Косаревский скосил на меня свой колючий взгляд. — Бросали на дороге, товарищ комполка. Бензин кончился... Мы же вам соляр везли...».

«Генерал — командир дивизии?»

«Командир — да. Только от дивизии осталось не больше полка».

«Давно здесь?»

«Уже неделю в этом лесу торчим. И, кажется, никуда не собираемся двигаться... Посылали искать штабы... Никто не вернулся... Генерал указаний только из округа ждёт. Остальное не для него... Скоро только особистом и прокурорами командовать будет. Ну, и нами за компанию...»

«У него своих командиров не осталось?»

«Каждую ночь уходят... — сказал Ку-Ка, оглянувшись. — Я уже выучил закономерность... Если приводят перековать коня — но-

чью сбегут».

«Меня с двумя расстрельными держали, — сказал я. — Там майор-артиллерист... Его за что?»

«Генерал всех командиров на должности поставил. Меня уздечками и сёдлами командовать... Теперь — тебя... А артиллериста назначили командиром эскадрона. Утром стали пересчитывать его кавалеристов. У него двадцать человек сбежало. И десяток коней увели... Здесь народ, как и у нас... в основном из местных. Особист и комиссар обвинили артиллериста в сговоре с фашистами... чем способствовал передаче конского состава врагу... Майор вышел из строя и прилюдно заехал в рожу Слизкому...»

«Он тут!?»

«Комиссарит. В дивизии свой комиссар погиб. Так наш вовремя под руку подвернулся. Дивизионным замполитом здесь. Правят вместе с главным особистом...»

«Где наши пакеты? Мы с вами, Игорь Аркадьевич, подписку давали».

«Приказали сдать».

«У особистов?»

Косаревский молчал.

«Мне генерал тоже приказал полковое знамя и документы сдать, — сказал я, понимая, что Косаревский выполнял приказ, который не мог не выполнить. — Вы Амвросия видели?»

«Нет... А он с тобой?»

«Сейчас найдём... Где кухня?»

5 мая

В приоткрытый полог палатки пробивался утренний свет. Ткань уже напиталась солнцем и ярко горела зелёным огнем. Из леса прилетала непрерывная соловьиная дробь, переходившая в заливыстый непрерывный перебор.

Я выскочил из палатки. Следов двухдневного дождя не было. Лужи исчезли, а лес, умытый и свежий, ловил солнечное тепло...

Павел Митрофанович в броднях стоял по колено в воде и держал в руке длинную телескопическую удочку.

— На обед варим рыбный борщ, — сказал он, услышав мои шаги.

— Я поймал десяток плотвичек. Сегодня ничего, кроме этого сора ловиться не будет... Умывайтесь и кипятите чай... А я постою ещё...

Я быстро организовал завтрак. Сделал гренки.

— Вы будете кофе?

— Наверное, чай... — сказал Павел Митрофанович, подходя к костру, — Надо сегодня сбегать в деревню. Хлеб закончился.

— Лучше завтра. Сегодня поджарим, который остался.

Старик хрустел поджаристой корочкой и с причмокиванием отхлёбывал воду из кружки.

— Мой внук, — сказал он, — заставил меня читать ему Джека Лондона...

— И вы читали?

— Молодёжь — лентяи. Читать не любят. А вот слушать все мастаки... Так вот, я читал и не мог взять в толк, как эти золотоискатели на привалах пекли лепёшки в тридцатиградусный мороз?

- На фронте не доводилось?
- Там кухня была. По крайней мере, для командира всегда...
- Я всё хотел спросить... Почему вы на этом озере, а не на реке?
- Сейчас запрет. Инспекция по Днепру мотается вверх-вниз...

Местные не боятся... Один другому — сватья да кумовья... А я хоть и не первый год здесь и меня все знают, а для рыбинспекции — чужак. Не хочется скандалить. В конце июня сын приедет, перевезёт на Днепр со столом и очагом. Тут не далеко. Километров пятнадцать. В середине сентября снова сюда. Я люблю весенний и осенний лес...

— Так всё-таки вы воевали танкистом или кавалеристом? — спросил я.

— Не сбеги мы, — ответил Павел Митрофанович, — может, и пашкой махал... И кстати, побег организовал Слизкий...

— Как? — удивленно спросил я, точно сам был непосредственным участником истории.

— Нашёл я Амвросия. Только не на кухне, а в санитарном эскадроне... Уже лечился с двумя санитарками...

«Куда определили?» — спрашиваю.

«В комендантский взвод, товарищ командир».

«Что дальше?» — говорю с намёком.

«Што придумаете». — Смотрит на меня и на Косаревского. А по глазам вижу — не до нас ему.

«Может, здесь останешься?»

«Тут хорошо. — Улыбается. — Скоро война кончится... Говорят... Правда, девочки?»

Те смеются в ответ.

«Вы ему чего-нибудь перевяжите, — попросил Косаревский. — Чтобы никуда отсюда не сбежал... — И спросил у санинструкторов: — Барышни, где особый отдел?»

Одна из девиц покраснела. А вторая, толкнула подругу в плечо и, смеясь ей в лицо, сказала:

«За озером. Где нет коновязей... Она вас может проводить. Правда, Поля?»

Мы вышли из медицинской палатки. Пошли искать Слизкого.

Когда подошли к озеру, я предложил Косаревскому подождать в сторонке.

В палатке, обстановка была похожа на генеральскую. Стол, из окна — столб серого света, круто перемешанного с самосадным дымом.

«Добрый день, товарищи командиры!» — сказал я и протянул руку.

«Добрый день, Паша...Товарищ...» — ответил Слизкий, растерянно.

«Кто такой?» — настороженно спросил второй, глядя на комиссара и сгребая в кучу разложенные бумаги.

«Командир полка...»

«Вы из новых? — спросил особист строго. — Доложились комдиву?»

«Только что от него. Назначен командиром шорно-седельной мастерской, — бодро отрапортовал я. — Филимон Кузьмич, выйди

на минуточку. Давно не виделись...»

«Я щас», — словно извиняясь, сказал Слизкий особисту.

«Где пакеты?» — спросил я тихо, когда вышли из палатки.

Комиссар оглянулся и приложил к губам палец. Мы отошли в сторону.

«Я припрятав», — шепнул он.

«Чтоб через час они были у меня. В шорной мастерской. Я за них несу ответственность».

«Я тэж», — попробовал огрызнуться зачем-то Слизкий.

«Это приказ... И зачем вы приговорили к расстрелу майора-артиллериста?»

«То комдив», — спрятав глаза, ответил комиссар.

Я хотел съездить ему по морде, но рука не поднялась. Весь его вид просил защиты...

Старик отвлёкся, увидев двух соек, которые уселись на берегу у самой кромки воды. Одна принялась пить, а другая разглядывала окрестности, болтая хвостом. Потом поменялись местами.

— Надо ловить, — сказал Павел Митрофанович. — Раз уговорились борщ варить, десятка плотвичек будет маловато...

Натянул бродни и пошёл к озеру.

Сойки сорвались и, сделав большой круг над водой, исчезли в хвое сосен.

Старик влез по колено в воду.

Я понял, что рассказывать он ничего не станет. Взялся вымывать посуду. Закончив, пришёл на берег и начал ладить спиннинг.

— Вы уж подождите, Юра, — сказал Павел Митрофанович. — Поплавчанка не любит шума.

— Амвросия оторвали от лекарств? — спросил я, усаживаясь довольный на чурбак.

— С большим трудом. Прилип — сказал старик. — А я ему:

«Обойди всех наших. Скажи — ночью уходим».

«Усех нэ нада... Продадут».

«Ну, тогда, кому считаешь нужным».

— Много набралось? — спросил я.

— Человек двадцать. — Павел Митрофанович рассмеялся вдруг.

— Наш народ всегда себе на уме... Убегаем. Надо осторожно, тихо. Под ногой треснет сушняк — боевое окружение поднимет стрельбу. А один пришёл с конём...

— Из танкистов?

— Кавалерист... — старик сделал паузу. — Утром на этом коне и ускакал...

— А пакеты?

— Слизкий принёс, как было приказано. Отдал Косаревскому...

До ночи шатались по лагерю. Искали подходящее место, где собраться. Уговорились — возле шорной мастерской в полночь.

— Плонули бы на эти пакеты, — сказал я, — и пошли.

— Это сейчас лихо рассуждать так... А тогда... Завтра, действительно, наступление... Мы же обязаны воевать не у себя, а на чужой территории... Одни наступают, а мы в тылу бродим. И сразу к особистам попадём... Где документы?.. Вот ваша расписка... Госу-

дарственную тайну продали врагу... Знаем мы это...

Амвросий привёл человек двадцать.

Я нервничал... Боялся, что комиссар догадается про нашу затею и донесёт. Не хотелось угодить на расправу в Александровский равелин...

Павел Митрофанович выхватил из озера плотвичку.

— Ночь была, серая, грязная, — сказал он. — Тонкий серп уходящей луны. За пять метров ничего не видать.

Двинулись. И вдруг кто-то с двух сторон...

— Слизкий заложил? — спросил я.

— В сером лунном тумане узнал фигуру комиссара. Первая мысль — привёл охрану! Я даже в кобуру руку запустил.

Подошёл, и стоит молча.

— А с другой стороны кто?

— Кавалерист. Да с конём! Не станешь же его прогонять...

Когда пошли, комиссар вдруг исчез. И появился минут через пять в сопровождении кого-то.

— Неужели — генерал? — спросил я, стараясь угадать.

— Берите выше, Юра, — ответил Павел Митрофанович. — Власть собственной персоной... Главный дивизионный особист...

* * *

«Пароль! — остановил нас чей-то голос из куста. — Очень стрельну!»

«Подкова» — сказал Амвросий.

«Рязан... — ответила темнота. И вышла к нам, держа винтовку наперевес. И поправилась: — Казан».⁹⁷ — Это был боец в короткополой шинели, невысокий, ширококостный. — Куда идёшь, товарищ?»

«На войну», — сказал Амвросий. — Ты один? Где разводящий?»

«Тут был. Туда пошёл», — ответил часовой, указывая рукой за наши спины.

«Товарищи командиры в твоём кустике постоят, — попросил сержант часового. — Ты их посторожи. Если чего — шумни... И нас не видел... — И шепчет мне: — Я кой-куда сбегая...»

«Хорошо, — ответил часовой, провожая взглядом Амвросия, который растворился в темноте леса.

— Почему не остались? — спросил я. — Ведь никто ничего не знал про войну в первые месяцы. Тем более в лесу. Может, действительно от старой границы уже шло генеральное наступление?

— Не могу объяснить себе и сейчас, — сказал Павел Митрофанович. — То ли расстрел тех двух несчастных, то ли обстановка в лагере... Сложилось впечатление, что там ждали чужой победы, чтобы к ней присоседиться незаметно. Да и народ сбегал... С лошадьми... Если подумать... Не проста ведь... Мужик уходил в другую жизнь с надеждой. А в другую жизнь ему без тягла начинать плохо...

Амвросий вынырнул из темноты с вещмешком...

---

97. Система паролей в кавалерии РККА, оставшаяся со времен царской армии неизменной. В вопросе должен содержаться предмет конской амуниции, а в ответе название города.

«Ты стой, — сказал он часовому, — а мы пошли»...

Старик вытащил плотвичку. Бросил её в садок.

— По компасу выбрали азимут семьдесят пять градусов на северо-восток, — сказал он, забрасывая снасть.

— Почему?

— Разве сейчас упомнишь про то... Косаревский так решил.

Еще одна плотвичка оказалась в садке.

— В первых лучах солнца разобрались, — сказал Павел Митрофанович, нанизывая червя. — Кавалериста с конём не было. Но за нами плёлся коротконогий часовой. Долго шёл. Как будто боялся, что прогонят и заставят вернуться.

Старик забросил снасть и уселся на чурбак рядом со мной.

— Амвросий всегда бежал впереди, — сказал он. — В нём что-то было от лешего. Ходил бесшумно, появлялся вдруг. Докладывал. Шёл рядом. Советовал. А потом глядь... и след простыл. Как сквозь землю провалился.

— А деньги куда девались?

— Я нёс, — ответил Павел Митрофанович. — Хитёр брат... Свой вещмешок драгоценный отдал мне, а мой лёгонький повесил себе за спину.

И шли не по компасу, а за Амвросием, как за проводником... Одни сёла обходили. Ночевали в лесу. В другие заглядывали. Но не ночевали...

«Почему нэ можэм в хате переночувать?» — спросил как-то у него Слизкий, когда мы вышли из села на полночь глядя.

«Лучше не спать», — хитро ответил сержант.

«Люды нас накормыли... — не унимался комиссар — Оставлялы ночувать на сеновале... Почему мы не осталысь?»

Но Амвросий не ответил.

«И всё же?» — спросил я у Амвросия, когда в ближайшем лесу расположились на ночлег. Хотелось понять, какими мыслями живёт этот человек? Чем руководствуется?

«Вы товарищ командир, кино «Чапаев» бачили?»

«Видел».

«Погано смотрели. Было б у нас это самое кино, я б вам показав...»

«Я очень хорошо помню этот фильм. Десять раз смотрел».

«Наверно, вас на самом конце кина в штаб вызывалы... Или вы до какой девки спешили?...»

«Не умничай...»

«Да шо тут умничать, товарищ командир? Помните, як Чапаев погыб?»

«Помню. Часовые заснули».

«Брехня то... А на самом деле всё по-другому. Чапаев с Петькой песни в хате пели... А хозяин — на коня и до белых...»

«Мастер ты сочинять», — сказал я недовольно.

«То самая правда. Просто у кинщиков ленты не хватило, шоб нам показать. Вот потому комдив Чапай и погыб... А если б он у лесочке где прилёг... Буркой накрылся... Может, зараз за место Кирпоноса⁹⁸ командовал...»

«Выходит, что нас принимают из боязни?» — спросил я.
«По разному... А я щас соседского хлопца перехватил за селом...»
«И что?»
«А то, шо он бежал докладать... До утра б мы и не дожили...»
«Может, он домой бежал. Был в гостях...»
«Про то я и спросил... Его в соседнее село родной дядько послал... сказать, шо мы тут. А там уже немец бургомистра поставил...»
«А как ты знаешь, — спросил я, — заходить в село или обойти?»
«Як собаки гавкають... немца ще не було. Он, зараза, как приходит, всех собак стреляет».

* * *

Принялись чистить плотву для борща.
— Вы, Юра, лук и картошку готовьте, а я рыбу поджарю, — сказал Павел Митрофанович. — Для борща только жареная должна быть. — Так вот... Амвросий прибежал взволнованный. Тяжело дышал, нервно сучил руками, указывая в сторону, откуда появился.
«Там!... Там... товарищ майор!.. Пленных вэдут. Человек двести!»
«Чи?» — спросил я, решив, что вышли к какой-то нашей части, которая захватила немецких пленных.
«Нашие. И охраны человек дэсят... Нэ больше...»
«К бою!» — крикнул Слизкий и выхватил из кобуры пистолет.
«Объясните толком, сержант», — попросил Косаревский.
«Колонна — человек двести. И охрана... Тут от нас метров пятьсот... Як неожиданно вдарить!..»
«Собаки есть?» — спросил я.
«Якие собаки!? Просто так идут!»
Все — в ружьё!
Лес стал редеть. Сквозь прогалины увидели дорогу, желтеющее поле.
Колонна медленно брела. Я навел на лица бинокль. Люди о чём-то разговаривали между собой. Кто-то даже смеялся. Казалось — вовсе и не пленные. а просто так бредут куда-то...
«Я стрельну с поля, — сказал Амвросий. — А вы уже потом...»
Взял с собой троих бойцов и побежал по кромке леса, обминая сосны. Я увидел, как четыре тёмные фигуры выскочили далеко впереди на дорогу, исчезли во ржи.
Когда колонна изогнулась по форме дороги, с поля прогремели четыре выстрела. Охранники, что были ближе к нам, пригнулись и бросились в лес. Прямо на нас... Ещё пять выстрелов... И на дороге остался один часовой с поднятыми руками.
Мы выбежали радостные...
Но ответной радости не увидели.
Бойцы смотрели на нас почему-то равнодушно. Один спросил:
«Куриць есть?»

«Нет», — ответил кто-то.

На этом любопытство колонны к освободителям иссякло.

Немца обыскали. Отобрали автомат. Нашли металлический портсигар и пачку сигарет. Обшарили убитых. Сняли с них часы.

Колонна курила...

Павел Митрофанович принялся жарить лук. Поставили вариться картошку.

— Курево досталось и моим, — сказал он, перемешивая лук на сковородке. — И так смешно. Смотрят на сигареты и не могут понять, какой стороной в рот сунуть. К папиросам привыкли... Один достал из кармана кусок газеты. Скрутил козью ножку,⁹⁹ разорвал сигарету, табак высыпал в газетную чашку.

— Что сделали с пленным? — спросил я.

— Если бы в мобилизационном порядке — сдал бы особистам. А в лесу, что с ним делать? Не гнать же его перед собой до самой Москвы... Шлёпнули, как теперь в кино говорят...

Правда, Косаревский успел допросить. Слизкий все вопросы и ответы чернильным карандашом записывал в свой блокнот... Весь рот облизывал синькой.

— А почему допрашивал Косаревский, а не особист. Это ж его дело?

— Потому что только Косаревский умел быстро разговаривать, — сказал старик. — Потом объяснил, что немец тот на южно-баварском диалекте разговаривал...

— А особист что? Который с вами от кавалеристов ушёл?

— Да он на второй день и от нас сбежал... — заметил Павел Митрофанович. — Комиссар приказал построиться всем. Спросил старшего. Вышел здоровенный малый. Представился.

«Як сталося, шо вы сдались у плен?» — спросил Слизкий сурово.

«Мы нэ сдались, товарищ...» — здоровяк стал угадывать звёзды на рукавах комиссара.

«Батальонный комиссар...»

«Мы пошли в атаку, товарищ батальонный комиссар. Половина убила. А мы остались. — Здоровяк говорил и улыбался.

«Чего влыбаешься!?» — грубо крикнул Слизкий.

«Я не влыбаюсь... Из измальства такой...»

Тут вмешался Косаревский:

«Оружие взять. Организовать похоронную команду. Солдат противника похоронить. Остальным привал».

Через часа два снова всех построил.

«Кто знает здешние места? — спросил он.

Бойцы молчали.

«Дозвольте, товарищ майор... — детина сделал шаг вперёд. — Вы спросить... кто хочет из вами идти? Хай идуть. А мы тут из людямы поразмыслылы... И воювать за совдепы не будэм. Так вы идить без нас».

Я успел перехватить руку комиссара, которая ринулась в кобуру.

Здоровяк опустил на траву немецкий автомат. Повернулся к

99. Козья ножка — бумага, свёрнутая по форме курительной трубки (жарг.).

строю. Кто-то передал ему винтовку. Он положил её перед собой на землю. Рядом выложил ручные часы, которые сняли с убитых немцев. Из строя вынесли еще три винтовки и сложили в кучку.

«Мы пошлы», — сказал здоровяк и двинулся по дороге. За ним потянулись другие.

Возле трофеев остались восемь человек...

Павел Митрофанович снял с огня казанок. Поставил на стол тарелки. Насыпал борщ.

— Это должно быть вкусно...

* * *

— Шли три дня еще, — сказал старик, когда мы улеглись в палатке после обеда. — Косаревский то шагал рядом со мной, напевая какую-то мелодию, не разжимая губ, то уходил вперёд, то отставал. Слизкий же всё время плёлся за ним на расстоянии, будто преследовал, как росомаха. Не приближался, но и не отставал.

Амвросий как всегда успел сбегать на пяток километров вперед и вернуться.

«Куда мы идем?» — спросил я.

«До моей мамы».

«Это же не к Киеву!» — возмутился я. Меня переполняла уверенность, что Киевский укрепрайон — бетонные доты в крутых берегах ирпеньской поймы — непреступная стена...

«Якая разница?» — сказал Амвросий деловито. — Немец сейчас кругом. А дома всё узнаем. Мать не сбрешет. И пройдем... Чи в Киев, чи аж в самую Москву».

Я подошёл к Косаревскому. Рассказал, что удумал Амвросий.

Ку-Ка подозвал Амвросия.

«Долго идти к твоим?»

«Думаю... — Амвросий помолчал. — Утром попадем».

И действительно. На следующее утро после двух часов перехода вышли к широкому лугу с болотцем, за которым в лучах августовского солнца из зелени садов вырывались струи дыма.

«Вы ждите тут», — сказал Амвросий.

Сбросил на землю вещмешок. Из противогазной сумки достал серую косоворотку и фуражку-восьмиклинку. Снял гимнастерку. Переоделся.

Все с удивлением стали переглядываться. Штатская одежда у сержанта среди войны?.. Даже комиссар, шедший последнее время молча, и со стороны казавшийся побитой собакой, не выдержал и с возмущением выкрикнул:

«Это шо значыть, сэржант Туркот?!»

Амвросий не реагировал. Долго прилаживал одежонку, точно собирался на свидание.

«Сэржант Красной армии!..» — продолжал возмущаться Слизкий.

«А вы с ним вместе сходите, — неожиданно перебил его Ку-Ка, ехидно ухмыльнувшись. — Только звезды¹⁰⁰ с рукавов не срывайте, чтоб вас уже издали узнали...»

---

100. Звезды на рукавах — отличительный атрибут формы комиссаров и политруков РККА.

«Як махну чем от крайней хаты... — перебил Амвросий, — хдить мымо... А як всё нормально — хлопцам самосада принесу свежего...»

Напялил картуз и выбежал на луг.

Я следил сквозь стёкла бинокля за серой рубашкой, но скоро она растворилась в высоких стеблях болотной травы. Механически вынул из кармана свой «Мозер». ¹⁰¹ Стрелки застыли на седьмом часу. Забыл завести.

«Сколько времени?» — спросил у Косаревского.

«Сейчас глянем который час... — Он выбросил левую руку вперёд и обнажил запястье, на котором, как глаз циклопа блестела серебряная таблетка часов. — Половина девятого».

«Вы як думаетэ, товариш майор, — спросил из-за спины Слизкий, — есть фашист у селе?».

От неожиданности я даже вздрогнул. Понял, что сейчас всеми владело только одно желание — попасть в живой дом к людям. И каждый молил своего Бога, чтоб он услышал мольбы...

«Давайте помолчим, — предложил я. — Послушаем собак».

«Думаетэ, он вернётся?» — спросил комиссар, не понимая моего беспокойства.

«Кто? Немец?»

«Сержант. Может, просто сбежал?»

«Какая уж разница? — раздраженно сказал я. — Подождём ... и пойдём».

«Давайтэ пойдём, товариш майор!.. — нервно сказал Слизкий. — Передавать, як курчат!»

«Подождём, товарищ командир, — сказал кто-то из бойцов. — Обещал махорки свежей принесть».

Я смотрел на далекие крыши хат, а сам думал:

«Молодец Ку-Ка... Не приказал бросит курить, не укорял... А просто: «Просить у подчиненных командир не имеет права... А я бы попросил, наверное...» — Меня подсасывало желание закурить. Но я держался.

А Слизкий просил.

Бойцы стали раздеваться, греясь на солнце. Чесались. Косаревский последовал их примеру.

«Товарищ майор, — предложил коротконогий часовой, — давай тебя харашо чесать... Я умею».

«Своя Коробочка¹⁰² отыскалась, — засмеялся Ку-Ка. — Спасибо. Я уж сам. — Он прислонился к стволу сосны и принялся ерзать по ней спиной. Его лицо улыбалось от сладостного блаженства. — А тебя как зовут?».

«Хамзя, — и глядя на счастливое лицо Косаревского, сказал: — Харашо тебе, товарищ майор... На войне, чего не делай, всё харашо».

«А что плохо?» — Чесание развеселило Ку-Ку. Было видно — он готов говорить о чём угодно, лишь бы не прекращался процесс.

«На война?»

«Да».

---

101. «Мозер» — часы известной европейской фирмы.

102. Коробочка — героиня поэмы Н.В.Гоголя «Мертвые души».

«На война всё плохо».

«Ты же только что сказал — хорошо».

«Я говорил, што любой дело на война харашо. Плохо только, когда человек больной».

«А ты знаешь, какая самая приятная болезнь? — спросил Косаревский. — И какая — самая неприятная?»

«Самый приятный болезиень?» — Хамзя задумался, продолжая скрести себя ногтями по груди под натальной рубашкой.

«Самая приятная — чесотка, — сказал серьезно Ку-Ка, отходя от сосны. — Чешешь... и ещё хочется. А самая неприятная — геморрой. Сам не посмотришь и другому не покажешь».

Кто-то из бойцов рассмеялся.

Я молчал. Тоже не знал, что это за болячка такая.

«Где такой кемарой у тебя, товарищ майор, я не знаю, — сказал Хамзя серьезно, — а у меня такой белезень нет. На война самый плахой болезиень — про дом думать. Про жена, про мама».

Бойцы зашевелились: слова Хамзи задели всех за живое. Было понятно, что каждый нёс в себе, как святой груз, беспокойство о доме, оставленных без мужской крепкой руки жён, детей и стариков-родителей.

Только я не очень утруждал себя этим. Дома у меня не было. Жена была, но счастливо сбежала. Чуть живая мысль взблёскивалась вдруг — мать, отец, братья и сестра где-то живы... Но она, ничего не осветив и не согрев, угасала...

«Товарищ командир! — раздался окрик. — Смотрите!»

Я приставил к глазам бинокль.

По луку среди густой осоки и рогозы мелькала белая рубашка.

«Шагом марш!» — скомандовал я. И бросил за спину вещмешки.

«Это хто?» — подозрительно спросил Слизкий.

«Толя», — ответил я, узнав брата Амвросия.

«А если в болото утопнем? — настороженно спросил Хамзя. — Болото... как жена. Иё знать нада. Щупать...» — Снял гимнастерку и принялся ею размахивать, привлекая бегущего.

Гонец легко взбежал по угору, и, тяжело дыша, крикнул:

«Ароська приказал!.. Шоб уси шлы до села!»

«А ты кто?» — спросил комиссар.

«Толя, здравствуй. — Я протянул руку пареньку. — Немец где?»

«Нэ знаю. Позавчора приезжалы на мотоциклетах. А перед тым — на той неделе...»

«Что делали?» — спросил Косаревский.

«Приказалы, шоб старосту выбыралы... — Парень тяжело дышал и беспрерывно озирался на село. — Двух свиней взяли. И корову увелы... Идёмтэ уже. А то там мама на огонь казан поставили...»

Павел Митрофанович начал крутиться на постели.

— Завтра в магазин схожу...

6 мая

Старик разбудил меня.

— Давайте, попьём кофе, — сказал он, — и я пойду.

Я достал двадцатипятирублёвую купюру и передал Павлу Митрофановичу.

— Купите, что считаете нужным, — сказал я.

— А для вас задание — поймать несколько щук... Ну, хоть одну. Он оделся. Забросил за спину рюкзак и ушёл на просеку.

Я остался пить кофе. Долго сидел у стола в безделии. Достал радиоприёмник, взял спиннинг и ушёл на берег.

Тягал блесну и слушал радио. Московский диктор говорил, что в Политбюро новые люди и что в архангельской области готовятся сеять пшеницу... Попробовал поймать «Свободу». Но весь диапазон коротких волн трещал. Слышны были только голоса на арабском и китайском. Я поймал «Маяк».

Из глубины леса долетел испуганный крик соек. И вскоре на поляне появился Павел Митрофанович.

— Как рыбалка? — крикнул он мне.

— Хорошо!

— Что поймали?

— Трёх щучек.

— Тогда бросайте это грязное дело... Идите сюда... Я тут кое-что принёс...

Я оставил спиннинг. И выключил радио.

Старик выложил на стол несколько газет.

— Это для вас. Два последних номера «литературки».¹⁰³

— В магазине?

— Что вы. На почте. У заведующей взял... Пробовал позвонить жене. Не смогли связаться... Вы не проголодались? А я шёл и думал... сейчас приду и борщечка...

— Если пригласите...

— Приглашаю...

Мы присели у стола. Я достал коньяк. Мы выпили. И снова с хорошим откатом.

— Так на чём мы вчера с вами остановились? — спросил Павел Митрофанович как-то весело.

— Вас нашёл брат Амвросия, — напомнил я.

— Точно... В знакомом дворе на трёх камнях стоял огромный чугунный чан, накрытый деревянной крышкой. Под ним горело большое пламя, облизывая чёрные стенки до самого верха... Почти как у нас с вами...

Амвросий по пояс голый колот дрова. Увидев нас, он позвал:

«Борис!»

Из хаты вышел младший брат.

«Отведи народ по дворам, — приказал Амвросий. — Товарищ командир, а вы у клуню идти».

Борис поманил бойцов на улицу.

«Товарищ сержант, вы обещали махорочки...» — напомнил кто-то из бойцов.

Амвросий исчез в клуне и вынырнул, держа в руке небольшой мешочек.

«И газетку якую...» — попросил боец.

Борис вернулся в хату и вынес несколько газет. Протянул их бойцу. Тот деловито развернул одну, пробежался по страницам взглядом и отложил в сторону. Принялся разглядывать другую.

103. «Литературка» — Литературная газета.

«Давай уже! — недовольно позвали его. — Нашёл время читать!»

«Надо такую бумагу, — деловито объяснил боец, разворачивая ещё одну газету, — чтоб без Сталина...»

Слизкого передёрнуло. Он резко обернулся. Но боец положил газеты на лавку и пошёл со двора.

На крыльце вдруг появилась хозяйка. В чёрной длинной юбке, синей в жёлтый цветочек ситцевой блузке и белой косынке.

«Борысёнок! — сказала, глядя в спины уходившим. — Шоб все помылись! И бабам накажи — шоб всех выстирали. Передай — я сказала».

И снова скрылась в хате.

Борис и бойцы ушли. Газеты остались лежать на лавке у стены.

Амвросий заставил нас раздеться. Залез на чердак клуни. Постелил большую полсть и позвал наверх.

«Токо нэ курить тут! — приказал он. — Сено полыхнёт».

Сидим голые. Что ты командир полка, что начальник штаба, что комиссар... Да хоть сам господь Бог. Голые — все одинаковые. И если бы что случилось в этот момент, — налетели бы вдруг немцы, — командовать не получится. Никто слушать не будет голого, хоть ты генералиссимус Суворов или главнокомандующий Кутузов... Да хоть и сам Наполеон.

Сено пахло странно. Свежевысохшая горечь смешивалась с давно забытым, но таким манящим запахом. Я повертел головой по сторонам. На стропила под стрехой были повешены пучки табачного листа, точившие дурманящий аромат.

По лестнице поднялся Толя с миской в руках.

«Мама сказали, шоб с голоду не померли, пока голые...» — Он протянул нам миску. В ней лежали три больших куса чёрного хлеба, жменя зелёного лука и дюжина ломтиков сала.

Мы принялись есть. Лук был сладким. Хлеб ароматный, мягкий. Сало приходилось рвать зубами. Молчаливость и сосредоточенность делали нашу трапезу языческим священнодействием, словно мы не жевали, а клялись неведомому идолу.

Просидели на сене часа два.

«Слазьтэ! — крикнул Амвросий со двора. — Будэм бриться...»

Он стоял тоже голый. В руках держал опасную бритву и кожаный пояс.

Последним скоблил себя Слизкий, долго высматриваясь в маленькое зеркальце. Но всё равно оставил щетину на желваках.

Амвросий принёс большое деревянное корыто. Налил в него три ведра кипятка из чана. Толя поднял на журавле ведро воды из колодца и вылил в корыто. За ним — второе.

«Становись! — скомандовал Амвросий. Подхватил меня под локоть, поставил рядом с корытом. Окатила горячей водой. Принялся вымазывать чем-то синевато-чёрным. — Намажемся глиной. Она лучше всякого мыла... А вы, товарищ комполка, и голову вымазуйте. — Шлепнул на макушку грязь. — Толька, а ну помоги товарищу комиссару!

Вода лилась. Тела стали чёрными. Толя куда-то сбегал и вернулся с толстым дубовым веником. Долго парил его в кипящем чане. Потом разделил на две части. Одну половину отдал брату, вторую

вставил в руки Косаревскому.

Стегались дубовыми прутьями. Комиссар мутузил начальника штаба. Ку-Ка следом батожил Слизкого.

Смыли глину.

Толя вынул из колодца ведро воды и неожиданно вылил на меня. Я, как перепуганная молодуха, нервно завизжал, точно меня какой-то охальник бросил в крапиву. Досталось и остальным.

«Ще полчаса, — сказал Толя, — пока ходите голыми. Девоч у нас нету...»

На жердочках тына висело наше бельё.

Через час мы уже ходили в сухом. Правда, босые. Портянки оставили досыхать.

«А где матушка?» — спросил я.

«В хате. Книгу читать», — ответил Толя.

«Какую?»

«А у неё одна книжка».

Мы сидели в тени тына, наслаждаясь сладким ощущением чистого тела и легким ветерком...

Слизкий взял оставленные газеты и принялся читать.

«В Советском Союзе военное положение, товарищи, — серьезно сказал он. — Товарищ Калинин подписав указ... С двадцать второго июня... Товарищ Молотов по радио выступав. — Комиссар показал нам «Комсомольскую правду», где в четверть полосы был вляпан полупрофиль Сталина. — «Выступление по радио Заместителя... «Граждане и гражданки Советского Союза! Советское правительство и его глава тов. Сталин поручили мне сделать следующее заявление...» Эх! — с тяжелым сожалением выдохнул Слизкий. — Надо было красноармейцев оставить и прочитать! Никто ничего не знает».

«И мыла не надо, — заметил серьезно Косаревский, — вши после политинформации сами бы подошли...»

«Это як?» — недоуменно спросил комиссар.

«Читайте про себя, Филимон Кузьмич, — сказал Ку-Ка. — А мы потом прочтём».

Слизкий молча уткнулся в газету. Долго читал и отложил её. Принялся за другую.

Косаревский взял отложенную. Пересмотрел все заметки.

«Что вы ищите? — спросил я. Газеты меня почему-то не интересовали».

«Сообщения из Киева, — ответил он и с радостной артистической восторженностью, пропуская звуки сквозь зубы, прочёл: — «Свершилось неслыханное злодеяние...» — Замолчал и после долгой паузы добавил, хихикнув себе под нос, косясь на читающего комиссара: — Ура! Свершилось! — И вдруг прогудел, выдавив облегчённый взглас: — Фу!.. Наконец-то на нас напали!»

Поднялся и принялся одеваться. Сложил газету, сунул в карман галифе.

Мы тоже стали натягивать на себя одежду.

На крыльце появилась хозяйка.

Она скоро проплыла по двору мимо нас, легонько опустила голову, здороваясь, и открыв дверь погреба, скрылась в подземелье.

Вышла с двумя крынками, закрытыми беленькими лоскутами материи.

«Толя, — сказала она тихим голосом, — копани картошки людям. И дров до печи принеси».

Толя молча схватил лопату и убежал в огород. Принёс ведро картошки. Амвросий перехватил ручку ведра и ушёл в хату. Толя взялся за топор. Принялся колоть дрова.

Борис несколько раз уходил со двора, возвращался»...

Слушая старика, я монотонно готовил кофе.

— Вот я подумал, — сказал Павел Митрофанович, принимая чашку. — К вечеру схожу в лес за дубовыми ветками. Тут дуба не много, но есть. И к празднику устроим себе баню...

— Решили вспомнить? — спросил я. — Я с удовольствием. Вот только париться негде.

— Вы правы, вспомнил, — сказал Павел Митрофанович. — За всю войну я никогда не был столь беспечным, как в тот день. Жгучее солнце, ветерок. И никакой тебе войны, никаких немцев. Рай божий.

— И что же дальше? — спросил я, беспардонно подгоняя старика.

— А дальше?.. Будем готовить фарш из ваших щук.

— Павел Митрофанович, при чём тут фарш? — сказал я обиженно. — Пока мы будем месить, отпуск у меня кончится.

— Пустое, Юра. Сколько о войне не рассказывай... Да хоть по сто раз об одном и том же... Каждый раз всё будет по-новому... И конца и края не будет... Принесите рыбу...

Мы уселись разделять щук.

— Может, просто пожарим?.. Без всяких котлет.

— Как хотите, — согласился старик.

— Вы как счастливый ребёнок... — напомнил я. — В раю...

— Наконец Амвросий позвал нас в дом...

В хате пахло свежеиспеченным хлебом.

На дощатом столе — глиняные миски. Рядом — деревянные ложки. Посредине — чёрный чугунок, прикрытый полотенцем. Рядом — миска с хлебом и хвостами зелёного лука.

Мы сели. Я — рядом с Косаревским. Напротив нас — комиссар и Борис. У дальнего конца — Амвросий и Толя.

Хозяйка возилась у печи.

В доме за год ничего не изменилось. Только к портрету молодой женщины, что висел в простенке между окнами, прибавился портрет молодого улана в парадном мундире. Оба эти портрета укрывал большой белый рушник. В красном углу появились три иконы. И под киотом чуть багровела лампадка.

Хозяйка прикрыла печь заслонкой. Подошла к столу и, крестясь на образа, зашевелила губами. Я смотрел на неё, и мне казалось, что сам читаю молитву, которую выучил, повторяя за бабушкой, и без которой за стол не садилась: «Господи Иисусе Христе, Боже наш, благослови нам пищу и питие... Аминь».

Сыновья шептали что-то.

Косаревский шевелил губами. Нервно перекрестился.

Слизкий мучительно шарил взглядом по стенам и потолку, бо-

ряться с неловкостью.

Женщина осенила крестным знаменем стол и нас. Сыновья в ответ перекрестились.

Хозяйка уселась, взяла ложку.

И только после этого Амвросий сдёрнул с чугушка полотенце, и набросал себе парящую картошку. Мы последовали его примеру...

Павел Митрофанович бросил на сковородку несколько кусочков щуки.

— Свои харчи, хоть и полупустые, всё равно смачнее... Молодая картошка, приправленная свиным жиром, смешанная с жареным луком... Во! — Старик вознёс большой палец к небу. — Амвросий нервничал почему-то. Цеплял взглядом из-под лба то Бориса, то меня, ища поддержки и понимания. И не выдержал:

«Борис, чего сидим и молчим?»

«Не время», — ответил Борис, равнодушно жуя.

«Мать, товарищам командирам бы чуть...» — не унимался Амвросий. И было видно, что старается он не для себя, а для нас.

В сенях зашумело. Дверь отворилась, пропуская в хату высокого человека лет шестидесяти. На круглом лице между маленькими глазками лепился нос, напоминавший начавшее зреть яблоко. Его подпирали столбик седых усов. Он поздоровался, повесил картуз на гвоздь у косяка, обнажив большую загорелую лысину, напоминавшую прорубь на белом зимнем льду.

«Дядя Евсей, ходи до нас, — позвал Амвросий и подвинулся на лавке, освобождая место.

Гость присел. Глянул на стол и, проведя по лысой голове ладонью, выказал удивление:

«Ой, як немец нас испужал... Ой, испужал... Анкэведыстов так не боялысь...»

«Борысёнок, — сказала хозяйка, — сходи».

Борис вышел в сени и вернулся с сулеей, в которой плескалась зеленоватая прозрачная жидкость. Водрузил на стол. С мысника¹⁰⁴ достал глиняную миску, ложку. Проставил перед гостем. Лафетниками,¹⁰⁵ как стражей, окружил сулею.

Амвросий принялся томад`ить. Наполнил рюмки.

«За нас!» — Он поднял рюмку и протянул её в центр стола.

Звон стекла разлетелся по сторонам.

Выпили.

«Это чего?» — спросил я, не имея сил разжать зубы. Напиток оказался мягким, со вкусом знакомой травы, но очень крепкий.

«Бимбер, товарищ командир».

«Зелёный откуда?» — я продолжал судорожно хватать воздух губами.

«Зубровка», — с гордостью объяснил Амвросий.

«И сколько градусов?»

«Та кто б её мерил когда? Горить... и хорошо».

Слизкий выпил и не поморщился. Косаревский пригубил несколько раз, а потом залпом опрокинул содержимое в рот.

104. Мысник — полка для посуды. (южн.-русс.).

105. Лафетник — рюмка в форме многогранной пирамиды на невысокой ножке.

После второй в чугуны стали лазить активней. Шёпот вдруг загудел и даже вдруг заматерел.

У комиссара задергались желваки и морщины на лбу, уши стали жаться к волосам. Не выскобленная на желваках рыжая щетина, перемешанная с сединой, делала его еще больше похожим на заузданного мухортового.¹⁰⁶ Казалось кто-то невидимый за спиной дергает коня за вожжи.

Когда выпили по третьей, Слизкий поднялся и вышел в сени. Вернулся через несколько минут, поправляя галифе.

Амвросий громко попросил:

«А ну, Толька, сбегай».

Парень выскочил из-за стола, юркнул в дверь соседней комнаты и вынес на груди гармонь. Все шумели, не замечая его суеты. Но, умолкли, как только пальцы пробежали по пуговицам, выпуская из мехов на свободу весёлые звуки.

«А ну, давай, которую Борисёнок придумал!» — приказал Евсей. Толя перебрал лады и с гиканьем запел:

*Сидит Сталин на лугу,
Грызёт конскую ногу...
Ой, какая гадина
Советская говядина!..*

Мы нервно переглянулись с Косаревским, а потом громко рассмеялись.

Борис сидел молча, словно ничего не слышал и не видел.

Толя, пробежав по кнопкам пальцами, с гордостью запел:

*Ох, огурчики, помидорчики...
Сталин Кирова убил в коридорчике.*

И перехватив воздух, широко раскрытым ртом, он снова зазвенел:

*Самолёт летит,
Под ним проталина.
Порешили Кирова,
Надо бы и Сталина...*

Ку-Ка громко смеялся, обнажая ровные зубы. Амвросий гордо улыбался.

Борис же запустил ложку в чугуны, насыпал в миску картошку, и принялся равнодушно есть.

Слизкий нервничал. Его ноздри раздувало частое дыхание, а взгляд то стрелял в музыканта, то искал в пространстве опору. Рука переключивала ложку с места на место.

Я с опаской покосился на вешалку у двери. Там висели наши портупеи с пистолетами.

Толя снова растянул меха и, подражая голосу маленькой девочки, запел:

*Я маленька колгоспниця
Заробила грудодень.
Мати ходять без спідниці,
А татуся без спідень*

И уловив на лицах через силу сдерживаемый хохот, поддернул гармонь и уже своим голосом допел припев:

Ні корови, ні свині,

---

106. Мухортый — масть лошади.

Рідний Сталін на стіні...

И комиссар не выдержал. Вскочил и закричал:

«Против советской власти!?»

Гармонь екнула, срывая голос.

Косаревский перестал улыбаться и схватился за зажимы помочей галифе, точно удерживал себя от падения. Крик комиссара отшатнул его от стола.

«Ты, мил человек, зачем в чужом доме гадишь? — вдруг сказала хозяйка. — Тебя от вши обмылы, накормылы, а ты, як той боров, на стол из ногами зразу».

«Вы!.. Вы!.. — пробовал кричать Слизкий. — Фашиста готовы!..»

«Ты цэ немцу завтра крикнешь, — осадила его хозяйка. — А мы уже твоего крика не боимся. Як тебя кормять, так думаешь, мы забыли, шо вы людоловы?.. Мы двадцать лет молчали... Як человек молчить, значить, дуже не хочеть шоб про его думу влсть знала. И мовчать больше не будем. А если народ не хочеть, то вас уже не будеть. А дальше поглядим... хто из вас лучшее... Ты в тридцать третьем до нас с лопатой и пистолем пришов... Половину люда голодом в землю зарыв, а я тебя хлебом кормлю...»

«Я у вас тут нэ був!» — зачем-то крикнул Слизкий оправдываясь.

«А якая у том разница?» — сказал звонко Толя.

Хозяйка недобро глянула на сына, и он скукожился виновато.

«Ты куда зараз ходил? — спросила она с любопытством. — До ветру? Под тын или в хлев?.. А немец, твой дружок, из своими нужниками приехал... шоб не гадить, где не попадя... як ты»...

Павел Митрофанович отёр руки от рыбьей чешуи и, вздохнув, попросил:

— Налейте, Юра.

Я вспомнил первый день нашего знакомства. И стала понятна его недобрая реакция на моё нежелание организовывать в лесу туалет.

Мы выпили.

— Я думаю так, — сказал старик. — Сейчас полежим чуток. Потом сходим в лес за дубом. А вечером поджарим щуку и сварим рис... Да, мне начальница почты банку помидоров квашеных подарила...

— А что комиссар? — не очень интересуясь помидорами, спросил я.

— Комиссар попробовал выйти из-за стола. Перешагнул через лавку. И это вышло у него неуклюже. Он выругался матом со злостью...

И я не выдержал, вскочил и крикнул, не контролируя себя:

«Не заткнёшься, падла — расстреляю! Я приказ ещё не отменил!»

«И мне вы, товарищ батальонный комиссар, кое-что должны, — тихо, но твёрдо сказал Косаревский. — Не забыли?»

Слизкий покорно уселся за стол.

Хозяйка перевела взгляд на Амвросия и приказным тоном сказала:

«Ты, Аросий, гоны этих, — она ткнула рукой в нашу сторону, — до самых японцев. А из немцем мы сами справымся».

Женщина встала и вышла из хаты. И мы её больше не видели.

Лысый Евсей оставил ложку, поблагодарил всех, неспешно по-

дошёл к двери, напялил картуз и, повернувшись к нам, сказал:

«Завтра немэць до нас ставить своих битюгов... шоб мы их кормылы. Так вам раненько надо иттить. И не дразните гусёв... Ты, Аросий, из ными, чи останёшься?»

«Пойду, дядя Евсей. Вы ж слыхали, чего мать приказали».

«Тогда иди по дальней балке. Там брод немец насыпав через Ирпень. И никого нету. Зараз воды мало. Посуху переберётесь... На Брагин и Гомель нэ ходы. Припятъ не пустить... И немец там уже крепко засева... И храни вас усех Господь!»

Пнул дверь и растворился в сенях.

«Это кто?» — спросил я у Амвросия.

«Народная власть, — сказал он. — Старостой выбрали... Мама говорили, шо старый драпанул двадцать четвёртого. А жену и детей кинул...»

Павел Митрофанович поднялся.

— Пойду, полежу, — сказал он. — Усталость насела. А потом — за вениками.

* * *

Солнца уже давно не было. Даже за лесом. Над озером висела жидкая тьма. И совы почему-то не летали.

Только костёр выдавал присутствие жизни. Невысокое пламя освещало малое пространство вокруг.

Я сходил в палатку, принёс керосиновую лампу. Повесил на шесток. Зажёг фитиль.

Павел Митрофанович разбирал дубовые веточки, готовя веники.

— Чем закончился вечер у Амвросия? — спросил я, уже не отыскивая никаких удобных причин для разговора.

— Амвросий оставил ночевать комиссара в хате, — сказал Павел Митрофанович, усаживаясь у стола. — А нас подальше отправил. Загнал меня и Ку-Ку на сеновал в клуне...

— Начнём жарить щуку? — спросил я.

— Нужно?

— Так ведь помидоры... прокиснут.

— Уговорили.

На берегу я вымыл рис, наполнил чайник.

— И дальше? — спросил я, подходя к костру.

— Дальше... Ставьте на огонь рис. — Павел Митрофанович перевернул на сковородке кусочки. — Дальше?.. Лежали на сене.

Темень крепкая. Лежим, молчим. Я спрашиваю:

«А что вам должен комиссар?» — Слова о долге не шли из головы.

«То же, что и тебе», — ответил Косаревский.

«Мне он ничего не должен...»

«Приказ подписал?»

«Да... — нехотя ответил я. — Было, вроде, как на словах».

«На словах приказа по полку не бывает. А особенно в военное время?»

Я молчал. Никакого приказа я нигде не регистрировал.

«Не писал приказа ... — вздохнул понимающе начштаб. — Напрасно. Это моя ошибка... Я обязан был проследить».

«Могу написать. Все документы при мне. В противогазной сумке. И печать».

«Сейчас уже поздно. Надо было тогда... Прилюдно. Если Склизкий узнает — ты для него не командир. Пустое место. А командир должен свое слово держать. Другой раз не поверят...»

Ку-Ка набросил на себя шинель.

«А, может, это и к лучшему... Я, вот, подумал... Хорошо, что ты не подписывал приказ. Как только выберемся к своим, разлюбезный комиссар тебе этот приказ на шею привяжет, как камень. И утопит...»

«За что?»

«За то, что ты, сопливый командир полка, посмел не убояться всеисилия тех, кому служишь, — сказал Ку-Ка. — Бары холопам не прощают...»

«Он же людей невиноватых убил! Они правду сказали... Война! Ведь никто не разрешал!..»

«Как раз наоборот... — вздохнул Косаревский. — Именно разрешили. Даже приказали... Чтоб о двадцать втором июня никто и помыслить не смел. А кто рот раскроет — к стенке... Мы людей переодевали, а Склизкий в корпус сиганул. Хочешь знать зачем вызывали?.. Получил приказ стрелять без всяких обиняков... Потому твой приказ, товарищ комполка, ему был до самой фалды...»

Павел Митрофанович переложил кусочки шуки со сковороды в миску. На их место бросил новые.

— Я тогда не знал таких слов, — сказал он. — Обиняки... Фалды... А Косаревского точно прорвало...

«Нам такого распоряжения, слава Богу, отдать не посмели. Знали, что солдат этого делать не будет. А комиссар выполнит... Вспомни, как бегал он двадцатого июня точно ошпаренный, и требовал от тебя и от меня выставить патрули комендантской роты на дороге: «Люди убегают из города! Задержите!»

«Какая рота? Мы же всем полком капониры рыли...»

«У нас с ним разные задачи в этой жизни, Паша».

«А почему он не отходит от вас ни на шаг?»

«Потому что конверты у меня... Они совершенно секретные... А раз так — должны быть сданы в особый отдел или уничтожены... И не просто сожжены, а с составлением специального протокола, где указано, что никто их не вскрывал... И, ни дай Бог, они попадут немцу в руки...»

«Отдали бы кавалеристам. У них там особый отдел был. Протокол составили бы... И гора с плеч».

«Наивный вы телок, товарищ комполка. У кавалеристов таких конвертов нет».

«Почему?»

«Кавалерия — не танки. Она до Парижа будет два года скакать... А сейчас не восемьсот тринадцатый...»

«А что было в восемьсот тринадцатом?»

Косаревский рассмеялся тихо и сказал:

«Наполеона гнали. Вся Европа под русской конницей была... Если бы наши конверты оказались у кавалерийского начальства, они

бы их вскрыли обязательно. Им за это ничего, и нам с тобой — секир башка. И комиссару...»

«А комиссару за что? Он же не подписывал...»

«Будь мы с тобой сейчас в Париже, про конверты никто бы и не вспомнил, — сказал Ку-Ка, — А мы шагаем не по Франции, а плетёмся по своей земле и совсем в другую сторону от Европы. И у комиссара только одна задача — сдать конверты наверх по начальству... Чтоб ни одна душа... Ни своя, ни чужая в эти бумажки носа не сунула...»

Старик заглянул в кипящий рис. Поставил на стол трёхлитровую банку с помидорами.

— Начальница просила обязательно вернуть банку и крышку, — сказал он. — Дефицит...

— Чего голову сушить из-за какой-то крышки? Конверты?..

— Мы долго пролежали молча. Я чувствовал себя не командиром, а безмозглым щенком... И в собственное оправдание сказал:

«Надо было мне, действительно, приказ в журнал занести и отправить вместе с вами в дивизию. А лучше в корпус... Вы же были там. Пожаловались бы. Тем более комкор — ваш товарищ».

Косаревский рассмеялся себе под нос.

«Признаюсь, товарищ комполка, — Ку-Ка повернулся на бок ко мне лицом. — Я ездил в штаб дивизии не жаловаться на комиссара, а вытребовать разрешение — заминировать весь участок границы перед нами...»

«Разрешили?»

«Запретили даже думать... Они пограничников не для того снимали, чтобы мы с тобой своевольничали... А я, если придём к своим, попаду сразу под трибунал...»

«За что?»

«За то, что позволил тебе отвести полк на новое место без высочайшего приказа». Капитан в калошах это не спустит на тормозах... Он не только докладную Краусу на стол положил. Обязательно настрочил «своё понимание» в округ... Не известно, чем и когда всё это кончится, а донос не умрёт никогда... А вдруг и, правда, это я и ты начали войну? — Косаревский рассмеялся. — Он на коне... Мимо ока опричника не прошло...»

«Так немец весь наш летний лагерь перемесил... — Вырвалось у меня. — Все тылы... Вы же сами видели... От нас бы и мокрого места не осталось... — И боязно спросил: — А кто такой опричник?»

«Какой же ты, Паша, ребёнок, хоть и командир полка... Для них не важны люди и техника... Для них — не дай Бог кто-то усомнится в идее... А мы с тобой усомнились... А наш калошник на то и поставлен, чтобы наши мысли контролировать... Следить за мыслями... Вот он — опричник.»

«Кадры решают всё!»¹⁰⁷ — выпалил я заученную на политинформациях фразу.

«Для них самое важное — беспрекословное, бездумное выполнение приказа такими как ты... И я... Если не выполнил — полбеда.

---

107. Знаменитая фраза И.Сталина.

Нашлёпают по попе, как младенца... Беда в другом, славный командир полка — ты догадался о тайном, о том, что от тебя скрывали... Мы рытём капониров крикнули: «А король-то голый!..» И сразу сделались врагами советской власти».

Заправили рис жареным луком и маслом. Я сбегал к воде, вымыл рюмки.

— Я не знал, что за король, — сказал Павел Митрофанович. Мы выпили. — Откат нормальный... И спрашивать не стал. Пусть будет голый... Только я не против советской власти... тогда был...

А Косаревский лёг на спину, поправил под головой вещмешок.

«Хочешь, товарищ комполка, скажу, что хранится за семью печатями у меня под головой? В красном и сером конвертах?»

«Что?»

«Приказ. После начала военных действий со стороны германской армии полку надлежит отразить первую атаку и всеми имеющимися средствами во взаимодействии с полками дивизии и иными подразделениями Рабоче-крестьянской Красной армии нанести удар...» Или что-то подобное. — Поворочался и добавил: — Главное — чтобы первым начал немец, а не мы!..»

«Почему?»

«Разве может быть рабоче-крестьянское государство агрессором?.. На него нападают всякие там Чемберлены и Гитлеры. А мы ему отвечаем пятикратным превосходством... А вероломное нападение, — Ку-Ка выдернул из кармана газетку и замахал ею над головой в темноте, — чтобы у тебя в мозгах мысли лишние не возникали. Чтобы ты воевал, не задумываясь, кто эту войну организовал... И зачем».

«Так конвертов два».

«Приказ — в красном. А вот направление указано на карте, которая запечатана в сером...»

«Почему — в сером?»

«Потому — что толстый. А красный — тонкий».

«Помните, — сказал я, — должны были получить приказ из дивизии: «Гроза».

«Должны. А, может, его и отдали. Только выполнять его бойцы и командиры не захотели...»

«Так ведь давали присягу!»

«А ты помнишь присягу?»

«Ну...»

«И что ты должен делать?»

«Выполнять приказы правительства...»

«Ты должен защищать не отечество, а правительство. Вот Склизкий и калошник защищает... А Родина и правительство — две большие разницы, мой дорогой командир полка. Как говорил русский ум... «У нас теперь путают отечество с ваше сиятельство¹⁰⁸...»

«А двое поляков, которых расстрелял Слизкий — тоже приказ правительства?»

«Абсолютно!»

---

108. Цитата из Н. А. Салтыкова-Щедрина.

Я вскочил от удивления и сел.

«Успокойся, товарищ командир, — сказал Косаревский. — Не стоит комиссар, чтоб из-за него так переживать...»

Я снова улегся.

«Не говорил, Игорь Аркадьевич... Когда я отдал приказ сняться с лагеря и на новом месте рыть капониры, Слизкий влетел ко мне в кабинет и стал орать: «Вы что делаете! Это провокация! А если немцы узнает?! Шпионы толпами бродят! Не имеете права без приказа командования!..»

«Да, — хмыкнул Ку-Ка. — Не повезло человеку... Под двумя расстрелами ходит...»

«Почему под двумя?»

«Перед тем, как прибежать к тебе, он то же самое кричал и у меня в кабинете... А я ему ответил: «Ваше право доложить командованию... Но если что случится двадцать второго июня — пристрелю публично. Я имею на это право, как начальник штаба... за открытый саботаж и предательство во время боевых действий».

«Почему вы идёте с нами, а не в Киев? — спросил я. — Убежали бы, как все...»

«Мне нельзя, Паша, оставаться под немцем, — ответил Косаревский. — Пока неприятель передо мной, я знаю, что воюю за свою жену, двух моих девчонок... А уйду в лес... Если приду в Киев, точно уйду в лес... Буду бить немца и Слизкого. Немец мне неприятель, а комиссар — как вроде друг, товарищ и брат... Потом на меня натравят тебя с твоим полком... А ты в чём виноват?»

«Вы же в Гражданскую воевали», — с недоумением сказал я.

«Воевал до той поры, пока не оказался в полном дерьме... под началом товарища Фрунзе... Участвовал в переговорах с уральскими казаками... Уговорились... Они выходят из войны, складывают оружие... И идут пахать землю, как пахали...»

«А Фрунзе?»

«Как казаки всё сделали по уговору... он приказал всех воевавших арестовать...»

«И арестовал?»

«И расстрелял. Даже глазом не моргнул».

«Ведь был уговор!» — с негодованием выпалил я.

«О дружбе и ненападении?.. — рассмеялся Косаревский. — То же самое он потом сделал в Крыму... Но, слава Богу, меня уже там не было ...»

«Если мы в Берлин... В Париж... — сказал я. — Так не только немецкий... И французский учить бы... А Слизкий на уроки не приходил... Не понимаю».

Косаревский громко рассмеялся, прикрыв рот ладонью.

«Человек не любит, когда о его пороках узнают другие... Уроки в Красном уголке — для комиссара находка. Где соберёшь всех командиров сразу. К командиру полка попробуй не явись... Зато на занятия по-немецкому являться не обязательно... Все шпрехают... а он бумажки в нужнике разглаживает, которые после большой нужды командиров».

«Зачем?» — вырвалось недоумение из меня.

«Не попало ли дерьмо на фамилию товарища Сталина... В пере-

рыве между уроками командиры в туалет бегают... Это тебе не наша выгребная яма... Это всё по-польски... Тут — канализация... Отдавал приказ: «Бумаги только в корзинку?»

«Отдавал».

«На свою голову... И на мою... А Слизкий потом все эти бумажки просматривал и отмечал... Вот я его за таким занятием и застукал...»

Косаревский спрятал газету.

«Воевать с немцем и французом назначено нам с тобой, товарищ командир полка. А Слизкому — с нами... — Он вздохнул, натянул на себя шинель. И давая понять, что собирается спать, сказал: — До чего довели народ... Немец стал милее и желаннее своего барина... Наполеон об этом не мог даже мечтать». И сказал... «Когда в тоске самоубийства народ гостей немецких ждал».¹⁰⁹

Павел Митрофанович налил в рюмку на доньшко коньяк и выпил нервно.

— Я эти слова запомнил на всю жизнь. Они меня до сих пор пугают.

— Почему?

— Народ до сих пор кого-то ждёт. Непонятно кого, но ждёт... Магазиным хлебом свиней кормит и ждёт... Ну, да... Так о чём это я?

— Разговаривали на сеновале... — напомнил я.

— Да, да. Мы неприметно заснули...

Разбудил шум во дворе...

Рядом слева сопел Косаревский, а справа — Амвросий.

Что-то громко стукнуло. Раз, другой.

Амвросий подхватился. Слетел с лестницы. Я — за ним.

В раннем утреннем свете по среди двора темнела невысокая фигура.

«Товарищ майор...» — взволнованно зашептала фигура.

«Ты что здесь делаешь, Хамзя?» — спросил я.

«Очень жду».

«Кого?»

«Тебя, товарищ майор».

«Что случилось?»

«Идти надо быстро... Утро скоро».

«А где остальные?»

Хамзя молчал.

«Где остальные?»

«Ушёл. Совсем ушёл. Жрать забирал и ушёл».

«Вот суки!» — выкрикнул я.

«Зачем — сука? Не надо — сука, — тихо сказал Хамзя. — Домой пошёл. А дома воевать хорошо...»

7 мая.

Я встал рано. Принялся за чайник. Павел Митрофанович вышел следом. Долго возился у воды, забрасывая снасти.

— Как сказал Евсей, так и пошли — заговорил Павел Митрофа-

---

109. Цитата из А. А. Ахматовой.

нович без моей назойливой просьбы, когда сели пить чай. — Перебрались через Тетерев.

— Бог помогал? — спросил я.

— Не Бог. Скорее Амвросий был нашим Богом. Всё устраивал. Как-то лихо у него выходило отступать...

Дважды натыкались на немецкие разьезды. Слизкий, как видел немца, начинал дёргаться, требовал устроить бой... Какой бой, когда нас трое с пистолетами, Амвросий с трофейным автоматом и Хамзя с трёхлинейкой... О патронах я уже молчу. А комиссар на пули лезет.

К вечеру второго дня подошли к Днепру. От высоченного берега до воды — неширокая пойма, заросшая густым осинником.

Амвросий сбегал к воде. Вернулся озабоченным. Настороженно сообщил:

«Наших морэ по кустам. Усе ждуть вэчора. До ближнёго села, сказали, километра три... Пошли до воды».

Мы нырнули в кустарник. Шли друг за другом. Впереди мелькали чьи-то фигуры. Но никто не интересовал друг друга.

Берег у воды был высотой чуть больше двух метров.

Серая река стремительно неслась мимо, крутя чуть заметные водовороты.

Мимо пробежал красноармеец без знаков в петлицах.¹¹⁰ Слизкий хотел его окликнуть. Но тот зайцем скрылся в осиннике. Амвросий сорвался и побежал следом.

«Надо собрать народ, — тут же засуетился Слизкий, провожая взглядом убежавшего красноармейца. — Организовать оборону».

«А землю зубами рыть? — спросил Косаревский. — И от кого обороняться? Где неприятель, вы знаете?»

«Я запрещаю вам говорить — неприятэль! — крикнул Слизкий. — Это фашист!»

«Отчего так вдруг? — рассмеялся начштаб. — Вчера друзья не разлей вода...»

«Отставить! — приказал я, понимая, что начштаба соскочил с винтов, пока шли. — Чем препираться, лучше бы продумали, как через реку перемахнуть? Не зима. Льда нет...»

«Собрать коммунистов и комсомольцев, — сказал Слизкий требовательно. — Найты старшого по званию. Красноармейцы не имеют прав быть неорганизованными...»

«Редкий командир доплывёт до середины Днепра», — сказал Ку-Ка певуче.

«Почему? — строго спросил Слизкий. — Нам надо нэ до середины, а на тую сторону».

«Это не у меня надо спрашивать, — хмыкнул Косаревский. — У Николая Васильевича».

«В каком звании?» — спросил комиссар.

«Вы где учились, Филимон Кузьмич?» — спросил Ку-Ка, не скрывая раздражения.

«На курсах политработников», — с некоторой гордостью ответил Слизкий.

---

110. Знаков отличия в РККА не имели рядовые бойцы пехоты и кавалерии.

«Разве не говорили на этих курсах, что у Гоголя нет звания?..»

«Отставить! — приказал я, чтобы прекратить перебранку. И спросил: — Хамзя, ты плавать умеешь?»

«Нада, поплыву, товарищ майор».

«Так ты умеешь, чапаевец? Если надо!»

«Нет».

Вернулся Амвросий.

«Народ ждёт ночи, — сообщил он. — Тут местные мужики с лодками... Перевозят».

«Командир кто?» — спросил комиссар.

«Да якие щас командиры? — раздражённо ответил Амвросий. — Все сами себе командуют... Мужики тутошные хлеб брать не хотят. Денег требуют...»

«Какие деньги!?» — крикнул Слизкий.

«Те самые, которые у нас в мешке», — сказал Ку-Ка.

«Если не дадим, — добавил Амвросий, — может, и совсем не дождёмся. А за гроши нас первыми перевезут. Я договорился за десять тридцаток».¹¹¹

«Скоко!? — удивленно вскрикнул Слизкий. — Таких денег генералам нэ дають !»

«Из своего кармана будете платить?» — спросил Косаревский.

«Красноармейцев за деньги! За народные деньги!»

«Так война, товарищ комиссар, а не крамныця,¹¹² — сказал Амвросий. — У неё свой расчёт».

«Действительно, — сказал Ку-Ка, ухмыляясь. — Зачем платить за работу. Вместо денег запишем два трудодня. А деньги под рубашку себе набьём и поплывём пузом кверху. И потребовал: — Товарищ командир, выдайте сержанту Туркоту три тридцатки... Лучше четыре. Аванс. Чтоб другие не перехватили...»

Я выдал деньги.

«Только придумай, сержант, что-нибудь такое, чтоб не надули», — попросил Косаревский.

«Сделаем». — Амвросий скрылся в зарослях осинника.

Через полчаса он вернулся, счастливо улыбаясь и показывая рукой на запад.

На солнце, садившееся красным кровавым пятном за дальний холмистый берег, натягивало чёрную тучу. Она медленно наполнила на раскаленный диск и скоро вовсе поглотила его. Из далёка докатился слабый раскат грома. От реки налетел холодный порыв ветра.

«Надо рыть пещеру в берегу, — сказал Косаревский. — Промокнем — нам конец».

«Рыть чем?» — спросил Слизкий.

«Руками», — нервно ответил Ку-Ка. Соскочили к урезу воды и поманил меня.

Кожа реки вздулась от ряби и, казалось, что течение стало ещё быстрее. Ветки осинника над нашими головами изгибались, как шеи серых гусей, и громко шипели.

111. Тридцатник — купюра «три червонца».

112. Крамныця — магазин (укр.).

«Товарищ сержант, искал бы лопатку», — попросил Косаревский.

«Давайте десятку... — ответил Амвросий. — А лучше красненькую.»

Сержант взял деньги и убежал. Через минуту вернулся с сапёрной лопаткой.

«Продали, — сообщил он. — Ройте, а я побегу...» — И ничего не объясняя, нырнул в осинник.

Полотно грозового неба разрезала кривая змейка молнии. Ухнуло где-то далеко.

«Давайте рыть. Через полчаса ливанёт», — сказал Косаревский и принялся долбить берег, выбрасывая песок наверх.

«Нет, — сказал Хамзя. — Только через час».

«Откуда знаешь? — спросил я.

«Посчитал».

«Кого посчитал?»

«От молнии до грома двадцать... — деловито объяснил Хамзя. — К нам долго ещё. Час. И ветер в другой сторона».

«Откуда такие познания?» — спросил Ку-Ка.

«Конь пас, — ответил Хамзя. — Научился».

По урезу воды шёл Амвросий. Босиком. Сапоги нёс в руках. За ним — мужик в сером парусиновом плаще, резиновых броднях и в большой кепке.

«Товарищ командир, — окликнул меня сержант. — Вот человек. Он нас перевезёт».

«Как зовут?» — спросил я.

«Самусь Андрей...» — На вид ему было лет шестьдесят.

«Ты кто тут?»

«Огни ставил раньше... Бакенщик».

«Немец где?»

«Возле Асаревичей мост наплавили. Это за Припятью. Далёко».

«Почему там?»

«Луг большой. И с берега не надо прыгать, як тут».

«Не про то, — сказал Косаревский. — Почему именно у Асаревичей?»

«Там до чугулки ¹¹³ ближей».

«Чего?» — переспросил комиссар.

«До рельсов», — объяснил Амвросий.

«А она куда идёт?» — спросил Ку-Ка.

«Одна нитка на Минск. Другая — на Конотоп-Курск».

«У вас немец был?» — спросил Слизкий.

«Бог миловал, — вздохнул Самусь. — Немца нету пока. А своих прогнали.. Хлеб убрали. Зараз будем картошку копать всем селом».

«Человек денег просить, — сказал Амвросий. — Зараз же».

«Почему сейчас? — возмутился комиссар. — Перевезёт... и получить».

«А если на том берегу со мной чего станется?.. Убьют... Или перевернусь на обратном бегу... Деньги водяному не нужны. А так я до хаты отнесу... После меня польза какая останется. Если беда,

---

113. Чугунка — железная дорога (белорусс.)

то хозяйка внукам солоников,¹¹⁴ чи хлеба купить...»

«Ты и немца перевозить станешь?» — нервно заявил Слизкий.

«Як прикажутъ — перевезём, — спокойно ответил Самусь. — Теперь он хозяин. И не таскается по кустам, шо та гуска нэдострэ-ляная...»

Я выдал деньги.

«Як месяц выйде — я сразу до вас», — сказал перевозчик.

«Какой месяц? — возмутился комиссар. — Ночь чёрная кругом».

Молния вырвалась стрелой из чёрной тучи и уткнулась острием в землю. И следом покатила громовая волна.

«Гроза быстро пройдётъ, — заметил Самусь, пересчитывая деньги. — А вы ховайтесь у дырку»

И ушёл.

«А если надует?» — с опаской спросил я у Амвросия.

«Не, товарищ командир! — успокоил сержант. — Село рядом. Немца нету. Придём мы...»

Косаревский выпрыгнул на берег и принялся сооружать бруствер над пещерой.

«Зачем, товарищ майор?» — спросил Хамзя.

«Чтоб вода не на нас стекала, а в сторону, — объяснил Косаревский. — А то свод рухнуть может».

«Если в начале августа большой гроза, — зачем-то сказал Хамзя, — лето долгое будет. Весь сентябрь и даже октябрь»...

Павел Митрофанович побрёл не берег. Я подхватил посуду и пошёл за ним.

— Промокли, — спросил я, стараясь не потерять нить рассказа.

— Над головой гремело, — сказал старик, мостясь на чурбак возле снастей. — Молнии то слева, то справа, то над нами резали небо на части. И в короткие ослепительные мгновения, высвечивалась пустая река. Дождь хлестал. По сторонам от нашей норы двумя толстыми струями стекала вода.

Над нами ходили. Шлепающие шаги напоминали чавканье огромного животного, которое вышло на охоту...

И одна только мысль холодила сознание: «Не доведи Господь, чтобы обвалился песчаный свод...»

Молнии ушли, словно их унесло течением. Гром еще долетал, но все слабее и слабее. Дождь незаметно прекратился. Небо прояснилось. Проклюнулись звезды за рекой. С противоположного берега, из-за леса выплыл молодой месяц.

Подошёл Хамзя и протянул мне рублёвую купюру.

«Зачем?» — спрашиваю.

«Мой мама говорил... Если увидел молодой луна, что на стриженный ногтя похож, хватайся за рубель... Тогда их много будет».

На берегу зашумел народ. На фоне серой воды показалась большой чёлн, наполненный людьми. Он стремительно несся по стрежню и ушёл к противоположному берегу.

Я нервно теребил в руках денежку и смотрел вслед исчезающей лодке...

114. Солоник — картошка (белорусс.)

Вдруг из темноты вывернула еще одна и устремилась к нам. Брюхом она заползла на песок и остановилась. Перевозчик встал на корме, уткнув весло в дно.

«Двое на вёсла, — приказал он. — Считаем. Чтоб не больше дюжины. А то перевернёмся».

С берега к урезу спрыгнули бойцы. Двое самых шустрых уселись на весла.

Амвросий встал у носа и пропускал людей в лодку, считая.

Он подтолкнул меня в спину. Сам запрыгнул следом. Выхватил весло из рук гребца и принялся отталкиваться от берега. Его крыли матом оставшиеся на песке.

Народ в лодке стал шуметь, устраиваясь.

«Сидеть усем тыхо! — скомандовал Самусь. — Это — плоскодонка. Не любить, когда крутятся. Не успеете плюнуть, як у воде все... А чоботы¹¹⁵ на берегу менять бедэте. И гребти справно! В одно дышло!»

Самусь и двое на вёслах гребли споро. Лодка действительно была вёрткой. Казалось, вот-вот зачерпнёт бортом воду, которой не было видно, но она предательски шумела рядом.

«Не боишься?» — спросил я тихо у Хамзи.

«Не знаю, товарищ командир».

Через полчаса лодка уткнулась носом в берег.

«Пришли, добродии», — сказал Самусь.

«Спасибо, дед!» — выкрикнул кто-то, выскочив на берег.

«Про меня вспомнишь, як до божьей смерти доживэшь... Ото самое лучшее спасибо». — Самусь оттолкнулся от берега веслом и исчез в рёчной темноте...

Ожил колокольчик. Павел Митрофанович подсёк поклёвку... Сбросил окуня в садок.

— С первыми лучами стали разбираться... — Он наживил червя и, плюнув на него, забросил в воду. — Народу набралось на пару батальонов. Я приказал построиться. Артиллеристы, кавалеристы, танкисты...

— Кто командовал? — спросил я, натирая тарелку береговой грязью.

— Как-то очень странно вышло. Командиров, вроде, много. Только настоящих — раз два и обчёлся. Майор-артиллерист, капитан пехотный и Косаревский. А остальные — политруки. Человек тридцать звёздами сверкают... Я до сих пор не могу в голову взять... Как они в лодки первыми позаскакивали?.. Как убегать — они всегда первые... А командиром полка был только я?

Павел Митрофанович снова подсёк поклёвку. Но крючок оказался пустым.

— Два дня шли. Слизкий всё политруков усыкал. Требовал докладывать... Я не вмешивался.

Каждую ночь народ таял...

Чтобы не заставлял людей нервничать — никаких перекличек...

На третий день вышли на огромное поле, засеянное подсолнеч-

---

115. Чоботы — сапоги (укр.)

ником. Лес его подковой стягивал. Через поле пробита кем-то широкая дорога ... Тихо. Солнце сияет... Оценили. Решили идти.

И чёрт меня попутал... Отправь разведчиков вперёд... Нет! Пошли гуртом... Вошли в поле... И тут нам со всех сторон пулемётные очереди...

— Погодите рассказывать, — попросил я. — Сейчас отнесу посуду...

— Ждали нас, — продолжил старик, когда я вернулся. — Видать, мы не первые были тут... И специально дорогу протоптали, как заманку... А вы, Юра, бросайте... Не сидите.

— Как выбрались? — спросил я, взяв спиннинг.

— Остались лежать в подсолнечнике... — сказал Павел Митрофанович. — Слышали — то слева, то справа ходят.

«Sehr gut fur heute! Der Hauptmann wird zufriedener sein».¹¹⁶

Лежим втроём. Ветер по жёлтым головам подсолнечника пролетит, а нас какая-то сила в землю вдавливают. К каждому шороху прислушиваемся. А я всё больше к тому, что от леса долетает. Думалось — это Косоревский идёт, ломая стебли. Но к вечеру пространство между лесом и полем заполнилось треском мотоциклов. Они тарахтели до темноты.

И стало понятно, что назад нам ходу нет. Только вперёд...

Дождались ночи и как ежи... Десять шагов сделаем и стоим. Луну проклинаям. Она, хоть малым серпом, а как назло, посреди неба. И хоть плач...

— А немец куда девался?

— Довольный ушёл спать, наверное, — сказал Павел Митрофанович. — Мы переползли поле.

Потом ещё два дня шли. Теперь уже всякие заманихи обходили...

* * *

На рельсах стоял состав. Из трубы паровоза шёл чёрный дым. На платформах — гаубицы без маскировки, тягачи «Коминтерн».

«Товарищ командир, надо выяснить, куда идёт поезд», — сказал Амвросий.

«Эх, если бы в Казань», — заметил Хамзя.

Амвросий вышел из леса и медленно пошёл к насыпи. Повертелся у платформы и принялся махать рукой, призывая нас.

Мы подошли. Вдалеке под парами стоял паровоз в ожидании. Из-под передних колёс вырывался белый пар. На насыпи суетились тёмные фигуры.

«Сейчас пойдёт», — волнуясь, сказал Амвросий. — Открыл поддувало».

«А куда он?» — я стал всматриваться вдоль состава.

«Садимся! — потребовал Амвросий. — Куда-то привезёт. Охраны нету. Значит — от войны». — Запрыгнул на платформу и протянул мне руку.

Состав дёрнулся и без сигнала тихо покатил.

Мы уселись у невысокого борта платформы на доски между дву-

116. Сегодня хорошо. Капитан будет доволен (нем.).

мя гаубицами.

«Молодец», — подумал я о человеке, который приказал отвести эти широкогорлые пушки в тыл.

Поначалу было приятно. Прохладный ветерок хватал за шею. Но потом холод стал пронизывать все тело. Не помогала и шинель.

«Дуба врежем», — сказал Амвросий, увидев, как я ежусь от холода.

Он поднялся и перебрался на соседнюю платформу. Вернулся минут через десять.

«Пойдём, товарищ командир, — сказал он весело. — Штабной автобус нашёл. Надо только дверь выломать... Или стекло разбить».

Прошли три платформы.

Знакомый автобус. Точно такой же, как наш полковой.

Амвросий долго ковырялся у двери.

«Давайте стекло бить, — предложил он. — Бо змерзнэм, як ти цуцьки».

«Зачем машина ломать? — сказал недовольно Хамзя. — Нож давай, товарищ командир».

Амвросий вынул из вещмешка нож и передал Хамзе.

Тот вставил лезвие между дверью и корпусом автобуса. И резко поддернул кверху. Дверь отошла.

В автобусе было тепло. Стол. Два топчана. У стенки — радиостанция.

Пошарили по сусекам. Пусто.

А поезд набирал скорость. Мелькали какие-то полустанки, белели хаты под соломенными крышами...

«Давай кушать, товарищ Аросий, — сказал Хамзя. Вышел из автобуса. И через секунду вскочил назад, и призывно закричал: — Товарищ командир! Ходи суда быстра!»

Мы выскочили на платформу.

Поезд стучал по большой рельсовой дуге.

А в километре от хвоста, железную дорогу пересекала танковая колонна. Один в колонне развернул башню и выстрелил нам вдогон. Земля взорвалась у насыпи недалеко от паровоза.

Но тот только прибавил ходу...

«Хто рано встаёт, тому Бог даёть... — сказал Амвросий, отрезая кусок хлеба от буханки. — Опоздай на десять минут... и конэць нам! Правду говорил Самусь... Переправился немец через Днепр...»

«А ты, Хамзя, почему не сбежал с остальными?» — спросил я, разжевывая хлеб и заедаая луком.

Тот глянул на меня, но ничего не ответил.

«Чего молчишь?»

«До Казан ещё не дошёл мой».

«А хочется?»

«Очень хочется, товарищ командир».

«У тебя хата большая?» — спросил Амвросий.

«Большой. Двенадцать человек...»

«Я не про братьёв и сестёр... Про дом. Про крышу».

«Нет. Двор большой. А дом маленький».

«Почему маленький?»

«Нельзя большой».

«Почему? — спросил я.

« Раис¹¹⁷ не разрешает. Говорит — яман¹¹⁸ нельзя быть».
 «Я думал — ты в самой Казани живёшь?» — сказал Амвросий.
 «Нет. Ночь на лошадь едешь... И — Казан».
 «Почему ночь?»
 «И ещё полдня. А это у нас не считается...»

* * *

Колёса монотонно стучали на стыках. Вечерело. Солнце августовское поугасло.

Поезд замедлил ход и пополз еле-еле. Выросли плетёные изгороди, сады, из зелени которых выбивались крыши с дымоходами.

По насыпи шла женщина с корзиной за спиной.

«Шо за город, тётка? — крикнул Амвросий. — Бахмач чи Конотоп?»

«Курськ...» — долетело с насыпи.

Поезд стал тормозить. Мы взялись собираться.

«У тебя документы есть?» — спросил я у Хамзи, затягивая португалею.

«Есть». — Он порылся в кармане гимнастёрки и вытащил какую-то бумажку, сложенную вчетверо. Развернул её и протянул мне.

Это была расписка.

«Выдана Хамзе Айсину одна тысяча шестьсот килограммов фаражного овса для кавдивизии...»

«Так это же расписка, — недовольно сказал я. — Кто тебе поверит, что ты... Айсин Хамзя?»

«Там написано для кавдивизии...»

Я вынул из вещмешка заветный капшучок,¹¹⁹ из него бланк увольнительной и, споняв химический карандаш, заполнил:

«Выдана красноармейцу Айсину Хамзе ...»

«Как твоё отчество?» — спросил я.

«Нету, — удивленно сказал Хамзя. — Зачем?»

«... с правом покидать расположение полка с 8-00 до 20-00 21 июня 1941г».

Долго дышал на печать и шлепнул на бумажку.

«С такой бумажкой ты теперь генерал», — засмеялся Амвросий.

«Запомни, что полк стоял в городе Берзе, — сказал я. — Берз. Повтори...»

«Берз... Очень запомнил... Зачем мне твой бумага?»

«Ты же дезертир», — объяснил я.

Айсин сник. Втянул голову в плечи. Смял кожу на лбу. Мне показалось, что этот двадцатилетний парень впервые задумался над своей участью. И спросил:

«Кто я у тебя, товарищ командир?»

«А что ты умеешь делать хорошо?»

«Чего скажешь... Всё...»

«Ты кем в кавдивизии был?»

«Сено для коня ехал?»

117. Раис — председатель, начальник (тат.).

118. Яман — мироед (тат.).

119. Капшук — маленькая сумочка, наподобие большого кисета (укр.).

«Фуражир... У меня в полку коней нет. А что ты в своей деревне делал?»

«На трактор ехал».

«А почему в кавалерии?»

«Что татарин. Татарин положено с конём быть...»

«Тогда ещё... Запомни! Ты служил в комендантском взводе. Охранял штаб танкового полка. Ясно?»

«Очень ясно. — И задумавшись, сказал, тяжело вздохнув. — На войне лучше, чем дома».

«Почему?» — спросил Амвросий.

«Кормят хорошо, — объяснил Хамзя. — Даже два раза... А человеку всё равно умирать».

Поезд прошёл мимо большого здания станции и заполз в какой-то тупик.

Вдоль поезда стали ходить люди, громко разговаривая.

Мы спрыгнули на землю. И сразу: «Руки вверх!» Лейтенант и два красноармейца. Спесивые... Повели в комендатуру.

Комендант — худой, щуплый полковник с густыми бровями, в круглых очках на утином носу.

Я доложил. Предъявил документы. Выложил на стол перед полковником полковое знамя, печати и деньги. Написал объяснительную. Попросил расписку за сданные предметы.

«Отведите этих диверсантских гадов!» — только и рявкнул комендант зло. И крутит перед глазами немецкую флягу, ухмыляясь. — А к стенке вместо расписки не хош, гнида?

И тут, наяву, я увидел всю глупость дутой бдительности, переполненной ненавистью к людям. Она красовалась передо мной в форме полковника. Хотелось крикнуть этому государственному филёру, что вооружить стеклянной флягой солдата можно, только ненавидя этого самого солдата.

Отобрали оружие, портупею и часы. Отвели в подвал.

Меня поместили в отдельную комнатку. Где были попутчики — не знаю.

Лампочки в камере нет. В двери дыра с решёткой. Свет из коридора... Нащупал топчан... Утром принесли еду: похлёбку из капусты и хлеб. Такое же принесли на следующее утро... И на третье... И на четвёртое...

— Как определяли время?» — спросил я.

— Принесли харч — начинается новый день, — объяснил Павел Митрофанович. — Каждый раз другой солдат приходил... Комендатура. Дисциплина. Менялись... Да, забыл сказать — в нужник выводили сразу после еды. Чтобы от комендантских деликатесов не нагадил в камере.

На пятый день прибежал лейтенант. Тот самый, который сцапал нас на вокзале. Спесь где-то припрятал. Спину гнёт и руку выше козырька заламывает.

«Товарищ майор... — дрожит голосом, — к товарищу полковнику...»

Захожу. Очкарик из-за стола вскочил, будто только сел на вилы. Руку мне жмёт своими пухлыми... На столе лежит моя портупея с кобурой, аккуратной стопочкой документы... Он портупею чуть

ли не сам на меня одевает, как лошадь запрягает. Телеграмму под нос тычет.

— Откуда такая любезность? — спросил я.

— Комендант донесение по инстанции отправил, — пояснил Павел Митрофанович. — «Задержал группу диверсантов с невероятным прикрытием! Полковое знамя, печать полка... При шпионах обнаружены немецкие алюминиевые флаги...» И получил полный обвал!.. Приказ из Москвы! «Немедленно в Автобронетанковое управление к самому Федоренко!»¹²⁰ Срочно!

И я понял, что телеграмма из Москвы делает меня сильнее и важнее коменданта.

Я взял документы и спрашиваю:

«Где у вас баня, товарищ полковник?»

Комендант смотрит на меня, как на идиота. Какая баня, когда немец вот-вот нагрывает? А потом как крикнет: «Иванов!» или «Сидоров!» Вбежал лейтенант. «Помыть товарища майора!»

В подвале нашлось что-то похожее на помывочную, два ведра кипятка, три — холодной воды и огромный кусок серого хозяйственного мыла...

Старик вдруг громко рассмеялся.

— Я его конфисковал для порядка... Принесли бритву и новое нижнее бельё и мундир.

— Новый, новый? — с удивлением переспросил я.

— Абсолютно. С пустыми петлицами, правда. Я шпалы перекрутил со старого...

Захожу в кабинет. Полковник мне:

«Вот ваши проездные документы... Поезд в половине одиннадцатого вечера. Ходит только ночью. Сами понимаете. И следом за документами протягивает вещмешок. Тоже новый. Из сейфа вынул «тэтэ». Добавил две обоймы... И «Мозер» вернул.

«Где мои товарищи?» — спрашиваю.

«Они уже далеко, — отмахнулся лениво полковник. — Да и не ваше это дело. Поезжайте в Москву...»

«Моё!» — сказал я резко. И вспомнился разговор с начальником танковой школы. Видимо в голосе и во всем виде было что-то свирепое.

«Они на сборном пункте. У нас формируется стрелковая дивизия».

«Какая из танкиста пехота! — закричал я. И только в тот миг понял, что за какие-то три месяца я прирос к этим двум людям и без них чувствовал себя ребёнком, ставшим вдруг сиротой. Сбавил обороты и мягко, уже по-дружески, добавил: — Эти люди вывели меня из окружения. И знамя вынесли... И двое не спасут положение в стрелковой дивизии... Пошлют в какую-нибудь холеру... И загубят хороших разведчиков. А разведчиков не делают... Ими рождаются... — И кто-то с неба мне подсказал: — Как и настоящими особистами».

Я ещё сказал, что если опоздаю в Москву не по своей воле... Правда, это было пустое сотрясение воздуха. Но оно dokonало полковника.

Он написал на бумажке фамилии, поставил печать. Позвонил

120. Федоренко Я. Н. — генерал-полковник, в 1941 г. начальник Главного бронетанкового управления РККА.

куда-то со словом: «Отпустить!»

«И постарайся уехать сегодня, майор, — сказал комендант, протягивая распоряжение. — Будет полупоезд, полутоварняк»...

* * *

Времени у меня было до поезда хоть отбавляй. Шёл куда-то за город. Знал, что нужно найти какое-то Лётное поле.

Нашёл. И меня взяла оторопь... Колочая проволока в два ряда на деревянных столбах. И столбы свеженькие, только-только ошкуренные, белым обглоданным маслом блестят на солнце. Между рядами конвоиры с собаками. А за проволокой народу нагнано... На добрых две дивизии. Кто в военной форме, кто в гражданском... В военной больше. Курят. Равнодушно глядят по сторонам.

В комендантской будке предъявил бумажку. Долго читали, перезванивали. Проверяли мои документы. Снова перезванивали. Наконец, послали лейтенанта в толпу. Минут через десять привели Амвросия и Хамзю. Еще полчаса оформляли бумаги.

«Распишись майор, за товар», — сказал капитан с презрительным неудовольствием.

Отошли мы от лагеря далеко. И вдруг как бросимся обнимать друг друга.

Айсин даже заплакал:

«Товарищ майор, спасибо тебе, што человека не забыл. Хамзя для тебе всегда настоящим будит...» — Ловит мою руку.

«Чего делаешь? — Со смущением и неловкостью я выдергивал ладонь из его коротких пальцев.

«Целовать надо...»

И всё у него неуклюже выходило. Он, должно, никогда не целовался даже с матерью...

Я спрашиваю:

«Как вы тут оказались?»

«Целый день допрашивали, — объяснил Амвросий. — Хамзя — завербованный! Потому шо покинул расположение полка двадцать первого июня. Вы, товарищ командир, сами ему такую бумажку написали... Бо з якого боку не возьмись — из него шпион, як из говна пуля. Одна вонь даже в мороз. По-русски только десять слов знать?.. Ну, а я — предатель. Требовали сказать, что вы, товарищ майор — командир диверсионной группы... И знамя полка нам у парашуте сбросили... разом с автоматом...»

— Колочая проволока зачем? — спросил я.

— А зачем приказ двести двадцать семь? Зачем заградотряды? — ответил Павел Митрофанович. — Чтобы не разбежались...

Он сходил к палатке, глотнул таблетку. Вернулся и, нанизывая червя на крючок, сказал:

— Сообщил я, что в Москву едем.

Амвросий спокойно воспринял известие.

«Одежку б поменять, — сказал он. — А то до Москвы не доедем».

— Вам же новую выдали перед двадцать вторым? — удивился я.

— На вид новая, а разметалась как-то быстро. Особенно шинель. Совсем не грела...

А Хамзя скривил свою злую рожу и говорит:

«Не хорошо в Москва. На Урал нада. Жалка, акча¹²¹ забрал Раис...

Штаны новый купить нада...»

Пришли в комендатуру. Комендант, увидев нас, не удивился.

«Документы для бойцов...» — попросил я.

«Нельзя», — сказал полковник.

«Тогда деньги верните!» — потребовал я.

«Они казенные!», — отрубил полковник.

«Деньги! — уже грубо сказал я. — Амвросий, Хамзя... Выйдите в коридор». — Проводил их взглядом и вытащил пистолет...

Комендант, увидев, что я расстегиваю кобуру и, услышав самый знакомый для его уха щелчок взведённого бойка, понял, что с ним не шутят. Конечно, он не поверил, что я выстрелю, но сообразил — шум из-за денег ему совершенно не нужен.

«Документы и... половину», — предложил я.

Комендант поднял из-под стола мой трёпанный вещмешок, нервно развязал шлейки. Выдернул из стола ящик, и стал переключать пачки из мешка...

— Много взял? — спросил я.

— Не знаю, — рассмеялся Павел Митрофанович. — Не считал. Думаю — половину...

— А документы?

— Написал. Куда ему деваться. Придёт немец в Курск или не придёт — не известно. А денег полон стол... Он и во сне таких не видывал... И чем быстрее я уйду, тем дальше он их перепрячет.

— Выходит, купили? — спросил я.

— Без выходит. Просто купил командировочное удостоверение сержанту Туркоту и красноармейцу Айсину.

Вышли во двор. Я с одним вещмешком за спиной и с другим в руке.

Нам знакомый лейтенант навстречу.

«Где можно раздобыть форму бойцам? — спрашиваю. — И оружие?»

Он оглянулся на вход в комендатуру, отозвал меня в сторону и зашипел:

«За дальним тупиком склад... Скажешь — от Филькина... Договорись?»

«А оружие?»

«Сколько даёшь?» — спросил он с явным желанием узнать, вернул ли мне полковник деньги.

«Красную пачку за две винтовки... и патроны», — предложил я.

«Пошли...»

Мы долго обминали составы, стоявшие в тупиках. Подошли к канализационному люку. Лейтенант отодвинул крышку.

«Прыгайте кто-то», — приказал он.

Амвросий сиганул в дырку и выбросил на поверхность две винтовки и цинковый ящик с патронами.

«Тут автомат немецкий! — крикнул он. — Кажись, наш...»

«Не-не-не! — взмолился лейтенант. — Патруль!..»

---

121. Акча — деньги (тат.).

«Нет! — сказал я. — Мы — в Москву, а не в лес».

Лейтенант схватил деньги, прикрыл крышку и на ходу крикнул:

«Впиши в карточку номера на всякий случай, чтоб патрули не придирались!»

Склад мы нашли быстро. Часовые не хотели никого слушать. Но Амвросий поделился махрой. Через пять минут появился интендант третьего ранга.¹²²

«Без разрешения коменданта нельзя, — деловито объяснил он, читая телеграмму из Москвы. — Не положено».

Я поманил его ухо к своим губам:

«Не пожалеешь. Отблагодарим...»

Интендант бодро вскинул голову, радостно сверкнув волчьим серым взглядом. Привёл в большой сарай. Хомуты, бочки, ящики... И главное — аромат. Такого воздуха я больше никогда не вдыхал... Повернёшь нос направо — карамель, патока. Налево — селёдкой разит. Чуть шаг вперёд — плохо выделанной кожей отдаёт...

«Какие размеры? — спросил интендант, когда остановились возле стеллажей с барахлом. — Вы кто?»

«Танкисты».

Павел Митрофанович долго рылся в ящике для червей.

— Кажется, наша рыбалка закончилась, — сказал он. — Червей всех поели. А копать сейчас тяжело. Будем ждать утра...

— Я попробую всё-таки что-нибудь поймать. — И метнул блесну. — А вы дальше...

— Вышли мы как новобранцы, — сказал Павел Митрофанович. — Ребята в новых гимнастерках и штанах... Шинели сменили и сапоги... В замен — две пачки красненьких тридцаток.

Пошли искать свой поезд...

Павел Митрофанович поднялся и сказал:

— Червей нет, а сидеть без дела не могу... Что-то оладий захотелось. — И предложил: — Будете оладьи?

— Давайте, — согласился я. Отложил спиннинг и пошёл за стариком следом. Мне было всё равно, что делать и что есть, лишь бы только слушать. Я чувствовал себя частью того, что слышал.

Павел Митрофанович принялся разжигать костёр.

— В, Москве, в комендатуре Курского вокзала я предъявил документы. Через полчаса мы уже ехали на трамвае в сторону Арбата. Дальше — пешком. Нашли какой-то переулок.

— Сивцев Вражек, — сказал я, только потому, что это название мне нравилось своей поэтичностью.

— Может, и Вражек. Так давно всё было, что и не упомнишь. Я в это самое бронетанковое Управление за новыми назначениями приезжал пять раз, а всё равно не помню.

Принимал какой-то полковник. Поблагодарил за знамя. Зачитал приказ, что я теперь подполковник и назначен на должность командира полка в дивизию, которая формируется под Владимиром. Отправил в соседний кабинет оформлять документы...

«Я не один, товарищ полковник», — осторожно сказал я.

122. Интендант третьего ранга — командирское звание по должности в тыловых частях РККА.

«Оставь. Им дело найдётся...»

«Я без них не поеду, — сказал я твердо, хоть и понимал, что кабинет в Управлении — не место для рассуждений. Приказы не обсуждаются. Но всё равно попробовал объяснить: — Пока я буду на новом месте искать себе адъютанта, шофёра и механика-водителя... Это неудобно... А в бою всякая мелочь — спасение».

Полковник долго смотрел на меня, о чём-то думая.

Потом снял трубку и сказал кому-то:

«Шофёра и охрану не надо... У него своя. — И у меня спросил: — Где твои?»

«Внизу».

«Как дела закончишь — идите в Рыбный переулок. Там будете квартировать. Там и накормят...»

Старик взялся размешивать муку в воде.

— Сидели в Москве целый месяц, — сказал он, наливая на горячую сковороду белую густую жижу. — Я в столовке харчевался по талонам, а они с базара... Как бары... Я на рынок ходил, еду покупал для них. На довольствие их не поставили. И знающий человек посоветовал — по улицам не шастать без причины, пока документы не оформятся. Патрули загребут — не отбредутся...

Мы съели оладьи, запивая крепким чаем.

Вечером, сидя у костра и жуя рыбу, он вдруг сказал:

— Если бы не деньги, Амвросий и Хамзя с голоду бы померли... В Рыбном переулке в подвале, как в келье монастырской...

— Что было под Тулой? — спросил я, заваривая чай. Мне хотелось услышать про Гудериана. За месяц перед тем я прочёл воспоминания этого танкового бизона.

— Ничего хорошего. Как и везде, — ответил старик. — Война зимой — дело дрянное. Стал, как клей. Случаем дотронешься к голому металлу рукой и отдираешь уже без кожи... А стрельба... Как говорят специалисты... изменение барометрического давления очень негативно влияет на баллистику... — И поймав мой вопросительный взгляд, пояснил: — В холоде — сплошные недолёты. Времени на пристрелку уходит в два-три раза больше чем летом, да и расход снарядов в двое, а то и в трое. А подвоз — хуже некуда.

Павел Митрофанович налил чай. Долго размешивал сахар.

— От полка остались только ошметки. — сказал он отхлебнув из чашки. — Правда, наступление с юга на Москву сдержали... После Тулы снова в бронетанковое Управление... Получил бригаду. Тяжёлую.

— А это что такое?

— Это, когда танков «КВ» больше половины... И артиллерии противотанковой втрое больше штатного расписания...

— Так это же хорошо. Можно воевать...

— Можно, — с ухмылкой ответил старик. — Послали оформлять документы. В финансовом отделе выдали бумаги на получение довольствия. Заглянул в них и всё понял: мне конец.

— Почему?

— Довольствие, дорогой мой Юра — главный показатель судьбы

на войне... Не танки, пушки и снаряды, а еда для личного состава... Если отписано семьдесят процентов от штатного — вы резерв главного командования. Если половина — ещё не решили, куда вас определить. А треть — норма смертника... Вот мне эту норму и отписали.

Я посмотрел с удивлением на Павла Митрофановича.

— Зачем лишние харчи, если нас отправляют на заклание? Главное — своей смертью прикрыть чью-то глупость... Как Тевье Райс¹²³... Или Александр Матросов. Только они в одиночку. Каждый сам, а мы целой бригадой...

— Бывает ведь разная война, — попробовал я возразить.

— Вы тоже читаете только телевизор?

Я замолчал. Взял коньяк и предложил Павлу Митрофановичу. Но он отказался.

— Так и поехали, с одной третью харчей? — Я выпил сам.

— Разумеется, — сказал старик. — Разгрузились в Россоши. Получили приказ — выйти к реке Оскол в район Валук. Вышли. Отдал приказ зарыться в капониры, как учил Косаревский. Танки — группами по шесть. На высоте устроили наблюдательный пункт. День ждём наступления немцев. Три дня прошло — стоим...

Вбегают начальник связи перепуганный:

«Какое-то начальство прётся!»

В клубах июльской пыли, не разбирая дороги, к нашему штабу мчались три машины — два вездехода и «эмка».

Остановились. Из «эмки» выскочил полковник, открыл заднюю дверь и остался стоять в позе благодарного швейцара...

Павел Митрофанович подлил себе чай.

— От таких визитов можно получить инфаркт, — сказал он, — или остаться зайкой до конца дней.

В пыль опустился лакированный сапог. А потом из чёрного нутра машины вылезли две большие маршальские звезды...

— Жуков? — спросил я.

— Жукову тогда до маршальства ... как нам до Луны, — рассмеялся старик, — Тимошенко.¹²⁴ За ним — генерал Гордов.¹²⁵ Из вездеходов, как из мешков, высыпалась куча, точно семечки, только в штабных мундирах.

— Почему вы так ехидно?

— Потому что командующий фронтом не имеет права лазить по переднему краю, — объяснил Павел Митрофанович. — Для этого есть батальонная и полковая разведка...

Я доложил. Но мой доклад мало интересовал командование. Заставили меня организовать разведку боем. Разведчики ушли на танках... Слава Богу командир разведроты знал проходы в нашем минном поле... Генералы тыкались носами у стереотрубы, оценивая

---

123. Райс Т. — красноармеец, который первым в РККА закрыл грудью амбразуру немецкого дзота в 1942 г.

124. Тимошенко С.И. — маршал Советского Союза. В 1941 г. — нарком обороны. В июне-июле 1942 г. — командующий Юго-Западным фронтом.

125. Гордов В.Н. — генерал-лейтенант, в 1942 г. командующий 21-й армией и командующий Сталинградским фронтом. Расстрелян в 1949 г. по обвинению в антисоветской деятельности

обстановку. Потом, о чём-то посоветовавшись, выругали меня за неправильную организацию обороны... Не по уставу... И выдали директиву: «Сдать позиции пехоте дивизии какого-то Петруши, а самому сняться, уйти на Дон и организовать там оборону переправы...»

Начальство умелось, а я поехал искать штаб этого самого Петруши...

Нашёл. Полковник лет на десять старше меня. Плотный, круглолицый, с наполеоновским чубчиком на большом лбу. Он немного косил левым глазом. И эта кривизна напрягала незнакомца и заставляла уводить взгляд. Казалось, что полковник одним глазом смотрит на тебя, радостно улыбаясь, а вторым забирается внутрь души сбоку и ковыряется в том самом потайном месте... где притаилась гадливость...

— Особая порода, — сказал я.

— Мужик — ничего! Дивизия — бывшие десантники. С тридцать девятого года готовились на планерах Европу с воздуха накрывать. А тут в воронежский чернозём пришлось зарываться.

За столом сидит, что-то пишет.

«Извини, — говорит. — Стихотворение сложилось. Допишу...»

— Он долго мне читал стихи, — сказал Павел Митрофанович. — Мы с ним сдавали и принимали позиции до утра... Оказалось, он в Испании воевал...

— Разве разрешали вести дневник на войне? — спросил я.

— Это особая статья, товарищ писатель, — сказал старик. — Я не знаю, как в других армиях, а у большевиков дневник бойца или командира приравнивался к измене родине... Фотоаппарат разрешался лишь корпусному замполиту. А газетный корреспондент мог фотографировать только в присутствии специального человека из особого отдела...

Он встал.

— Пойду спать. А про Дон завтра.

8 мая

Павла Митрофановича не было в лагере. Он появился с лопатой в руках и ящиком.

— После дождя червяк на солнце полез... Набрал десятка три.

— Когда будем делать баню? — спросил я.

— Когда угодно... Еда у нас есть... Я сейчас заброшу пару донок и начнём греть воду. Пока — солнце. А то на вечер нагонит туч...

Он ушёл на берег. Я принялся разжигать костёр.

Завтракали неспешно — чай и бутерброды с кусочками жареной щуки.

Павел Митрофанович взял пустое ведро и пошёл к озеру. Вернулся с полным. Поставил на огонь. Сходил ещё за одним.

Отвлёк звон колокольчика у озера. Старик сорвался и побежал.

— Сожрал червя, — сокрушился он, когда вернулся.

— И как на Дону? — спросил я, помня обещание.

— Через три дня вышли к Дону...

Берег высоченный, крутой, лобастобелый. К воде не подойдёшь. Берега — сплошные заросли камыша. Под молодыми стеблями старые коричневым настом в воду уложены... А за рекой зелёная бес-

крайность...

А над головами самолёты в эту даль уходят стая за стаей.

Встали у того места, где по предположению командования немец переправу будет устраивать. Берег действительно ломался, образуя провал. В него степь плоским языком сползала к воде.

Разобрались. Танки в — капониры, противотанковые орудия брустверами обнесли. В берегу у воды санроту и кухню обустроили...

Жара. А земля — камень. И не камень вовсе, а выкованный ракушняк какого-то миллионнолетнего моря. У сапёров и танкистов десять потов сошло...

В стороне, в трёх километрах, хутор...

Заехали на «виллисе». В один двор сунулись — пусто. В другой, третий... Остановились у большого дама под железной крышей. На крыльце сидел старик лет семидесяти в форменном картузе набекрень. Белые усы, только чуба казацкого нет.

Хамзя притормозил. И кричит:

«Живой есть?»

«Пока живой», — ответил казак.

«А народ где?» — спросил я.

«На войне».

«А бабы, дети?»

«Ты мил человек, чей буишь? Молодой ишо казаками командовать».

«Командир бригады. Тут бой завтра-послезавтра...»

«Мы привычные, — сказал равнодушно старик. — У нашего берега всегда война. В восемнадцатом кровушку пускали... В двадцать девятом мужики с чоновцами¹²⁶ крепко бились... Тут место заколдованное. Как храм на крови. Хорошо через Дон перебираться».

«Вот и немец сюда рвется».

«Тогда тебе за реку скорей... А от меня чего надо?»

«Штаб разместить».

«Тогда ходём», — Казак встал. И бодро хромая, засеменял по хуторской улице.

Хамзя остался, а мы пошли с Амвросием за стариком следом.

Миновали несколько куреней на вид добрых. Зашли на какой-то двор. У куреня стены белённые, камыш на крыше толстым слоем уложен.

«Вот тут тебе, командир само место, — сказал казак. — Не гляди, что баз пустой. И спать, и командовать самый раз. Жди. Хозяйка придёт».

«Так у меня ещё пять командиров», — сказал я, понимая, что курень много народа не вместит. — Куда всех?»

«Командир всегда должен быть один, — сказал старик. — Если командиров два — не армия».

Павел Митрофанович вдруг встал, ушёл в палатку и вернулся с пластмассовой коробочкой. Внимательно принялся копаться в ней, перебирая крючки, рассматривая оценивающе стальные поводки и

126. ЧОН — части особого назначения, карательные формирования, главная задача которых — отбор хлеба у сельского населения и подавление голодных бунтов.

грузила.

- Это что будет? — спросил я.
- Сам ещё не знаю. Думаю...
- Так вас немец в Дон сбросил?
- Вы когда уезжаете? — вдруг спросил старик.
- Десятого мая. Мне одиннадцатого надо быть в Москве.
- Билет есть уже?
- Есть, — зачем-то соврал я. — Поезд в пять вечера.
- Жаль, что так рано. Мои обещали двенадцатого подъехать.

Ну, два дня я перекантуюсь...

Он отложил коробочку, подбросил в костёр дрова.

— Если бы открутить годы назад — то я за войну, — С весёлой улыбкой сказал старик. — Я бы стоял на том берегу до сих пор... Есть вещи, Юра, о которых не только хочется вспоминать, а жить с ними...

Павел Митрофанович опустил указательный палец в ведро.

— Что-то наша баня не торопится... Давайте выпьем по чуть-чуть...

Я разлил коньяк. Мы выпили.

— Ох, откат нормальный! — Глаза старика вспыхнули бенгальским огнём — Помру я с вами, Юра. Вместо таблеток — коньяк... А на Дону крови было ой-ой-ой!

Три дня нас месили со всех сторон... Особенно с неба. Немец целил в танки, как снайпер. И «ванюши»¹²⁷ добавляли. Капониры не спасали...

— А хутор-то целый?

— Хутору повезло. Он от злосчастной переправы в стороне... И нам с хутором повезло... Вот уж, правда, кто первый, тот и пан... Мы расквартировались штабом... А на следующее утро нагрянула стрелковая дивизия. Её мне в придачу дали? Или — меня к ней? Фамилию комдива вспомнил... Шпионская. Пеньковский... Полковник. Между своим куренём и моим связь протянул... Правда, я в этом курене, где штаб намерились организовать, только одну ночь и провёл...

— Почему?

Павел Митрофанович вдруг улыбнулся. Посмотрел на озеро, над которым чертили мёртвые петли ласточки.

— Так вышло... Старик нас во дворе оставил, а сам куда-то ушёл.

Через минут десять появился в сопровождении двух молодых казачек лет восемнадцати-двадцати.

«Вот тебе, Ульяна, командир на постой, — сказал он одной из девочек. — А тебе, Галька, другой... У них гурт большой... Бог даст, с их помощью лихо нас минёт».

Та, которую назвали Галькой, сразу подхватила Амвросия и потащила на соседний баз.

А я стою посреди двора, как воришка, которого застучали на горячем. Ничего не соображаю, как будто меня ударили по голове. Гляжу на Ульяну и не вижу. Лицо круглое, и совсем даже нет, брови коромыслом, а то совсем как две ниточки... Только нос корот-

127. Ванюша — немецкий шестиствольный миномёт, получивший прозвище по аналогии с «катюшей».

кий, точёный с горбинкой... И глаза чёрные...

Ульяна смотрит на меня, руками всё косынку поправляет. Каштановые большущие локоны со лба запихнуть норовит под ситец. Чувствую — сама оторопью опоена.

«Вы мыться будете зараз... чи?..» — спрашивает.

Какое мытьё? Я в тот момент думал, как организовать оборону... И говорю:

«Вечером... — Язык у меня еле ворочается. — Если можно...»

«Тогда в курень приходьте... Может, не понравится...» — сказала и пошла босыми ногами по сбитому, как камень, глиняному двору.

Я заскочил на соседний баз. В курень... А там Амвросий с Галькой в объятиях...

Плюнул на них и бегом к Хамзе. А тот спит на жаре.

«Поехали! — Запрыгнул в «виллис». — В хозроту!»

У капитана взял три банки тушёнки, три брикета гречневой каши, в пергаментную бумагу завернул смальца или какого-то другого жира. Прихватил две буханки хлеба, оставшиеся после утренней кормёжки. Примчался к штабному автобусу, возле которого стояла моя персональная «тридцатьчетвёрка». Опустился в нутро и дрожащими руками в стальном пекле стал наливать... спирт во флягу...

Ехал в хутор сам. «Виллис» прыгает, а я как будто на коне без седла в ночное бегу.

В хате... В курене две комнатки. В первой — печь, стол, две лавки. Окошки затянуты голубеньким ситчиком. На подоконниках горшки с красной геранью... Прохладно.

Увидела меня хозяйка, и сразу:

«Хотите, будете на лежанке...» — А сама неторопливо крутится с рогачом у раскрытого рта печи.

Я сел на лавку, выложил на стол приношения и молчу. Вожу глазами по сторонам.

Между окон два портрета: немолодой мужчина в белой косоворотке, фуражке. Лицо грубое, обиженное. Ульяна с толстой косой, падающей с плеча на грудь.

«Это кто с тобой?»

«Муж».

«Он где?»

«На войне.... А вас как звать?»

«Павел».

«А от бабушки?»

«Митрофанович... — Я улыбнулся её вопросу. — А тебя от бабушки?»

«Емельяновна...»

«Давно замужем, Ульяна Емельяновна?!» — ухарски вырвалось из меня. И откуда так вдруг, когда язык за зубы цеплялся, как пьяный мужик за плетень?

«Про войну гукнули... на самой свадьбе, — смущённо сказала женщина. И с детской грустью в голосе добавила: — На другой день никто и не пришёл».

Смущение и неулыбчивая строгость делали её величавой и неприступной. Когда оборачивалась в мою сторону, то глаза, встретившись с моим взглядом, вспыхивали жарким огнём долгождан-

ной, давно забытой радости... И тут же угасали. На лицо возвращались строгость и даже равнодушие.

Я не отрываясь смотрел на женщину... И умолял всех Заступников своих заставлять её почаще оборачиваться, чтобы обжигаться коротенькими вспышками чёрного огня...

В озеро упала пара крыжней.¹²⁸

Утки, сделав большой круг, уселись на воду, толкнув перед собой легкую волну, и завертелись, держась боками друг за дружку. Кольцешеией селезень непрерывно норовил ухватить уточку за холку. Но та кокетливо выдергивала голову из плоских щипцов широкого клюва.

— Бедняжка, — сказал Павел Митрофанович. — Ей бы уже на гнезде сидеть, а она только-только нашла этого гуляку.

Мне хотелось слушать дальше, но подстёгивать старика рассказывать не позволяли мои Заступники.

Я открыл коньяк и налил в рюмку.

— И мне,— попросил Павел Митрофанович, заморожено глядя на влюбленную пару, и выпил. — Откат нормальный... — Он поставил рюмку. — Так вот... Ульяна у печи, а я на лавке, как на еже... По спине мурашки ползают... Чесаться стесняюсь. Руки по портупее — вверх-вниз. Пальцы хватаются за кобуру, что утопленник за соломинку... Как будто если вытащу «браунинг», так сразу у меня ангельские крылья вырастут... Я забыл о войне...

Утки заметили нас. И смущённо скрылись за кустами прибрежного орешника.

— Вошёл Амвросий радостный, — сказал старик, провожая птиц взглядом. — Увидел на столе банки и заявил:

«А я, товарищ комбриг, уже хотив Хамзю в харчроту посылать...»

Я встал и вытолкал в спину своего адъютанта. И шагнув в сени следом, выпалил:

«Мы — вечером».

* * *

— Степное солнце укатилось за горизонт. А он в степи далёко. И ночь уже рядом... Серой стеной из-за Дона... Оставил вместо себя начальника штаба и комиссара. Приказал проверять боевое охранение... Готовить утром разведку... И с Амвросием опять в хутор. «Виллис» поставили посреди двора — если кто сунется — уже занято... Нырнули в сени. А там корыто деревянное и два ведра воды. Явно — нас дожидаются. Из куреня выглянула Галина и протянула полотенце. — Павел Митрофанович заглянул в парящие на огне ведра. — Кажись, можно... Давайте во все кастрюли наберём холодной воды.

Выставили на траву алюминиевое корытце. Развели воду. В ведро с кипятком Павел Митрофанович опустил дубовый веник.

Мы разделись.

— Давайте вы первый, Юра. — Старик окатил меня горячей водой и принялся намыливать.

---

128. Крыжень — порода самых больших диких уток.

Потом долго охаживал горячими дубовыми листьями.

— Покраснел человек, — сказал он. — Это хорошо... До костей не достало, но ничего.

Мы поменялись местами.

Я хлестал по телу старика нещадно. Но он только подставлялся под дубовые розги...

— Облейте меня холодной водой, — попросил Павел Митрофанович.

Я поднял ведро и вылил на старика. Он одобрительно зарычал.

Растерлись полотенцами и уселись у костра.

— Как принимали девушки? — спросил я, наливая коньяк.

— Прекрасно. На столе наша каша с тушёнкой перемешанная. И рыба жареная. Как у нас... Где девки судака выловили — не известно. Закуска не военная.

Галина суетится. А Ульяна, как засватанная, сидит, стол взглядом ковыряет...

На дворе темно, а зажигать лампу совсем не хочется.

После трёх рюмок запели.

Мы с Амвросием:

Несе Галя воду. Коромисло гнеться,

За нею Иванко, як барвінок в'ється...

А нам в ответ:

Не для меня придёт пасха,

Не для меня родня вся соберётся.

«Христос воскрес!» — из уст прольётся...

Тот светлый день не для меня...

Галина вдруг вскочила, подхватила Амвросия и поволокла из куреня...

Мы с Ульяной остались сидеть в ночной полутьме.

Двор уже забелел лунным августовским светом. За окном сиротливо темнеет остов «Виллиса»...

Ульяна вышла из-за стола. Сбросила косынку и сказала:

«Вы на печь залазьте, Павел Митрофанович...»

Подняла занавеску, что закрывала проход в соседнюю комнату и растворилась в темноте... Долетело шуршание какой-то ткани. Всё затихло.

Я сидел не зная, как быть...

Потом сбросил гимнастёрку, сапоги... и нырнул под занавесу.

Павел Митрофанович взял наполненную рюмку и, улыбаясь, сказал:

— Эх, Юра, я бы сейчас ещё одну такую же войну организовал!

— Выпил. — Плечи горячие. А губы... Как водоворот... Попал и не могу вырваться...

Старик взялся за бутылку с коньяком.

— Хоть и были у меня женщины... Но то была моя первая ночь, как говорят... Ночь влюблённого человека... И если вам кто-нибудь будет рассказывать, что это такое — не верьте. Об этом рассказать нельзя...

Павел Митрофанович наполнил рюмки. Мы выпили.

— В стекло кто-то постучал требовательно... — сказал старик, ставя на пень рюмку. Ульяна спорхнула с кровати, ушла в сени. Вернулась и шепнула не уху:

«Какой-то военный с телефоном. Тебя кличет».

Я быстро оделся.

Рассвет ещё только-только вызревал.

На пороге стоял боец с телефонным ящиком в руках. За ним через весь двор тянулся провод.

«Чего это среди ночи? — спрашиваю недовольно. — Ты кто?»

«Из телефонно-шестовой роты... Товарищ полковник приказали найти ваш штаб и с нашим соединить... Машину увидел...»

«Ты чей?»

«Пехотный».

«Знаешь который час?»

«Нам без разницы время...»

«Зато мне не без разницы! — крикнул я на бойца. — Ставь свой ящик и катись!..»

Сколько ещё прошло времени, я не знаю. Но меня в «виллис» посадил Амвросий.

* * *

Окопались по всем правилам. Линию обороны построили покосаревски. Наблюдательный пункт на курганчик вляпали. За ним радиомашину и мой штабной автобус поставили. Ковырялись в ракушечнике целый божий день. Я на «Виллисе» мотаюсь между батальонами. А сам всё про вечер думаю. Солнце последними словами клянжу. А оно, как назло, висит на небе и висит.

Народ совсем убился. Приказал выдать, как тогда говорили, наркомовские. Канистра спирта разошлась.

Дождались, наконец, когда стемнело. На машину... и в хутор.

Амвросий сразу к Гальке.

Я вхожу в курень. И чувствую — нет для меня места. Стол пустой. Ульяна стоит у окна и во двор сквозь стёкла глядит.

Попробовал обнять, а она отгораживается.

«Идите, Павел Митрофанович, до себя. У меня муж. А грех на душу я брать больше не хочу... Мне с грехом ходить по миру трудно будет. И как я с грехом в глаза глядеть стану?..»

Я вышел из куреня. Жарко. Кузнечики сверлят ночь без умолку. И поплёлся к своему командирскому автобусу. Состояние у меня было... точно танк гусеницей переехал. Душу смял, в пыли извозил...

Наткнулся на соё боевое охранение. Пропустили.

«Лучше бы они меня не признали, — думал. — Один выстрел... и никаких мучений...»

* * *

За бортом штабного автобуса зашумел мотор автомобиля. Долегли отрывистые, маловразумительные звуки громкого голоса. Дверь открылась, и вошёл подполковник в синей фуражке. На вид ему было лет тридцать. Худой, с узким, выдвинутым вперед подбородком, напоминавшим кайло, застегнутый на все пуговицы. Писто-

лет в кобуре, как телок на лугу, тонким кожаным ремешком привязан.

«Здрасьте! — сказал он строго и изучающее посмотрел на меня. — Кто тут комбриг тяжёлой танковой!»

«Ну, я».

«Вы?» — с растерянной удивлённостью спросил подполковник. Должно вид у меня после минувшего вечера в хуторе был совсем ничемный.

«А вам, собственно, зачем тяжёлый комбриг?»

Гость вдруг ударил каблуками об пол автобуса и, подбросив к козырьку руку, радостно представился:

«Воплин! Подполковник Воплин... Командир сто восемьдесят третьего штрафного батальона фронта». — Он протянул маленькую пухлую руку. — Куда прикажешь...те мою сволоту определить?!»

«Присаживайтесь, товарищ подполковник, — сказал я и вместо рукопожатия указал рукой на табурерку. И спросил недоумённо: — А это что за чудо в перьях сто восемьдесят третий штрафной?»

Воплин уселся, забросив нугу на ногу, снял фуражку, отер ладонью стриженую голову. Расстегнул пуговицы на гимнастёрке, выказывая волосатую грудь.

«Ты, еще не знаешь, подполковник? — с надменным удивлением спросил комбат, видимо почувствовав себя в чужом автобусе, как у себя дома. — Не получил приказ «ни шагу назад?»»

«Нам харчи и приказы в последнюю очередь привозят», — огрызнулся я почему-то. Мои мысли были в хуторе, а этот дятловидный особист мне мешал и нагонял злобу.

«Звони в штаб фронта быстрее. Опоздаешь — ко мне в батальон попадёшь... — рассмеялся Воплин. Он был напитан самоуверенностью и непогрешимостью, как бочка, переполненная дождевой водой, что сливается с крыши во время грозы. Ему и в голову не приходило, должно, что гроза когда-нибудь кончится. — «Куда прикажешь...те ставить?»»

«Много у вас людей, товарищ подполковник?» — Я метнул на него злой взгляд. При этом, — чувствовал, — ноздри у меня раздулись и как всегда сверкнули хищно зубами.

«Полтыщи мразей».

«Почему так на людей?» — уже спокойно спросил я, стараясь загасить глупую злобу.

«А чего эти падлы заслуживают?»

Я промолчал и спросил:

«Где они?»

«На берегу. Мы только переправились...»

«Показывайте». — Командование фронта обещало подкрепление моим стрелкам.

Вышли в степь. Небо, как огромная раскаленно-выбеленная сковорода. Желток солнца докатился почти до зенита, и сыпал на землю беспощадную жару. Слепни липли к лицу и рукам, как мухи к осеннему стеклу. Их беспрерывно приходилось прихлопывать. Руки болели...

На берегу Дона стояли бойцы в выгоревших гимнастёрках и пи-

лотках, с винтовками в руках.

«Смирно, падлы! — рявкнул подполковник. — В три шеренги становись! На командира бригады равняйся!»

«Можно без ругани», — попросил я, наклонив голову в сторону Воплина.

Шёл чуть сзади комбата и всматривался в лица бойцов. Мне казалось, что по выражению глаз, я сумею угадать причину, по которой эти люди оказались в жутком положении полумёртвых.

Первое, что бросилось в глаза — форма на бойцах. Она была заношенной. У кого-то посвежее. Но у всех планка с пуговицами была вшита в выгоревше-застиранное полотно гимнастерки от шеи к подолу широкой полосой и выделялась свежим цветом.

«Вид у твоих, — сказал я комбату, — как будто расстреливать привели».

«Правильно думаешь...те, товарищ комбриг... Дерьмо! А что с ним делают!?»

Прошагали метров сто. Вдруг ужалило, будто увидел знакомое лицо. Отстал. Вернулся. Пригляделся. Человек, который показался мне знакомым, стал прятать лицо.

Мы побрели назад к автобусу.

«Значит так, — авторитетно начал Воплин. — Как пойдёт немец — я эту сволоту перед твоими танками поставлю...»

«Зачем? Всех помнут в полчаса».

«А чего их жалеть. Завтра новую тыщу пришлют... А у меня на всех харчей всё равно нет».

«Вы кем до войны были?»

«Инструктором райкома вэкапэбэ...»

«О чем инструктировали?»

«Как по деревням со всякими мироедами и кулачьём расправляться».

«А воевать где учились?»

«Спецкурсы энкавэдэ», — гордо поведал подполковник.

Ухватками хозяина-барина Воплин очень напоминал Слизкого и того коротышку особиста, который приезжал расстреливать. Это будило во мне сторжкого зверя, вышедшего на охоту в незнакомом лесу.

«Интересные курсы... — сказал я. — Смертниками командовать...»

«На что ты... намекаете? — грубо спросил Воплин.

«Я бы не смог, — выдавил я, тяжело дыша от непривычки быстро взбираться по крутому, почти отвесному, как казалось, берегу Дона. — Танкистами командовать как-то получается... А вот чтобы специально убивать...»

«Никто их специально не убивает. Они должны ответить за измену партии и народа».

«А мне никто не изменял, хоть я и член партии... Даже жена».

«Вы разве народ?» — спросил Воплин, хихикнув.

«А вы?» — вырвалось из уставших легких тяжелый выдох.

«Я — да!»

В автобусе подполковник вынул из кармана гимнастерки свёрнутый вчетверо лист бумаги. Развернул его и протянул мне.

«Распишись... тесь, что приняли под свое командование».

«Отправляйтесь в штаб, — ответил я, не заглядывая в предписание, и оформите все бумаги в соответствие с уставом».

«Вечером вы ко мне?.. — бодро сказал подполковник. — Или лучше я к вам?»

«И коль вы в моем подчинении... — сказал я, сделав вид, что не понимаю панибратских намеков, — устройте бойцам отдых и еду... Всем без исключения. Мой начальник штаба назначит вам позиции. А я проверю».

Подполковник ушёл. И я тут же перестал о нём думать.

Вызвал к себе Амвросия.

«Нам привели штрафников».

«Кто такие? — заинтересованно спросил он.

«Которые чего-то нарушили... Найди у них бойца Гриднева, — попросил я, — и приведи».

Минут через двадцать в дверях появилась худая фигура.

«Здравствуй, Гриша!» — Я радостно протянул руку майору.

«Здравствуйте, товарищ подполковник», — ответил штрафник хмуро.

«Ты забыл, как меня зовут?»

«Нам по-другому нельзя».

«Тут я хозяин».

«Из-за меня завтра в одной роте окажемся», — ответил Гриднев, стоя в проеме автобусной двери.

«Садись. Не стой. Есть будешь?»

Боец молчал.

«В палатке ты смелее был». — Я выглянул из автобуса и снова кликнул Амвросия. Попросил принести командирский обед.

«В палатке — смерть завтра. А сейчас нужно попробовать дожить ещё неделю».

«Что за арифметика?»

«Через неделю у меня срок выходит. А свободному человеку умирать легче, чем рабу».

«Что за срок?»

«По приговору отправили на три месяца. Через неделю конец... Боюсь, оставят умирать... У нас много таких, как я. Срок вышел, а в нормальную армию не отпускают. Говорят — какая разница, где издохнуть».

Гриднев смотрел в пол, ожидая моих вопросов.

Амвросий принёс еду.

«Выпьешь, Гриша?» — спросил я.

«В моём положении... Дают — бери, бьют — беги... Стреляют — отвечай или прячься».

«Как в штрафниках оказался?»

«Вы как ушли, — Гриднев выпил и стал жадно есть кашу, — у кавалеристов, как говорил бедняга Вейцель, шухер¹²⁹ и гевулд. Лейтенанта, командира охранения, расстреляли... И с ним сержанта... Про меня в тот день забыли. Ночью подрылся и тоже сбежал... В лесу нашёл ещё десяток бродяг. Перешли по железнодорожному

---

129. Шухер — крик, предупреждение(идиш).

мосту через Днепр... Часовых побили... В октябре перебежали фронт возле Орла... и сразу на нары... Судили... что живой вернулся. На допросе так и сказал следователь: «Лучше бы погиб или застрелился. А теперь ты хуже предателя...» — Гриднев оглянулся на открытую дверь автобуса.

«Не бойся...»

«...ты советскую власть не любишь... — договорил Гриднев. — И десять лет за измену родины... — Он выпил. И морщась от неразведенного спирта, сказал, словно спросил весь мир: — Как они собираются побеждать? Глупая война... Я воюю с немцем, а родина — со мной».

«А три месяца... это что?»

«Кто захотел вместо нар на фронт — шагай в штрафбат. Те, кому десять лет дали — на три месяца. Кто пять отхватил — на два месяца. Если повезло и три года получил — на месяц... Не убьют — живи дальше. Мне иногда кажется, что лучше было родиться собакой...»

«Почему?»

«Можно гавкнуть и укусить... Так это собаке... Мне можно только умереть безгласно. На моё место новых переменников¹³⁰ пригонят».

«Я тебя к себе заберу», — сказал я.

Гриднев оставил ложку. А потом сказал:

«Нет, товарищ подполковник. Лучше пусть убьют, чем перед товарищами глаза прятать... Скажу правду... Если бы где лесок сейчас был... В ночь сбежал бы на немецкую сторону... А тут степь. А я не суслик...»

«Это как?!» — Показалось, что я ослышался.

«Сбежал бы и партизанить начал... И таких у нас добрая половина... Кому хочется себя свиньей на бойне чувствовать?»

«У вас все бывшие?» — спросил я возмущённо, обиженный отказом.

«Половина — блатари. У них своя рота и свой командир, у нас в батальоне — свой. А над всеми — Воплин».

«Что ты о всех печёшься?! Ты у меня будешь».

«Они — тоже люди... А если захочешь отступить, так и тебя заградотряд расстреляет».

«А это что такое?»

«Штрафные батальоны и заградотряды по двести двадцать седьмому приказу. Чтоб знали, как советскую власть не любить...»

«Ваш подполковник и вами и заградниками командует?»

«У заградотряда свой подполковник на той стороне... — Гриднев нервно плеснул спирт в кружку и выпил. Морщась добавил: — Как судьба видит своих?.. Народ не даром говорят... чёрт шельму метит».

«Ты о чём, Гриша?» — спросил я.

«Фамилия у командира заградотряда очень правильная... Подлюк...»

«Маленький, толстый?» — вырвалось у меня.

---

130. Переменник — на языке сотрудников особых отделов боец штрафного батальона.

«Как будто за реку глядите, товарищ подполковник — сказал Гриднев, облизывая ложку. — Только наш молодой и грубый, как пацан, которого девки не любят... А какой тот — не знаю».

«Всё время лбом мух гоняет, как конь в жару...» — Я нервно стал дергать кожу на лбу.

«Знаешь?.. — настороженно спросил Гриднев. — А за угощение спасибо. Двое суток не кормили. — Он нервно отодвинул миску и впился ногтями себе в шею. — Я пойду... А то вшей через меня нахватаетесь...»

«А что это у вас за форма такая странная?» — спросил я.

Гриднев провел ладонью по вшитому на груди лоскуту и рассмеялся:

«С покаянников снята. Бедняга дня три пролежал, вспух. С такого не снимешь ничего. Раздуло. Вот и срезают планку... А на ее место новую вшивают... и новобранцев-штрафников мундирят... Так что я уже, считай, трижды покойник...»

Я выскочил из автобуса и кликнул Амвросия.

«Отведи штрафника в санроту... Пусть вымоют и одежду прожарят...»

Вскочил в автобус.

«Сейчас, Гриша в санбат пойдёшь...»

За стенками автобуса снова зашумели. Гриднев подскочил и прижался к стенке.

Вошёл Воплин. Он что-то жевал, не выпуская папиросу изо рта. Вынул соску, сплюнул себе за спину через плечо и снова воткнул бумажную трубочку в губы. Увидев Гриднева, он надул в свирепости глаза и крикнул:

«Ты что тут, гнида поганая, делаешь?! Жрёшь!» — И схватился за кобуру.

Я повернулся спиной к подполковнику, пожал руку майору и громко сказал:

«Иди».

Когда боец вышел, я повернулся к подполковнику и заглянул в его лицо. Мне показалось, что для этого вояки не было вокруг войны, где боец с винтовкой — единственный и главный. Было ощущение, что здесь с моим участием, кровавые бандиты избавляются от свидетелей. Ухватил комбата за гимнастёрку. Вдавил в косяк и прохрипел, чуть ли не кусая за нос:

«Если с этим майором что-нибудь случится!.. Я тебя в капонире вместе с убитыми зарюю! Только живьём! В кармане носи его... — Чувствовал, что мои глаза вот-вот выскочат из орбит, а ноздри готовы были разорвать зубами синефуражечника в клочья. — А настрочишь донесение... достану на... Северном полюсе... Даже товарищ Отто Шмидт со своими челюскинцами не помогут. И синий картуз не спасёт!.. Пошёл вон отсюда!.. — И толкнув в спину, крикнул: — И по первому требованию быть в моём штабе! Расстреляю если чего! Понял!?»

Павел Митрофанович ушёл в палатку. Вернулся, одетый в спортивный костюм.

— Одевайтесь, Юра. — сказал он. — Чего голому сидеть? Сейчас

начнём стирать бельё, Принесите воду.

Я надел новое бельё и, последовав примеру Павла Митрофановича, спортивный костюм.

Поставили на огонь ведро. Забросили в него бельё.

— Я выскочил из автобуса, — сказал старик нарезая кусочки мыла, — и влетел в радиомашину... Хотел приказать телефонисту разыскать командира разведки.

Вовремя остановился. Вызвал снова Амвросия.

«Разыщи разведку. Срочно», — попросил.

Примчался на «Виллисе» капитан.

«Вызывалы, товарищ комбриг?»

Я усадил разведчика на табурет, где только что сидел Гриднев, и прикрыл дверь автобуса.

«Ты сам откуда, Донцов?» — спросил я.

«Як и вы, товарищ комбриг, — ответил капитан, не понимая, как ему себя вести с командиром. — Шо дитэй находять в капусте — брехня».

«Перестань балагурить, Донцов».

«Я не Донцов, а Донцив».

«Где родился?»

«У Львове».

«У меня к тебе очень деликатное дело, Донцив...»

«Для вас, товарищ комбриг...»

«Надо сходить за языком».

«Так шо тут дэликатного!? — взвился разведчик. — Хоть зараз. Ушами, як колёсами, будеть пыль гнать перед собой, немчура поганая».

«Не хорохорься... На ту сторону Дона».

«Немец уже там?!» — с настороженным удивлением спросил капитан. — Так чего мы тут сидим? Второй раз из окружения выбираться?»

«Там стоит отряд энкавэдистов... Заградотряд...»

«А это шо такое?»

«Чтоб ты и я не драпанули, а умерли тут».

«Кого притаранить?» — Лицо Донцова закаменело.

«Командира. Фамилия — Подпюк».

«Так, может... его там? Чего время тратить?»

«Я хочу ему в глаза посмотреть...»

Павел Митрофанович взял бутылку коньяка, налил мне и себе.

— Помянем и его? — спросил я.

— По христиански — да. — Старик протянул в мою сторону рюмку. И мы чокнулись. — Можно и так. Он все равно без Бога...

От озера долетел звонок.

Павел Митрофанович по-молодецки подскочил и убежал на берег. Через минуту он поднял над собой огромного чёрного окуня. Вернулся, довольно улыбаясь.

— Ещё пару таких... и завтра праздничная уха, — сказал он.

— А бой?

— Бой как бой... — Старик уселся у стола. — Командный пункт поставили, казалось, в хорошем месте. Правда, в донской степи, куда

его не поставь, всё равно, как на сковородке.

Немец пошёл в девять. Сразу строем. Первую атаку отбили.

Во второй немец раздвоил строй, чтобы, как клещами, нас передавить на стыке двух батальонов. Понимаю, что мне нужно быть там, на стыке.

Запрыгнул в танк — Хамзя рванул, как ужаленный. Включил рацию. Смотрю в перископ. Да чего из него увидишь. Поднял люк. И такая хорошая панорама открылась. Немецкие танки пытаются обойти нас со стороны. Их поливают артиллеристы пехотной дивизии... Вспомнился почему-то первый бой...

«Бронебойным! — кричу в шлемофон. — Отворот двадцать градусов! По бортам и бензобакам!»

«Товарищ командир! — кричит мне Амвросий и дёргает за комбинезон. — Да не вылазьте вы! Через стекло краше глядеть!»

...Вокруг разрывается с треском и грохотом что-то. Меня накрыло крышкой люка. В первый миг показалось, будто башня танка раскололась, разлетелась на части, а моя голова оторвалась от тела и вместе с искрами, вырвавшимися из толстой брони, летит в чёрную пропасть. Тело обмякло и готово развалиться на куски.

В танке запахло гарью.

«Попали в башню», — механически соображаю я. И кричу: — Башню не заклинило!?»

«Нет!» — отвечает Амвросий, хотя не он командует поворотом, а я.

Припадаю к перископу и вижу перед собой чёрную голову танка. Она медленно поварачивается, лоя мой танк в прицел. Протягиваю кулак к глазам Амвросия — знак: заряжай бронебойный! И по характерному лязгу клинового затвора понимаю — бронебойный в стволе... Этот лязг и Хамзя слышит. Выворачивает машину и на мгновение останавливает на ровном месте...

Удар! Откат... Смерд от выброшенной гильзы удушающий... Глянул в перископ. Перед глазами чёрное тело немецкого танка, изпод башни сочится лёгкая струя, а затем всю её охватывает пламя. Понемногу прихожу в себя и понимаю, что именно эта зараза выпустила в меня подкалиберный снаряд.¹³¹ Но, к счастью, болванка только скользнула по башне...

Снова кулак, как приказ — даёшь бронебойный. Выстрел. Со звоном вываливается гильза... Струя газов заполняет весь внутренний объём.

Опять дым, звон...

А над нами «Фокеры» и «Штуки»¹³² воем и бомбами степь засевают. Капониры равняют с землёй. Их колёса над головой, как растопыренные когти коршуна висят

Навожу перископ на свои танки. Три тяжелых горят. Пламя и чёрные клубы дыма поглотил их... Понимаю, что экипажи погибли. Сквозь приборное стекло хочу разглядеть бортовой номер. Но огонь уже сожрал его...

Вдруг перед глазами десяток новых танков...»

131. Подкалиберный снаряд — снаряд с бронебойным сердечником.

132. Фокер и Штука (Юнкерс 87) — здесь фронтовые бомбардировщики Люфтваффе.

Снова поманил колокольчик.

Павел Митрофанович вернулся довольный.

— Еще один окунице...

— У танков тоже есть трассирующие снаряды? — спросил я.

— Специальный манёвр — приказ остальным экипажам: «указываю цель»...

А бой приутих. И как-то и вовсе прекратился. Начали выяснять, где немец. Боялись — прорвётся к Дону с флангов. Приказал заминировать фланги. На передний край ушли машины подвижного отряда заграждения. Немец увидел и давай мины кидать...

Под миномётным огнём начали минировать фронт перед собой...

Ремонтникам — вытаскивать подбитые машины в тыл.

— Больше не атаковали?

— А новая атака была только на следующий день вечером. Но застряла перед минным заграждением. Открыли огонь по нам с места. Но мы в капонирах. А они как на ладони... Мы их пошерстили...

— Давайте подогреем борщ, — предложил я.

Старик согласился.

Я налил коньяк. Мы выпили. Откат снова был нормальным.

— Но на следующий день немец отыгрался, — сказал Павел Митрофанович. — В десять утра налетели «Юнкерсы». С рёвом пронеслись над головой, так, что казалось, заденут колёсами башню танка. И сыпали бомбы...

— А зенитки?

— Их разметало при первом же налёте.

Старик налил коньяк. Мы выпили.

— Месили два дня. С перерывами на обед, и на вечерний ланч, как теперь модно говорить. Всё вокруг в пыли, в дыму. Сплошное пекло от разрывов снарядов, бомб и равнодушного солнца. Пули свистят... Санбат не справлялся... Хоронить не успевали... Через неделю от восьмидесяти танков и бригады осталось человек пятьдесят и семь машин.

— А маневрировать? — спросил я. — Зачем сидеть в капонирах?

— В те дни невыполнение приказа — верная смерть. Поставят к стенке без разговоров... Двести двадцать семь начал действовать...

А приказали из капониров не вылизать.

— А как штрафники? Как ваш Гриднев? — спросил я.

— Не знаю... Мне было не до них тогда...

Павел Митрофанович снял с огня кастрюлю с борщом.

— За Доном стал кружится двукрылый кукурузник. — Старик налил в тарелку мне и себе. — Два раза крутанулся и скрылся за вербами. Через полчаса на реке появилась лодка. Она уткнулась в камышовый припой берега. С лодки на него выпрыгнул военный и провалился по пояс. Он долго выбирался на глину берега по-лягушечьи.

От немцев полетели через реку мины. Над вербами поднялся чёрный дым.

Человек с противоположного берега задержался у санбата и пошёл в гору к нашему штабу.

«Кто тут тяжёлая бригада?» — спросил капитан. С его штанов в сапоги стекала вода.

«Вы кто?»

«Приказ из штаба фронта», — он вынул из-за пазухи серый конверт и протянул мне.

«Так этот твой самолёт горит?» — спросил начальник штаба офицера связи.

Капитан оглянулся на реку и громко выругался.

«Хорошо, что самолёт миной накрыло», — с сознанием дела заметил Амвросий.

«Чего тут хорошего!?» — недовольно огрызнулся капитан. Он был сейчас похож на курицу, у которой выщипали на ногах перья.

«Так могли сбить, пока летел, — объяснил Амвросий. — А так — живой».

Я прочёл приказ и спросил у капитана:

«Будете с нами переправляться или сейчас назад?»

«Сейчас...»

«Валяйте».

Когда капитан ушёл, я отдал приказ готовиться к отходу.

Из пустых бочек соорудили плоты. Натянули телефонные провода между берегами и, как на пароме, ночью перевезли раненых, радиомашину, «виллисы», имущество штабов и батальонов.

С утра немец постреливал лениво. А к обеду всё утихло.

«Чего будем делать, товарищ командир? — спросил Амвросий. — Наш паром танки не выдержит...»

Павел Митрофанович подлил себе борщ.

— В приказе было сказано: отойти. Я должен был сам принимать решение, что делать с танками. Взорвать? Сжечь? Не оставлять же их немцу.

«Будем топить! — приказал я. — Выбросить клинья затворов и снять пулемёты!»

Вечерело. Солнце красным хвостом цеплялось за воду...

Огромная чёрная громадина, не доехав метра три до уреза воды, остановилась. Из люка механика-водителя торчала голова в шлеме. Взревел мотор. Машина, дрогнув, медленно тронулась. Механик выбрался на башню через люк и остался стоять. Под тяжестью стали берег просел. Танк, оставляя широкий, след пополз в реку. Забравшись в воду на метр, он вдруг остановился, будто почувствовал, что идёт на смерть. И как ни в чём не повинное существо, инстинктивно чувствующее близкий конец, в последний раз попытался защитить самого себя, отодвинуть гибель...

Но внутри что-то зарычало, в воздух вырвался клоч чёрного дыма и, будто доведённый до отчаяния, загнанный зверь, не наученный природой жить в неволе, танк рванулся и с яростью ринулся в воду.

Механик-водитель спрыгнул с борта, намочив сапоги.

Расталкивая воду стальной грудью, машина двигалась по дну. Сначала исчезли гусеницы, затем скрылся борт. Башня долго ещё плыла над водой. И вдруг, точно у неё подломилась нога, она нырнула в глубину...

Вторая машина буквально влетела в воду, словно решила выкупаться...

Когда пришла очередь командирского танка, Хамзя, вылез из сво-

его люка, взобрался на борт, ладонью протёр на башне квадратик поверхности от пыли и поцеловал железный колпак, словно покойника в лоб. Потом влез в машину и повёл к воде... «Тридцатьчетверка» рванулась с места и на полном ходу упала в обрыв. Над ней сошлись пенные круги...

Хамзя снял шлем, наблюдая, как течение уносит следы беды...

«Татары тоже целуют в лоб?» — спросил Амвросий.

«Жалка. Много хороший железо пропал...»

А мы в ночь на плотях стали переправляться.

Луна висела на Доном, высвечивая множество чёрных точек на серебре ночной воды. Переправлялась пехота.

«Товарищ подполковник, — немного подавлено сказал военврач, стоявший рядом со мной, — жалко вот так умереть...»

«С чего ты взял, что сейчас надо умирать?»

«Я... плавать не умею».

Я посмотрел на Хамзю. Тот спокойно спал, свернувшись котёнком у кромки плота...

Павла Митрофановича позвал к озеру колокольчик.

Он вернулся и недовольно сообщил:

— Сорвался... — И ушёл в палатку.

Снова долетел призывный звонок от озера.

Я убежал на берег и поднял большого окуня.

* * *

Вечер оказался прохладным. Я надел свитер. Разжёг костёр.

Павел Митрофанович вышел из палатки, присел к столу.

— Что вам предложить? — спросил я.

— Что поймали?

— Трёх окуней.

— Ну, вот. Завтра будет знатный праздник... Давайте попьём чего-нибудь.

Закипятели чайник. Я приготовил кофе.

— Я гляжу, Юра, что вы меня подкупаете...

— Конечно. Я хочу, чтобы вы мне побольше рассказали, пока я здесь.

— А я не сопьюсь?

— Намёк понял, — ответил я. И достал коньяк. — Что было после Дона?

— Попал к Ерёменко.¹³³ От него — в Москву. Полковником стал. Дали бригаду. Ездил за ней на Урал. Оттуда — прямо в Саратов... Из Саратова, где штаб корпуса был, в Сталинград.

Павел Митрофанович, взяв чашку.

— Потянулись куда-то по железнодорожной ветке, которую проложили наспех в степи. Того и гляди, платформа сыграют на бок Разгрузились в Ахтубинске, кажется. Сейчас уже не вспомню. Там этих Ахтуб, что ручьёв по весне. Со всех сторон куда-то текут.

Быстро своим ходом вышли к Волге.

Сталинград в дыму. Отовсюду стреляют, бомбят. Канонада, как

133. Еременко А. И. — генерал-полковник, в 1942 г. командующий Сталинградским и Юго-Восточным фронтами.

туча висит...

Стоим. Бомбардировщики немецкие воют — заходят на бомбометание над переправами. На них шквал зенитного огня. Истребители гоняются. Только видишь — кто-то горит. Сразу и не поймёшь кого сбили.

Приказали — танки в капониры. Зачем?.. Зарыли. Сверху ветками забросали. Хуже с тылами. Машина связи и ремонтники на виду. Начало ноября. Днём как будто тепло, а ночью — до костей.

Примчался офицер связи от Ерёменко. Приказ: переправиться на правый берег и с ходу выйти на южный фланг в калмыцкую степь. Привёз карту. Правда, как переправляться не сказал. Поведал, что тут где-то есть два буксира и баржи. Найти самому.

Пока искал, познакомился с соседом слева. Ба! Снова повезло. Петруша. Дивизию переформировали. Уже — генерал!

— Тот самый? Поэт? — спросил я. — Или однофамилец?

— Тот самый. Десантник. Он тоже, как лошадь в мыле. Один полк уже переправился через Волгу и зацепился за кусок берега у Тракторного завода. Его люди тоже искали буксир. Днём немец бомбит всё, что по реке движется. Переправляться можно только ночью. А на темной переправе можно потерять половину личного состава...

Спустился в блиндаж к генералу. Брёвна над головой крепкие. Две лампы горят. Телефоны. Командный пункт — что надо.

Вид у генерала совсем убитый. Он меня увидел и давай обнимать, словно мы родные братья с ним. Налил спиртика полстакана. Я пригубил. Генерал хлестанул и упал на нары. Дышит тяжело. Чувствую — с ним беда.

«Что такое?» — спрашиваю.

«Жуков у меня вчера был, сука! — хрипит, аж задыхается. — «Почему не переправляетесь?!»

«Уже один полк зацепился, товарищ генерал».

«Сколько погубило?!» — кричит.

«Двести человек при переправе».

«Мало!»

Выскочил из землянки и двух офицеров, которые попались под руку, приказал расстрелять...

Петруша лежит на нарах, дышит, как собака после долгого бега. А я чувствую — он тело без души.

Не стал его вопросами донимать. Понял, что генерал мне ничем помочь не может и я ему тоже.

Иду к себе в бригаду и думаю:

«Не приведи, Господь, чтобы ко мне хозяйский холуй заявился...»

— А почему вы Жукова называете хозяйским холуём? — спросил я.

— Его все за глаза так называли... — сказал Павел Митрофанович. — Если прилетал Жуков, — будет крови не меряно... Но на войне эмоции — дело последнее. Надо что-то делать. Душа чувствовала неладное и приказывала искать буксиры... Если с генералом не посчитались — двух командиров поставили к стенке, то с полковником холуи считаться тем более не станут. Меня возьмут за шиворот и пулю в затылок... Нужно искать баржи.

Поделился своими опасениями с начальником штаба. Тот стал размахивать руками, прыгать вокруг стола, уверяя, что готов хоть сейчас переправляться... Но я-то знал, что кроме хриплоголосой болтовни от него никакого толку. Будет посылать офицеров связи в штаб корпуса, требовать, чтобы предоставили средства для переправы, звонить даже в штаб фронта...

Этот — не Ку-Ка, который видел всё наперед.

— А где вы его взяли? — засмеялся я.

— Их не выбирают. Их тебе назначают. Приезжаешь бригаду получать, а они уже на местах, как квочки на яйцах... Как блохи на собаке, только и ждут...

После Косаревского я стал сторониться назначенных политруков и начальников штаба... Блиндаж сапёры для меня рыли отдельный. Только Амвросий был всегда рядом и Хамзя. Персональный танк, автобус, и их двое. С ними я был спокоен, как счастливый ребёнок.

Вечером сел у буржуйки... Амвросий дрова подбрасывает...

— А дрова откуда в степи?

— Ящички из-под снарядов. Воруем у соседей-артиллеристов. У них этого добра много. Меняем на спирт... Сидим... Я поделился с Амвросием своими мыслями. Про убитых командиров рассказал... Что на всей Волге только два буксира на две армии, а приказ переправляться никто не отменял. Хамзя слушает и сокрушаясь, качает головой.

Входит боец из роты охраны и докладывает:

«Товарищ полковник, к вам капитан из штаба. Говорит — контрразведка фронта».

«Вот и первая овчарка по мою душу...» — решил я. И спрашиваю: — Один или трое?»

«Один».

«Пропусти»

Входит человек в шинели. В полумраке зенитной гильзы¹³⁴ не разгляжу петлиц.

«Здравия желаю, товарищ полковник!» — приветствует и берёт под козырёк.

Амвросий как ужаленный вскочил и на шее у капитана повис.

«Борысёнок! Живой! — кричит. — Ты jakim ветром, Борысёнок!?»

Ну, мы сразу стол организовали.

Сидим. Две банки тушёнки открыли. Спирт развели.

Выпили. Даже Хамзя глоток сделал.

Попшумели.

«Ты давно из дома? — спросил Амвросий.

«Как вы ушли... и я подался, — ответил Борис. — И месяц назад был. Мать просила, чтоб ты на немца не сильно кидался».

«Как месяц?...» — с удивлением спросил Амвросий.

Но Борис не ответил. Жевал и ерзал на топчане — точно сидеть было неудобно. Несколько раз смотрел нервно на часы. Сверялся со временем.

Я заметил — ловит момент. Сказать что-то брату один на один

134. Светильник, изготовленный из гильзы зенитного снаряда.

хочет.

Но Амвросий не выходил из землянки.

И я в лоб говорю:

«Капитан, если пришёл с делом — говори. Всё равно Амвросий мне расскажет. У нас уговор такой».

Борис посмотрел с вопросом на брата.

«С чем прибёг?» — спросил Амвросий.

«Немец пришёл и колхозы оставил. И убивает. Своего по уши нахлебались.. Чужой такой же не нужен. Мать приказала, — капитан оглянулся на выход из блиндажа, — чтобы немца гнать назад...»

Он выпил, зажевал. Надел фуражку и вышел...

Павел Митрофанович попросил ещё кофе.

— Амвросия после того как подменили.

Утром он куда-то сбежал. В середине дня привёл в штаб старика во флотской фуражке и чёрном бушлате. Худое обветренное лицо изрыто оврагами морщин, поросшими седой щетиной. На дворе минус пять, а бушлат нараспашку.

«Командир буксира, — представился флотский. — Какие танки?»

«Сто две «тридцатьчетвёрки». Десять «кавэ» и десяток «бэтэшек». Ну и тыл», — объяснил я.

«Многовато, — озадаченно ответил шкипер. — Но если б не твой старшина, загорал бы ты тут ещё месяц... Когда?»

«Завтра с самого утра... А ты отец, откуда будешь?»

«С Тумакской переправы... На берегу две вербы вывороченные лежат. Туда и подгоняй. Буду на две баржи сразу грузить... — объяснил шкипер. — Ну, будь здоров, командир-капитан. — Пожал мне руку. — На морозец налей спиртику...»

Слушая Павла Митрофановича, я налил коньяк. Но старик пить отказался.

— Готовиться начали сразу, — сказал он. — Я заставил крутиться всех в штабе. Командиры батальонов получили мой личный приказ...

Утром выкатились на берег. Замерзшую глину перемесили в фарш.

От калмыков — леденящий ветер. Над головой серые тучи прут нахрапом — подними ствол... и башню с мясом вырвет. Пальцы костенели в перчатках. Рана моя меня доконала... Левую ногу хоть отрезай или костёр вокруг раскладывай. Льдины медленно ползут по течению. Над одной пяток ворон. Чьё-то тело клюют. На другой — человеческие ошмётки и деревянный ящик...

Стали грузиться. Буксир колёсный. Чёрный дым из трубы низко стелится, от глаз льдины прикрывает... Баржи — две большие камбалы, чуть державшиеся на воде.

Первым пошёл «Металлург Урала».

Когда стали заводить его, показалось, что посудина захлебнётся и, выпустив прощальный вздох, уйдёт на дно. Но ржавая и обшарпанная железяка даже не дала осадки.

Погрузили «Феликса Дзержинского», «Уральца», «Гастелло»...

— Это откуда? — спросил я удивлённо.

— Мода патриотическая. Все танки с завода уходили с именами на борту, — объяснил Павел Митрофанович.

— В Москве теперь электричка с Савёловского вокзала под названиями «Гастелло» бегают.

— Мельчает патриотизм... — ухмыльнулся старик. — Электричку спишут, и о Гастелло можно уже и не вспоминать...

«Моли Бога, командир-капитан, чтоб ветер тучи не разогнал! — крикнул мне на берег шкипер. — Налетят юнкеры¹³⁵ — не дойдём... Отдать кормовой!»

Я стоял на берегу слушая, как от меня отдаляются шлепки колёс, и волновался, не веря, что конвой переберётся на правый берег.

После третьей погрузки ушёл в штабную землянку...

Павел Митрофанович поднял полную рюмку и взглянул на чёрный тент сквозь неё.

— Лучше бы я туда не ходил...

Вдруг толпа начальников...

Хамзя влетел, хватая воздух, как окунь, выброшенный на берег. Ничего вразумительного не может из себя выдавить. Руками размахивает, как крыльями недорезанный петух, только не бегают, а стоит, точно в землю врытый.

Входит подполковник. Поскрёб взглядом по бревенчатым стенам блиндажа, ощупал глазами стол и выскочил. Вместо него в двери появился плотный генерал с пятью звездами в петлицах мундира. В сером энкаведистском реглане.

Я под козырек. Попробовал доложить...

«Почему медленно переправляетесь! — закричал генерал, не слушая доклад.

«Заканчиваем, товарищ генерал. Уже шесть барж переправили. Сейчас за четвёртой ходкой буксир придёт. Начальник штаба на правом берегу...»

А генерал не слышит. Прёт на меня. Росту мы одного, только он крепкий, коротконогий... Лицо — серый булыжник. Вместо глаз две дырки белёсые...

Я отшатнулся на шаг, хотел ещё сделать один... но упёрся во что-то. И смертная догадка ужалила меня. Чувствую, как из свиного пяточка автоматного ствола в меня горячая пуля пролазит. Рвёт комбинизон и кожу...

«Господи! — подумал. — Сейчас генерал увидит автомат... и мне конец. И молю: «Опусти, Амвросий, эту проклятую стрелялку...»

Крутанулся генерал на каблуках и обшлагом реглана сбросил со стола мою полевую сумку. Я наклонился, чтобы поднять. И тут меня словно паралич разбил... Стою согнувшись, а распрямится нет сил... Чувствую... Не вижу, а чувствую, что прямо в грудь генералу смотрит дырка «вепша-пепша».¹³⁶ Кинул я косой взгляд на Амвросия... и понимаю, что седею... Палец моего старшины обхватил спусковую скобу, как девку на танцах. И оторвать его можно только с рукой.

135. Юнкер — здесь бомбардировщик фирмы «Юнкерс» (жарг.).

136. Вепш-пепш — (свинья-перец (польск.)). Солдатское прозвище автомата ППШ (жарг.)

Выпрямился я. Стараюсь смотреть на генерала, чтобы и мои глаза были бешеными.

«Научить вас!» — крикнул генерал.

И тут меня прорвало...

«Расстреливать своих командиров не дам!» — прорычал я, понимая, если Жукову позволено стрелять кого ни попадя, то этот прыщ в энкавэдэшном реглане не будет церемонится.

Сделал шаг в сторону.

Лицо генерала смялось. Вдруг — из бульжника кисель. Того и жди, потечёт серая водичка по щекам. Он захлопал растерянно глазами, стал искать кого-то из свиты...

Я глянул на Амвросия. Стоит истуканом. Локтем автомат к боку комбинезона прижимает. Левая рука обхватила колесо диска, как буханочку чёрствого хлеба... Палец!.. Палец на спусковом крючке только подрагивает...

Павел Митрофанович опрокинул коньяк в рот.

— Струхнул генерал...

— А дальше? — спросил я, почему-то радуясь в душе рассказу старика и улыбаясь.

— Спас меня шестиствольный немецкий миномёт... Его бой узнаешь сразу... Над головой рвануло. С потолка посыпался песок. Через секунду ухнуло с грохотом рядом. Весь начальствующий народ как в штаны наложил. Головы, что чистые стервятники, в живот втянули, к стенкам липнут. Полковник из свиты смотрит на меня и тычет в потолок пальцем: «Выдержит?» Я ему обнадеживающе киваю. Я-то своих саперов знаю. Они брёвна для блиндажа командира бригады возят с собой на отдельном «студере». А брёвна — во, — Павел Митрофанович развёл руки и кивнул в сторону ближней сосны. — Как в той песне поется: «В три наката...»

— И чего?

— Ничего... Миномёт стал класть мины куда-то в сторону. Генерал со свитой убежал... Потом мне сказали, кто это был...

— Кто-то из штаба фронта? — спросил я. — Или особист какой особенный?

— Я тоже так думал.

— А кто же?

— Сам холуй хозяйский... — рассмеялся Павел Митрофанович.

— Жуков?

— Собственной персоной... — растягивая слова, сказал старик.

— А не дурак... Смекнул мигом.

— О чём?

— Что не только он — верный пёс. И не только у него свита вооружённая.

— Вы думаете... — растерянно спросил я, — Амвросий выстрелил бы?

— Ха-ха-ха, — рассмеялся старик. — Уверен? — И сделав паузу, твердо добавил: — Не задумываясь.

Павел Митрофанович поднял фитиль в лампе. Свет выхватил из темноты часть поляны.

— Я неделю ждал, что за мной особысты придут. Амвросию приказал... Если что — пристрелить...

— Себя?

— До маршала старшине не добраться... Позже понял: маршал мне своего позора не простил... Я ведь освобождал Ростов-на-Дону первый раз... Мои ребята взяли его с ходу... Так он самолично направил в наградной отдел Наркомата запрещение присвоить мне звезду Героя. Правда, Ростов потом опять сдали немцу...

Но меня уже там не было...

— Жаль, — сказал я. — А то я бы хвастался, что пил коньяк с Героем Советского Союза.

— Это тогда было жаль. А сейчас даже хорошо, что я не Герой.

— Почему?

— По всяким пионерским собраниям не тягают. Маршал Жуков спас меня от должности свадебного генерала.

— А льготы?

— Да пусть они подавятся своими льготами, — сказал Павел Митрофанович с искренним равнодушием. — На передовой сколько дней был? Значит воевал. А если на переформировании — про войну забудь. Ты на курорте!.. Лучше бы они на эти льготы детям и вдовам невинно загубленных солдат конфет да одежонку купили... Кому крышу, кому забор изладили... Из новгородских болот кости Второй Ударной армии достали, которую на смерть послали специально... Да похоронили по-христиански или по-мусульмански...

— И вы больше не встречались с маршалом?

— Бог миловал...

А вот его великие приказы выполнял... И в Сталинграде и на Курской дуге...

Переправились через Волгу уже к вечеру. Утром следующего дня были на южном фланге фронта. Оттуда с боем на Мышкову. На внешнее кольцо окружения армии Паулюса... Против Готта...

Лёжа в палатке, я спросил:

— Как вы боролись со страхом? Ведь без него не бывает?

— Не знаю, как у других, а меня страх донимал после... Лежишь в ночи... Вот как сейчас ... И думаешь, как это мимо меня пролетело... Кажется, что видел глаза летчика, который на голову бомбу сбросил... И вот тогда трясти всего начинало, точно температура у тебя за сорок... Был у меня друг ещё с орловской школы. Танасышин Петя... Командовал бригадой, а потом корпусом... Бомба его не миновала... Весь штаб накрыла...

9 мая

Солнце, умытое, обрамлённое птичьим хором с соловьиным сольным перебором, висело над лесом в чистом белёсом небе.

Павел Митрофанович брился у стола.

— Поздравляю! — выкрикнул я, выйдя из палатки.

— Спасибо... Идите умывайтесь... Будем завтракать...

— Давайте, я сегодня похозяйничаю по случаю праздника.

— За два дня всё равно вы не успеете себя переделать, — сказал старик, выскабливая намыленные щёки.

Я ушёл умываться.

— Надо было вчера, после бани... — сказал Павел Митрофанович, подойдя ко мне. — Это я от вас заразился...

— Чем?

— Лению, батенька.

Он шагнул в озеро и облил водой лицо.

Я принялся хлопотать над завтраком.

Нарезал хлеб, обмакнул в яичной болтушке и бросил на сковородку... Вспомнил, что на дне моего рюкзака завалялась банка немецкой ветчины. Пошёл за ней в палатку...

Полог открылся и на поляну шагнул военный в кремовой форменной рубашке с погонами генерала. На левой груди выше кармана был прикреплен прямоугольник высотой с ладонь с калейдоскопическим узором орденских планок. На левой груди — три отметины ранений: две красных и одна золотистая планки.

— Поздравляю... вас... товарищ генерал-лейтенант, — вырвалось у меня из раскрытого от удивления рта, — с днём Победы!..

— Служу... — Павел Митрофанович, задумался, — отечеству.

Я налил коньяк.

— Помянем всех. — Старик медленно поднял рюмку и, глядя сквозь неё в небо, добавил: — Всех... И умных и глупых... Виноватых и невиновных...

Он выпил. Поставил рюмку. Наполнил её снова.

— А теперь можно и за победу.

Мы чокнулись и выпили.

Старик сходил в палатку и вернулся с металлической банкой.

— Ветчина, — сообщил он и воткнул в железо нож.

Нарезал кусочки мяса и выложил на тарелку.

— Давайте помянем нашего генералиссимуса... — Павел Митрофанович налил коньяк.

— Мне казалось, что вы не очень расположены к нему, — сказал я.

— Совершенно наоборот! — возразил генерал. — Сегодня как раз его хоронили. Девятого мая...

— А ведь признайтесь, Павел Митрофанович... — я радостно подхватил мысль старика. — Как бы мы не ругали все нелепости войны, а пьем все равно за главнокомандующего. Ведь с ним связаны все победы!..

И вдруг меня обдало жаром.

«Перепутал старик?» — подумал я. И спросил:

— А разве не восьмого марта хоронили?

Я снова получил болезненный удар генеральского взгляда. У старика действительно ноздри раздулись, верхняя губа вздернулась и обнажила крепкие передние зубы. И было ощущение, что меня готовы разорвать.

— Девятого мая, дорогой московский журналист, хоронили первого российского генералиссимуса... Александра Васильевича ... Суворова...

Он выпил.

В глубине леса заголосили сойки.

— Кто-то идёт, — сказал Павел Митрофанович.

— Конкуренты, наверное...

— Вряд ли. Здесь только я бываю. Местные на Днепре опиваются...

На поляну вышли двое. Старик лет шестидесяти в сером пиджаке и фуражке-восьмиклинке. На плече у него, как винтовка, висела пачка метровых тесин. С ним — молодой парень с рюкзаком за спиной, опиравшийся на костыли. Левая штанина спортивного костюма была подшита чуть ниже колена.

— Чтой-то вы, товарищ генерал, раненко в этом-то годе, — старик говорил с оканием.

— Не знал, что ты, Савелий Александрович, за могилой ходишь?

— ответил Павел Митрофанович.

— А кому ишо?

— Мало ли... Кто с тобой?

— Внук...

— Подходите к столу...

— Вы уж без нас, маленько, гуляйте... Мы по делу-то...

Савелий сбросил на землю тесинки, помог внуку снять рюкзак.

На траву выложили топор, молоток, две лопатки.

— Ты, Алеша, отдохни, — сказал дед внуку и взялся выкорчёвывать прогнившие доски пирамидки.

Внук опустил на колени, отбросил костыли и взялся рубить лопатой траву вокруг могильного холмика.

— Вы знаете этих людей? — спросил я генерала тихо.

— Его здесь знают все. Живёт в деревне, куда я хожу в магазин... Местный активист... Когда-то председательствовал в местном колхозе, пока не сделали совхозом, командовал в сельсовете... Начальником почты был...

— Местная номенклатура...

— Удивительно, что он не на реке сейчас, — сказал Павел Митрофанович. — Когда нерест — он при рыбинспекции... На дороге рейд местного «гаи» — он с жезлом за кусом. Командирская закваска. Всегда на лихом коне... В прошлом году моего сына с товарищем задержал. Как раз в это время. Они хлам всякий для нашего с женой отпуска привезли... Обрато ехали — придрался... Почему на государственной «буханке»¹³⁷ в личных целях разъезжают? Хорошо, что приятель был при документах... Он главный конструктор «почтового ящика»¹³⁸... в Киеве. Сам за рулём сидел... Иначе до суда дотащил бы...

— Сейчас рыбу увидит, — предположил я, — и нас с вами в суд...

— Поглядим, — засмеялся Павел Митрофанович. — Не без этого.

* * *

Гости возились у могилы. Потянуло сигаретным дымом.

Пока старик обихаживал землю, внук, стоя на коленях, сколачивал новую пирамиду. Закончив, он установил её на место старой. Достал из рюкзака банку красно-жёлтой краски и взялся красить. Яркий цвет сурика спорил с солнечными лучами.

Когда закончили, гости ушли к озеру мыть руки.

— Присаживайтесь, Савелий Александрович, — позвал Павел Митрофанович гостей. — По случаю праздника.

---

137. Буханка — автомобиль-фургон Ульяновского завода (жарг.).

138. Почтовый ящик — предприятие оборонно-промышленного комплекса (жарг.)

— Теперь можно, — сказал старик. Подставил внуку чурбак и уселся на свободный сам. Достал из своего рюкзака бутылку, закрытую пластиковой пробкой. Выложил на стол газетный свёрток.

— Кто здесь похоронен? — спросил я.

— Хороший человек, — ответил Савелий. Достал из кармана пиджака мятую пачку «Памира»¹³⁹ и закурил.

— Ты же говорил, что двое, — сказал внук.

— В могиле двое. — Савелий открыл принесённую бутылку и налил в четыре рюмки. — Своя. Крепкая. Помянем хорошего человека... — Он выпил. Налил снова и опрокинул в рот. — Вы такими неприличными рюмками пьёте... За такой праздничек должно стаканами...

— Если ты сюда каждый год ходишь, — сказал Павел Митрофанович, — человек тебе дорог?

— Один хороший человек, — ответил старик и снова налил себе рюмку. Выпил. — Батальонный комиссар... А другой совсем даже нет... Ну! С праздничком всех!

— А второй? — спросил я.

— Вражина недобита!

— Здесь был бой?

— Боя не было. Они сами себя перестреляли...

— Ты, Савелий на каком фронте воевал? — спросил Павел Митрофанович.

— На каком начинал — не знаю. А вот закончил в Ростове...

— Ростов-Дон брал? — с интересом спросил генерал.

— Нет. Я на Турецком фронте войну закончил. В сорок пятом. Мы переглянулись с Павлом Митрофановичем удивлённо.

Савелий снова налил себе. И предложил водку внуку. Но тот отказался.

— Вот те молодёжь нонешя-то. Не пьёт вина... Не то, что мы...

— А что это за Турецкий фронт такой? — спросил я.

— Это я для себя так называю, — гордо сказал Савелий. — А начинал как все. Нам объявили в тот же день, как из Архангельска прислали уполномоченного... Он по газете прочитал, что война... Потом на Двину мужиков повёл... От моря на буксире три баржи тянули. С берегов подбирали. А в Перми одели, ружья выдали и повезли... В большушем городе неделю стояли. Река возле него широченна. По мосту, как сейчас помню, чуть ли не полдня ехали. Больша река. Больша... Двина так себе. А Днепр совсем мелок... Всё хотел как-нить съездить, поглядеть ишо разок... Дела всё не пускат. — Савелий налил себе самогон. — Высадили через месяц в Овруче... Это на том берегу за Днепром... — Он поднял рюмку. — Ну, с праздничком!

— Кто командовал? — спросил Павел Митрофанович.

— Я тогда не знал. А сейчас и не вспомню-то. Больно давно было. Говорили... генерал какой-то... Да и нам како дело, кто командует?

Приехали. Стоим на станции. А тут с неба самолёты... Сыплют и сыплют... Все в стороны... Кто куда. Больше половины осталось под вагонами... догорать. А после бомбёжки немец на танках попёр.

---

139. «Памир» — сорт дешёвых сигарет.

Ну, мы и побежали... До Днепра дошли. А народу на берегу — не сосчитаешь. Артиллеристы — те себя знают. Танкисты — себя... Две ночи пробегали. Переправиться никак не выходит. Не на чем. К мужикам в деревню ходили... Не хотят. Мы бы лодки конфисковали... Так нет ни у кого. Они, сволочи, их куда-то попрятали. Я уж после войны с одним разбирался. Хорошо его запомнил, который перевозил... Он бакенщиком работал... Припомнил я ему, как он за деньги красноармейцев перевозил. Не признавался на суде. А я то знаю...

— И что с ним сделали? — спросил я.

— В тюрьму посадили, как положено. Десять лет за пособничество фашистам.

— И много денег? — спросил Павел Митрофанович.

— Товарищ батальонный комиссар говорил, что какой-то генерал на «виллисе» отступал. У них денег много было. Думаю, кассу сберегательную ограбили как-то, пока бежали... чтобы, если попадут в плен — откупиться.

Савелий отрезал кусок сала и принялся есть, зажёвывая луком.

— Адъютант в деревне мужикам посулил, — сказал он. И зло добавил: — А за деньги нашли лодки, сволочи...

— Сам того генерала видел? — спросил Павел Митрофанович.

— Видал, — сказал Савелий. — В темноте. Он на первой лодке переправился. Говорили, к немцу потом перебежал под Москвой...

— А на озеро как попал? — спросил генерал.

— Меня товарищ батальонный комиссар в лодку посадил, — ответил Савелий. — Раз десять лодки подходили с солдатами, — Народу собралось много. Может даже полк... На берегу ждали рассвета. Нашёлся один майор. С ним товарищ батальонный комиссар. Приказали по старшинству разобраться... И повели всех...

— А генерал куда девался? — спросил Павел Митрофанович.

— Он, как переправился — сразу в лес. Зачем мы ему? С деньгами воевать хорошо. — Савелий налил себе самогон и выпил. Эта рюмка оживила его. Достал снова пачку сигарет и закурил. — День шли. Ночью у какой-то деревни ночевали. Солдаты... кто в деревню прошёл ночевать, немец пострелял.

— А ты почему не пошёл, — спросил Павел Митрофанович.

— Хотел. Да товарищ батальонный комиссар отговорил, — с нескрываемой хитрицей в голосе ответил Савелий. — А на утро вышли из леса. Подсолнухи. Поле — не видно конца. Стали переходить. А тут немец откуда и взялся? Как ждал нас. Палит и из пулемётов косит. Тот майор, который командовал, и ещё десяток с ним успели в поле спрятаться. А мы в лес обратно ушли... Несколько раз пробовали перебежать... Погибло много.

Савелий затыкался жадно, заволакивая всё пространство под тентом ядовитым дымом.

— Помянем товарища комиссара, — сказал он. Налил самогон.

— Земля ему пухом...

Павел Митрофанович налил себе и мне коньяк.

Все выпили.

— С нами майор ишо один был. Тот, который в могиле здесь, — сказал Савелий. — Очень сокрушался, что в окружение попали.

Приказал идти назад к реке...

— И сколько же было вас? — спросил я.

— Сразу было много. А каждую ночь народ куда-то сбегал... Пошли. Под дождь попали. Вымокли...

— У озера сколько было? — спросил я.

— Пятеро.

— До реки дошли? — спросил Павел Митрофанович.

— Нет. Только до озера этого. Вот тут развели костёр, — Савелий указал на берег озера. — Сушиться стали... Как сейчас помню... У майора форма нова. Сапоги яловы... А у нас выгоревша. И обмотки... Мы — што нишша голытьба...

— И чего здесь случилось? — спросил я.

— Майор всё время ругался с товарищем батальонным комиссаром. Ой, как крепко ругался...

— О чём спорили? — спросил Павел Митрофанович.

— Майор в Киев спускаться предлагал... Говорил, что он там всё знает, и устроит. Что переберёмся через фронт...

— И почему не пошли? — спросил я.

— Товарищ комиссар говорил, что в Красной армии много войск... И она через неделю уже вернётся...

— Вернулась? — спросил внук.

Савелий не ответил. Взял ломтик щуки и принялся жевать.

— И что дальше? — спросил Павел Митрофанович.

— Товарищ комиссар потребовал отдать ему документы... И пусть катится...

— А майор? — спросил я.

— Майор сказал, что пойдёт сам. Без нас. А документов не отдаст. А товарищ комиссар крикнул, что документы — государственная тайна, и у него приказ следить за ними... Чтоб не попали к немцу...

— А майор? — спросил я.

— Этот майор сказал: «Я за них расписывался!» Оделся. Предложил нам идти с ним. Но мы отказались. Решили ждать Красную армию.

Савелий снова налил самогон и выпил.

— Ты бы, дед, не сильно... — сказал Алексей.

— Сегодня праздник, — уже захмелев, ответил Савелий. — Правильно товарищ генерал?

— И кто же убил майора? — спросил Павел Митрофанович.

— Товарищ комиссар, — гордо ответил Савелий.

— Ничего не путаешь, Савелий Александрович? — спросил генерал.

— Чё путат-то? Как сейчас с вами. Одежонку просушили... Майор оделся. «Вы оставайтесь, товарищ комиссар и ждите, — сказал.

— С вами война всё равно никогда не кончится...»

— Так и сказал? — переспросил Павел Митрофанович.

— Так и сказал. «Не кончится!..» Взял свой мешок, противогазную сумку и пошёл. — Савелий налил себе самогон. — С праздником! — Выпил. Но заедать не стал. Поставил рюмку на стол. — А товарищ комиссар вынул пистолет и выстрелил... Два раза... в спину. Государственный документ спасал.

– Дальше, дальше! – нервно попросил генерал.

– Майор повернулся. Вынул пистолет. «Я тебе обещал...» И выстрелил... И прямо в голову товарищу комиссару. Чего обещал, я не знаю...

– И куда же вы девали пакеты? – спросил я.

– Забрал всё с собой.

– И мундиры? – не удержался я.

– Нет. Только сапоги майорские, – сказал Савелий. – Один боец... Который с нами был... Как раз ему в пору...

– С покойника? – удивлённо спросил внук.

– А чего добру пропадать вражескому. Не фашисту же оставлять. – Савелий снова налил себе и выпил. – У майора лопатка сапёрна была. Вырыли могилу и положили... Товарища комиссара вниз. Засыпали маленько землёй. А сверху – этого майора... Я его положил не по закону... Головой на восток...

– А это зачем? – не удержался я. – Он же христианин, а не китаец какой?

– Чтоб ему всегда на том свете помнилось, што против власти не сметь!

– Ты про какую власть? – спросил внук.

– Что товарища комиссара застрелил, – сказал Савелий. – А государственну тайну фашисту хотел продать...

– Кофе или чай? – спросил я, стараясь не дать Савелию захмелеть окончательно.

– Кофе давайте, – радостно попросил он. – Ковды в Чернигов езжу, всегда пью... А моя старуха не любит. Мяту всё пьёт...

Я развёл костёр и поставил на мангал чайник.

Савелий полез в карман пиджака. Достал пачку «Памира». Заглянул в неё и, смяв, с остервенением швырнул в костёр.

– Вот, Алёша, не взяли мы с тобой курева.

Я поднялся и убежал в палатку. У меня было правило – всегда возить с собой сигареты и конфеты... для дам. Вывернул рюкзак наизнанку. На моё счастье нашёл в кармане завалившуюся пачку «Космоса» в твёрдой упаковке.

– Курите, – предложил я.

Савелий закурил.

– Слабоваты, – оценил он.

– Похоронили и пошли? – спросил я, стараясь продолжить разговор.

– Дошли мы до деревни. В одну избу постучали. Нам не открыли. В другу... Только в четвёртой приветили... Правда, не в дом. А в поветь. Это тут называется хлев. Дали поесть... Вот его бабка приносила. – Савелий указал на внука. – Двое ночью сбежали... А я, вот, и до сей поры живу.

– А пакеты где? – спросил генерал.

– Оставил их при себе. Государственна тайна... Пригодились. Как наши пришли в сорок третьем... Проверять стали – кто и как при немцах себя вёл... Я пакет сразу отдал... Отметили, что государственну тайну от фашиста сберёг.

– А второй где? – перебил Павел Митрофанович.

Савелий даже поперхнулся дымом.

— Откуда знаш, товарищ генерал про второй-то?

— Потому и генерал, что знаю.

— Моя старуха-то... Тогда она ещё молода была... У нас только-только дочь родилась. Вот его мать... — Савелий кивнул в сторону внука. — Кудась его упрягала... Да про него и не спрашивали... В благодарность, что сохранил документ, меня в специальны войска определили. Поперву немецких пленных охранял. Потом возил из немецких лагерей всяку сволочь, котора в плен сдавалась в сорок первом и сорок втором...

Савелий сбросил пиджак, вышел из-под тента расстегнул пуговицы на рубашке и подставил под горячие лучи седовласую грудь.

— Все уж дома, а я всё воюю... — пожаловался он. — Только в сорок пятом демобилизовали... В августе. Как сейчас помню... прямо на станции в Ростове-на-Дону. Оружью отобрали и всех по домам...

— С кем же воевали? — спросил я.

— В апреле сорок пятого назначили в Новочеркасск. В спецчасть. Я уж тогда был старшиной... Стали приходиться составы из Германии, Австрии... Привозили предателей, которы в сорок первом-то году в плен сбежали. Их ой как много было. За каждым глаз да глаз...

— Лагерь специальный? — уточнил я.

— Вроде. Утром для всех строева подготовка. Днём — стрелят. Окопы роют. Вечером зарывают... Чтоб завтра снова рыть. Учили, как родину любить, — рассмеялся Савелий. — А третьего августа полковник Клятый на плацу прочитал приказ перед строем: «Вы, как предатели родины, должны искупить свою вину кровью!» Вечером погрузили всех в вагоны. Роздали винтовки и повезли Армению от турок освобождать...

— Кого? — вырвалось из меня удивление.

— Пособников Гитлера. Турков... Россия всегда воевала эту нечесть! — заявил Савелий.

Он вернулся за стол. Закурил.

— Жаль, не доехали до турок. Шестого августа нас остановили в Ростове. Отобрали винтовки и всех по домам отправили... И меня. Даже денег на билет не дали сволочи!.. Как хош, так и добирайся... Но у меня кой-каки консервы были. Бельишко припасено... Маленько пришлось побаловаться на вокзале... чтоб денежек-то добыть... До жены и дочери добраться.

Савелий снова выпил...

— Вот я и хожу каждый год сюда... Могилку товарища комиссара поправляю... Кто другой знат, что хороший человек тут лежит?.. Вона Алексей после меня будет ходить... В Афганистане воевал... Герой!

— Пойдём, дед, — сказал внук. Надел на себя рюкзак, подхватил с земли костыли и, далеко забрасывая вперёд правую ногу, зашагал в сторону просеки.

* * *

Мы уселись у стола и принялись хлебать уху.

У меня осталось странное впечатление, что с уходом старика и внука ушла какая-то недосказанность. Мне почему-то не хотелось

говорить о могиле.

— А Берлин не брали? — спросил я Павла Митрофановича, считая, что в день Победы лучше говорить о победе.

— После Киева маня в академию отозвали на основной курс...

— Учиться — это хорошо...

— ...делать из меня молодые генеральские кадры для будущих завоеваний во имя мира во всём мире, — со злой иронией сказал старик. Он перехватил мой удивлённый взгляд. — Это теперь я так говорю. А тогда... Учиться в Академии Генерального штаба мне с тремя классами и танковым училищем — великая честь... Ведь уже был генералом... А свой Берлин я взял девятого мая сорок пятого. Сел в поезд и помчался на Дальний восток... На должность заместителя командующего танковыми войсками Первого Дальневосточного фронта.

— А как же ваши верные соратники?

— Взять с собой в академию я никого из них не мог, — с сожалением сказал Павел Митрофанович.

— Сделали бы из Амвросия офицера, — сказал я. — Всё легче, чем рядовому.

— Сделал бы. Да он сам не хотел. Старшину, солдата я куда хочу, туда и определяю. А офицерами уже не командую. Штаб распоряжается. И не твой, а чужой, который от тебя за сто километров, а то и далее. А Хамзя, думаю, выжил. Очень пуля его не жаловала. Всё обминала... Была бы моя воля — забрал бы с собой. Как получил назначение после академии, попробовал разыскать. Но что можно сделать за две недели?..

— А как с японцами?

— После трёх лет мясорубки — японцы тьфу! Я даже не запомнил ничего, кроме корейца-хозяина, у которого нас с женой расквартировали...

— Так вы уже были женат?

— Пока академничал, успел, — нехотя ответил Павел Митрофанович. — Очень мне нравился старик. Неспешный, рассудительный. Учил мою жену по разрезу глаз национальности различать... Мне все китайцы, японцы, корейцы на одно лицо. А он говорил: «Это не китаец. Это — манджурица»... Там у меня и первый сын родился. Хозяин был повивальной бабкой. До госпиталя не добежали...

— А сколько детей?

— Два сына... И четыре внука.

— Что входило в обязанности бронетанкового заместителя?

— Готовил вместе с оперативным отделом операции по захвату островов Курильской гряды и высадке на Хоккайдо и Хонсю...

— А как же договорённости о ненападении?

— Да какие там договорённости? — засмеялся Павел Митрофанович. — Пятнадцать миллионов штыхов с танками, «катюшами» и пасекой бомбардировщиков любую армию под себя готовы были подмять. Ведь людей никто никогда не считал...

А в конце июня вызывает меня к себе командующий...

— Малиновский?

— Он самый... Как сейчас перед глазами искрящиеся глаза счас-

тливого человека, делящегося со мной куском этого счастья... Маршал достал из сейфа папку и прочел: «Вам к 1-му августа необходимо подготовить высадку танкового корпуса с морским десантом... На Кунашир, Итуруп, Хоккайдо... и так далее. И чем масштабнее и стремительнее будет высадка, тем лучше. Средств не жалеть... Третий фронт, так сказать!.. Сходите в особый отдел. И уладьте все формальности...» Отправился... И Хозяин кабинета подсовывает мне чистый листок бумаги. «Распишитесь!» Я взял его и вспомнил, как расписывался при получении двух пакетов в штабе корпуса в сорок первом году. Перевернул бумажку... Как говорят, «знакомые всё цифры»... Сто десять двенадцать девяносто восемь. Это только во время лицемерных встреч с командованием у тебя имя, фамилия, звание. А на самом деле ты у власти только человек под номером...

— Выходит — инвентарный номер...

— Совершенно верно. Учётные цифры в особом отделе. С этим номером я, как конь с тавром, хожу по жизни. Думаю, что и сейчас в госбезопасности под этими цифрами числюсь...

— Зачем всё это? — спросил я.

— Вон проклятые империалисты кричат по «Голосу Америки», что Советский Союз готовил захват Японии. Расчленение по принципу Кореи на две части. А мы с пеной у рта говорим: «Ложь наглая! Докажите...» И, действительно, крыть нечем. Где написан приказ о высадке на Хоккайдо?! Нет! Ни одной бумажки... Ничего нет. Есть только белый листочек с моей или чьей другой подписью, да цифры. А что за цифры? Скорее всего размер сапог, количество штанов, истертых за время службы... Съеденное количество банок американской тушёнки... А вы о каком-то ненападении...

— А вы?

— Приказ надо выполнять. Связался со штабом Тихоокеанского флота... С капитаном первого ранга... Фамилию запомнил... Ему за высадку потом Героя присвоили... Подготовил десантные баржи. Погрузил танки, десантников... И второго августа высадились на два острова... Четвертого и пятого — передышка... Седьмого — массированная высадка на Хоккайдо и Хонсю... А шестого приказ: «Операция отменяется. Половину техники и десанта вернуть на материк»... И всё без объяснения.

Я налил коньяк.

— Приказ не обсуждается, товарищ Юра, — сказал Павел Митрофанович, отказываясь от выпивки.

Он набросил шишек на кострище. Обложил бумажками и поджог.

— Вот и вся моя японская компания, — сказал старик. — Через неделю получил приказ отбыть в город Львов командовать тамошними танками... Первый сын родился в Хабаровске, а второй — во Львове... Отправляли спешно, словно поганой метлой выметали, как нагадившего щенка. Жена успела впопыхах двухмесячного ребёнка собрать. Чемодан с пелёнками да еду на полдороги...

Во Львове служил до августа пятьдесят шестого. Оттуда получил назначение в Киевский округ. Уже семью перевёз. Собрался сдавать дела... Как вдруг приказ: «Шагом марш в Венгрию!»

— Опять приказ, — рассмеялся я.

— Время весёлое было. Только культ объявили, народ из лагерей стал возвращаться. А в газетах и радио переполох: «В Венгрии бунтуют империалисты!» Ну, конечно, бывшие недобитые хортисты,¹⁴⁰ скрывавшиеся от возмездия гитлеровцы... Но идти на них танками — в голову не приходило. Сами разберутся...

— И опять приказ! — радостно улыбаясь, сказал я.

— «Быстрым марш-броском захватить Будапешт!»

Павел Митрофанович ушёл в палатку и вернулся с коробочкой. Достал таблетку и проглотил.

— Как в сорок первом... сначала переодели в парадное... Пришли. Никто нам не рад. Ничего, кроме мата русского не услышишь. В лицо плюют. Пусть только бы плевали. Машины поджигают. Пехота в парадной форме. Бляхи-цацки блестит — цель хорошая. Не промахнёшься. Танки горят. Один, другой... десятый. А открывать огонь в ответ пока приказа не получал. Зато другой пришел: «Окружить Оперный театр». Окружил. Как в Сталинграде. Внешнее кольцо и внутреннее. Стволы внутреннего направлены на здание театра, а внешнего — на толпу, что облепила нас.

— Не пускали публику слушать оперу?

— Да... Слушать! — рассмеялся Павел Митрофанович. — Люди входят в театр, выходят. А мы стоим и репы чешем...

— Опять приказ? — теперь рассмеялся я.

— А как же. Без этого нельзя. «Отойти за пределы города!» Отошли. На выходе: «Стоп!»

— Детская игра какая-то.

— Далеко не детская, — ответил старик. — Уже потом я узнал... В штабе Киевского округа один летун поведал по пьянке... В Венгрии было такое положение — ещё день и от большевиков камня на камне не останется. В Оперном был штаб восстания... Как в Смольном... Заседало новое правительство. Вот только фамилию запомнил их главного министра...

— Имре Надь,¹⁴¹ — напомнил я.

— Точно...

— Вот в Москве и решили с восстанием покончить одним махом. Из Узина подняли стратегические бомбардировщики. Те пошли на Румынию. Над Темешварой отворот на девяносто градусов... и легли на курс. Час лёту... и Будапешт. Шесть эскадрилий с полным боекомплектом... А из Узина другие эскадрильи уже взлетают. Как говорят, бомб под самую завязку... В сорок пятом не разнесли в дребезги, так сейчас получай! Будешь знать, как советскую власть не любить...

А нас, чтобы не попали под свои бомбы, отвели...

Павел Митрофанович снял с огня чайник и принялся заваривать чай.

— Что вы смотрите на меня так удивлённо? — спросил он.

— И бомбили? — с ужасом спросил я.

— Слав Богу, у кого-то хватило ума... Отменили налёт. Самолеты ушли назад на Умань... А мне новый приказ...

140. Хортисты — соратники М.Хорти, диктатора Венгрии, воевавшей на стороне гитлеровской Германии.

141. Надь Имре — руководитель правительства восставшей Венгрии.

Павел Митрофанович отхлебнул несколько глотков.

— А как только приехал в Киев, принял дела в штабе и тут же подал в отставку.

— Почему?

— Надоело быть дрессированным псом. Был у этой власти быдлом... и остался. Партия приказала!

— Комсомол ответил: «Есть!», — подхватив, рассмеялся я.

— Вот, вот... Я вспомнил, как Косаревский про присягу на сеновале спрашивал... Там про правительство, рабочий класс... А про Родину ни одного слова...

Сначала не хотели отпускать. Командующий округом мне песни стал петь: «Молодой. Сорок семь лет. В маршалы выйдешь». Но спасибо Никите Сергеевичу.¹⁴² Армию стал сокращать. Вот под шумок и я вылетел в запас. И с того дня, как стал штатским человеком, никаких штабов, райкомов, собраний и парадов... Неправда. Несколько раз внуки просили их на первомайский парад сводить... Надевал форму, вешал иконостас и вёл. Мне без спецпропуска дозволялось у трибуны постоять...

— И не ходили за вами? — усомнился я.

— Нет. Но в покое не оставляли... Гонцы забегали. Один из обкома приезжал. Звал праздновать годовщину высадки на Лютежском плацдарме.¹⁴³ Расписывал, как всё хорошо и торжественно будет организовано... Привезут штурмовавших... кто выжил. Я не выдержал и сказал этому партхолую:

«Вы бы лучше за эти деньги вдов и сирот из подвалов в квартиры переселили!..»

Больше не приглашали. В дом дорогу забыли... И я к ним тоже...

— А партвзносы? — спросил я. — Это же строго.

— Приходил райкомовский. Жена сказала, что я пропал без вести... Как-то легко поверили, и обо мне забыли. Найти до сих пор не могут... И я счастлив. Отобрать у меня нечего. Дачи персональной нет, машины нет... Вот это озеро и берег Днепра — все мои владения... Потом стали партбилеты менять. Но я не пошёл...

— Так это не возможно у нас... — сказал я.

— Почему?

— Но ведь детей никуда не пустят... Ни учиться, ни работать... Гноить будут...

— А никто из них про меня в анкетах ничего не пишет. Папа — пенсионер, мама — домохозяйка... Они взрослые люди. Выучились. Один — музыкант... Музыку сочиняет. Второй — художник. Работают... И никакие партии им не нужны.

Павел Митрофанович замолчал. Подбросил в огонь сушняк.

— Я для власти, Юра, страшнее всяких вражеских разведок. Когда человек делает что-то плохо, для власти это знак. Она знает, что есть такой... А я ничего не делаю. На выборы не хожу... Даже телевизор не смотрю, особенно после того, как нам показали большую фигу...

— Это вы о чём?

---

142. Хрущёв Н. С. — первый секретарь ЦК ВКП(б) 1953-1963гг.

143. Лютежский плацдарм — место форсирования Днепра частями 1-го Украинского фронта в сентябре 1943 г. у села Лютеж севернее Киева.

— О высадке человека на Луну... Весь мир смотрел, а мы дулю облизывали... Видите, у меня даже радиоприемника нет, как у вас... Равнодушие — хуже предательства. Никто не знает, что в моей душе творится. И вообще, скажу я вам, дорогой вы мой... Если такие верные псы, как я, отказываются служить в опричнине — власти хана... И очень скоро... А я не один такой, будьте уверены.

С неба стал падать громкий рокот. Над лесом, чуть не цепляясь за макушки сосен, пронеслось звено тяжелых боевых вертолётов.

— И тем более после теперешней войны, — прокомментировал полёт Павел Митрофанович, провожая взглядом вертушки. — Видать, перед начальством выпендриваются, если девятого мая летают.

— А я был в Будапеште, — сказал я. — С комсомольской делегацией. В Оперном тоже был... А вы не ездили в Будапеште потом?

— Мне нельзя в Венгрию... — Павел Митрофанович поставил чашку с чаем на стол.

— Почему?

Старик расправил спину и сказал с сожалением:

— Я же сказал, что получил приказ командования вернуться к Оперному... — И добавил, точно упрекая себя: — Руки по локти в крови...

Мы долго сидели молча.

— Всякая война в России заканчивается революцией... — сказал он. Пододвинул рюмку, налил коньяк и выпил. Искривил губы и недовольно заявил: — Кто заряжал!?

Он ещё раз выпил, не приглашая меня.

Вечер заканчивался в молчании.

Давайте ложиться спать... — тяжело предложил старик.

Когда улеглись, Павел Митрофанович вдруг сказал:

— Помните, я говорил о мальчонке, которого Амвросий из-под торосов выхватил... Так его расстреляли...

— Ребёнка! — вырвалось у меня. — За что?!

— Чтобы не выдал государственную тайну.

— Какую ещё?..

— Нас с позиций сняли и на Гудериана послали... А немцу до рогу преградили ледяным валом... Отец народов¹⁴⁴ ничего умнее не придумал... Приказал взорвать все плотины водохранилищ... Один из тех, кто должен был взрывать, заявил, что этого делать нельзя, не предупредив местное население... А лучший друг физкультурников ответил: «Придупридим, — Павел Митрофанович стал коверкать речь, изображая грузинский акцент. — Сразу аб этим узнайт нэмэцкае камандывание...» Знала кошка, чьим мясом отъедалась... Вы спрашивали про Зою Космодемьянскую? Так я вам скажу... Схватили её не немцы. Русские бабы сами немцу сдали.

— Что вы говорите?! — выдавил я из себя — Почему?.

— Жечь дома и палить стога — не детей кормить... А она решила поджечь избу, где немецкие офицеры квартировали. Правда, в этой избе было шестеро малых детей, отец которых защищал Москву... Ну, шестеро детей — сущий пустяк... Теперь спросите, почему из Освенцима сразу в «гулаг»? Без остановки...

---

144. Отец народов — Сталин И.В.

— За что? — спросил я несколько подавлено.
— Что за Сталина воевать не захотели.
— А мальчик?
— А что мальчик?.. Пятьдесят деревень ледяной вал снёс вместе со стариками и детьми... Одним мальчиком больше, одним — меньше... «А был ли мальчик? Может, мальчика и не было?»¹⁴⁵...

Старик стал вертеться на постели.

— Вы, Юра, лежите рядом с предателем... Сейчас я изменил родине... Я давал подписку о неразглашении факта подрыва плотин и шлюзов... под страхом смертной казни... Вызвали особисты и на пустом листочке с моими любимыми цифрами сто десять двенадцать девяносто восемь заставили расписаться, что никогда и никому об этом не расскажу... А мальчику расписаться не предложили... Не хватило бумаги и номеров...

10 мая

Нас разбудил стук топора...

Мы вышли испуганные.

У могильного холма лежали рюкзак и пиджак.

— Савелий чего-то не достроил? — предположил я. — Или кто другой сюда ходит?

Стук прекратился.

Из леса вышел Алексей. Он по-бурлацки тащил толстый сосновый хлыст, толщиной сантиметров пятнадцать, с трудом переставляя костыли.

— Ты чего удумал, сынок! — крикнул Павел Митрофанович и побежал парню навстречу.

Мы подхватили сырую сосну и понесли.

— Что это будет? — спросил старик.

— Крест поставлю, — ответил парень. Опустился на колени, достал из рюкзака пилу и лопату. Он на руках, прыгая, подскочил к сосновому хлысту и принялся пилить.

— Вы, Юра, умеете плотничать? — спросил Павел Митрофанович.

— Руки не из одного места растут пока...

— Тогда помогите, а я завтрак приготовлю.

Я ушёл к палатке за топором.

— Ведь пирамида есть? — спросил я, взявшись короватку длинный кусок ствола.

— Тут два человека лежат, — ответил Алексей и начал короватку короткий.

— Где ногу потерял?

— В Афгане.

— Долго был там?

— Две недели.

— Офицер?

— Нет. Призвали.

— И сразу в Афган?

— Полгода в учебке в Оренбурге. Потом самолётом в Кабул.

---

145. Цитата из М. Горького.

- Где воевал?
- Нигде...
- Как?
- Везли куда-то на грузовике из аэропорта. Только помню какой-то кишлак возле дороги. Минарет... Вопль: «Шурави, таслим!».¹⁴⁶ И взрыв... Очнулся в госпитале... Почти как в кино.. Упал, гипс... Только бриллиантов под гипсом не оказалось...
- От палатки раздался голос Павла Митрофановича:
- Юра, берите гостя и – к столу.
- Я не пойду, – сказал Алексей.
- Не удобно. Генерал приглашает.
- Я потом. Когда всё сделаю.
- Потом мы поможем. Пошли.
- Павел Митрофанович успел испечь полную миску оладий.
- Сметаны нет, – извиняясь, сказал он.
- У меня есть молоко... В рюкзаке... Я сейчас...
- Посиди, – попросил я. Принёс рюкзак.
- Мы разлили молоко по кружкам.
- Утрешнее, – сказал Алексей. – Бабка доила...
- А дед где? – спросил я.
- Наверное, на реке. Инспектора изображает. Его хлебом не корми, дай с властью в руках меж людей потолкаться.
- А почему я тебя никогда раньше не видел? – спросил Павел Митрофанович. – Я, вроде, всех парней местных знаю...
- Я с отцом живу... А у матери своя семья здесь. Так, на неделю приезжаю иногда...
- Ты про эту могилу знал?
- Знал. «Я государственну тайну от немца спас!» Это у него любимое, когда выпьет.
- И чего про могилу? – спросил я.
- Он пьяный много чего болтает... Они, эти двое, – парень кивнул в сторону могилы, – ненавидели друг друга... А мой дед убил майора.
- Мы с генералом переглянулись настороженно.
- Откуда ты это взял? – спросил я осторожно.
- Дед когда-то поругался с директором совхоза и прилюдно крикнул: «Я в том лесу не таких, как ты решал!» А когда освободили... бабушка говорила... дед сразу побежал с пакетом в «смерш». ¹⁴⁷
- А про второй пакет дед не рассказывал? – спросил Павел Митрофанович между прочим, пряча взгляд в траву.
- Он бы и два отнёс, да бабка припрятала...
- Зачем? – спросил я.
- Потому что толстый, – сказал парень. – Это надо мою бабку знать. На всякий случай. Как она всегда говорит, когда что-нибудь прячет: «Хай будэ. Їсти нэ просыть».¹⁴⁸
- Сколько лет твоей бабке? – спросил генерал.
- Как и деду... Шестьдесят пять...

146. Шурави, таслим! — советские, руки вверх! (советские, сдавайтесь! (дари).

147. СМЕРШ — контрразведка Красной армии с 19 апреля 1943 г.

148. Пусть будет. Есть не просит (укр.).

— А почему толстый спрятали? — спросил я.

— Бумаг больше, — резонно заметил парень. — Значит важнее. Я когда маленьким был, любил по ящикам лазить. Нашёл этот пакет. Вскрыл. Ничего для меня интересного не было. Я показал бабке.

«Зачем по комоду лазишь!» — Она мне уши накрутила.

И перепрятала.

Но я его всё равно нашёл. Лет через пять. Когда у отца уже жил. Приехал на лето и нашёл. И тоже перепрятал.

Алексей заглянул в рюкзак и вытащил большой серый конверт со следами сургучной печати, прилипшими к отвороту.

— В клуне за стропилом лежал до сих пор, — сказал он. — И мыши не погрызли, слава Богу.

Я взял конверт. В верхнем углу стоял блёклый чернильный штампик:

Совершенно секретно

Ниже были написаны какие-то цифры. А под ними — каллиграфическая рука штабного писаря вывела:

«Майору Багнету П.М.

Майору Куриат-Косаревскому И.А.»

— Кто такой Багнет?¹⁴⁹ — спросил я, передавая конверт Павлу Митрофановичу.

— Багнет?.. — в раздумье переспросил старик. — Багнет — это я.

— И спросил у парня: — Почему ты решил принести?

— Вчера, когда с дедом вернулись, достал конверт и прочитал фамилию... Вас тут все знают...

Генерал вынул из конверта лист бумаги, сложенный впятеро и развернул его. Это оказалась карта. Он составил на траву все приборы и тарелку с остатками оладий и положил её на их место. Это была карта части Польши и восточной Германии. Достал из конверта ещё одну — серый прозрачный пергамент, тоже сложенный впятеро. Развернул и наложил на карту.

Две большие чёрные стрелы перерезали Польшу от Радома и Люблина в сторону Седлица через Зелену Гуру и упирались в Лейпциг и Берлин. Начинались они от Берза и Равы-Русской.

— Это что означает, товарищ генерал? — спросил Алексей.

— Это часть директивы номер два, — ответил Павел Митрофанович. — В этом направлении танковая дивизия механизированного корпуса должна была совершить свой blitzkrieg.¹⁵⁰ Мой танковый полк в авангарде. А я, как командир полка... впереди на боевом коне... Т-34...

— А вы поняли, почему моего деда выгнали, как поганую собаку в сорок пятом из-под Ростова? — вдруг спросил Алексей. И поймав наши вопросительные взгляды, добавил: — Шестого августа сорок пятого года взорвали атомную бомбу в Хиросиме... И мировая война закончилась...

Алексей подхватил костыли с земли и поднялся из-за стола.

— Странно, — неожиданно сказал генерал. — Я рядом с этим

149. Багнет — штык (укр.).

150. Blitzkrieg — от (blitz — молния) и (krieg — война) — теория молниеносной войны (нем.).

взрывом был... И не подумал. — И добавил: — У вас когда поезд, Юра?

— В пять часов вечера.

— Ещё успеете, — Павел Митрофанович глянул на часы. — Сейчас только половина десятого. Автобус у просеки в половине второго. Помогите парню, а я вас провожу...

Мы ушли.

Багнет уселся за стол, сложил карты и вложил их в конверт...

Достал чашку, налил в неё коньяк и молча выпил...

* * *

— С чего начнём? — спросил я у Алексея.

— Отгешем квадрат, сделаем гнёзда. Пару гвоздей... и поставим.

Он взялся за малый чурбак, я — за большой.

— Куда же вас везли из аэропорта? — спросил я, вспомнив слова парня о его войне.

— Не знаю... Я очнулся на больничной койке... Открыл глаза... Огромная палатка... Вокруг люди в серых халатах.. Кто с рукой на перевязи, кто с перебинтованной грудью... Только в глазах какой-то звериный интерес ко мне... Точно ждали, когда я очнусь...

«Есть хочешь? — спрашивает один.

«Хочу». — Действительно голод подсасывал нутро.

«Ну, тогда вставай. А то на постели есть неудобно».

Откуда и сила взялась. Я отбросил простынь и попробовал встать... Упал лицом на пол.

А вся братия стоит надо мной и радостно хохочет. Базарное гиканье счастливых людей. Они-то знали, что я без ноги. И ждали...

Алексей обернулся и умолк.

За нашими спинами стоял Багнет.

— Это с тобой было, сынок? — спросил он.

— Так точно, товарищ генерал-лейтенант...

— Значит, эту войну мы уже проиграли, — сказал Павел Митрофанович. — Заканчивайте и подходите...

Мы установили крест с противоположной стороны могилы, как раз напротив пирамидки. Утрамбовали песок вокруг.

Собрали инструмент.

— Мне пора, — сказал Алексей, поднимаясь на костылях с земли.

— Пойдём к генералу. Звал...

На столе стояла бутылка коньяка и три рюмки.

— Давай, солдат, за тебя выпьем, — сказал старик и обнял Алексея.

Мы с генералом выпили. Алексей долго держал рюмку и, перед тем, как выпить, сказал, глядя в пространство перед собой отрешённым взглядом:

— Когда они нас перестанут убивать? Зачем мы живём здесь?..

Забросил за спину рюкзак и добавил:

— Конверт ваш, товарищ генерал... И вот ещё... — Он вынул из кармана большие часы в белом корпусе. Протянул Багнету. — Они не ходят. Я их в детстве сломал.

Он скрылся в просеке.

Павел Митрофанович повертел часы и положил на стол.

- Это чьи? — спросил я.
— Косаревского...

* * *

Снова заголосили сойки. Из глубины леса долетел надсадный гул мотора. На поляну въехала зелёная «буханка». Из водительской двери выпрыгнул высокий мужчина лет сорока с большой лысиной, которая начиналась на огромном плоском лбу.

— Привет, батя! — закричал он. — Принимай народ! — И ушёл открывать задние двери фургона.

Боковая дверь салона отворилась и на траву бодро выпрыгнула невысокая стройная женщина лет шестидесяти. Круглое лицо, большие черные глаза и венчик седых волос с крупными локонами.

— Пашенька, как твоё сердце? — взволнованно спросила она. — Ты таблетки принимал?.. — И увидев три пустые коньячные бутылки, которые валялись у стола, всплеснула руками. — Я так и знала! Ни на шаг отпустить нельзя...

— Аля, — выказывая детскую неловкость, позвал Павел Митрофанович женщину. Было видно, что неожиданный приезд гостей застал генерала врасплох. — Иди... я тебя... познакомлю. — И повернувшись ко мне, он сказал: — Это... моя... жена.

— Мать! — долетел возглас от машины. — Давай быстрее разгружаться! А то у меня мало времени.

— Выкладывая всё на землю, Дима... — ответила женщина. И уже обращаясь к мужу, спросила: — Вынеси Пешла, а то он боится... Вы тут не голодные?

— Ульяна Емельяновна! — Услышал я знакомый голос из нутра автомобиля. — Котлеты! С ними чего делать!?

«Докторская диссертация приехала, — сообразил я. — Обещал. Не обманул...»

На поляну выскочил огромный пушистый пепельно-серый кот, а следом с большой кастрюлей в руках, вылез грузный человек без талии и с толстыми линзами на длинном носу.

— Старик! — крикнул он, увидев меня. — Ты ещё тут? Очень хорошо! Вечером пулечку¹⁵¹...

— Я сегодня уезжаю, старик, — ответил я. — У меня поезд... Как твоя диссертация?..

— Докторская колбаса с водкой гораздо лучше, старик... Сказали на учёном совете, что «этого не может быть, потому что не может быть никогда»¹⁵²...

— Вы с ним теперь за один стол не садитесь, — сказал Дима, выкладывая вещи на поляну. — Величина... Отец столбовых клеток... Я правильно говорю, товарищ доктор?

— Столбовые бывают только дворяне, деревня! — ответил мой приятель. — А у меня ствольные клетки.

— Столб — это ствол без коры, — сказал Дима.

— Дима, — спросил Павел Митрофанович, — подвезёшь человека на станцию?

— Конечно...

— Ты действительно, старик, уезжаешь? — спросил обиженно

151. Пулечка — партия в преферанс (жарг.).

152. Цитата из А. П. Чехова.

стволовой доктор.

— Увы!

— Ну, тогда пойдём, выпьем!

* * *

«Буханка» медленно выбиралась с рытвины на ухаб просеки. Мотор гудел. Дима непрерывно дёргал рычаг переключения передач.

— Дмитрий Павлович, — спросил я, когда выехали на асфальт, — часто сюда навещаетесь?

— Я не Павлович, а Амвросиевич, — ответил шофёр. — К сожалению, четыре раза в году. Привожу, перевожу и отвожу... На озеро и на Днепр.

— А сами рыбачите?

— За работой не хватает времени. Одни командировки... Если на Ахтубу еду... Вот там иногда ловлю.

— А на Ахтубе что?

— Капустин Яр.¹⁵³

— А вы кто?

— Борюсь за мир во всём мире в качестве Главного конструктора. Делаю чего-то, но не «перекрываю Енисей».¹⁵⁴

— А ваш отец?.. Что с ним?

— Не знаю, — после долгой паузы ответил Дмитрий Амвросиевич. — Я ведь до недавнего носил фамилию матери, потому, что незаконнорожденный. А потом написал в военкомат запрос. У мамы полевая почта на открытке была. Седьмым мая из Берлина датирована... Прислали ответ: «Погиб 9 мая 1945 г.» В какой-то деревне возле Праги. Там и похоронили. Он же был танкистом... Думаю — брешут... В Праге никаких боёв уже не было девятого мая... Могли расстрелять смершники за что-то... Мама, пока была жива, всё пыталась узнать... Добивалась... Как в глухую стену... Вы ему — никто.

— А бабушка?

— Бабушка Анисья? Анисья Аврамовна... — Я её не помню. Только по рассказам. В сорок втором, мама говорила, партизанский отряд организовала... Немцы дядю Толю схватили... И ей предложили сдать, в обмен на его жизнь... Она сдалась... Их обоих повесили... Её до сих пор все в селе помнят. Даже улицу называют Анисьиной.

— А почему не по фамилии.

— Так это у народа. А у власти улица — Колхозная. Кому нужна какая-то партизанка, если она за своё воевала без руководящей роли....

— А Борис?

Дмитрий внимательно посмотрел на меня. Долго молчал и спросил:

— Откуда знаете про Бориса?

— Павел Митрофанович рассказывал.

— Ушёл он, — после долгого молчания сказал Дмитрий. — Его послали в Германию кого-то убрать. В пятьдесят шестом... Не захо-

153. Капустин Яр — крупнейший полигон для испытаний военной техники в Калмыцкой степи.

154. Вольная цитата из Ю.Визбора.

тел убивать... Теперь в Мельбурне живёт... Получили от него весточку два года назад... Кто-то сюда приезжал из его австралийских друзей. В Москве бросил письмо в почтовый ящик ...

— У него была семья?

— Нет.

— А ещё Павел Митрофанович рассказывал о каком-то Евсее?

— Про него и сейчас вспоминают... Голова был, — многозначительно сказал Дмитрий Амвросиевич и зло добавил, ухмыльнувшись. — Пришли наши... и повесили!

— За что?

— За то, что народ в селе его старостой избрал... Он партизанам помогал крепко... У немцев крутился... Моя мать была у него связной... Но всё это не считается. Коллаборационист...

Мы въехали на привокзальную площадь.

Дмитрий Амвросиевич пожал мне руку, и я выскочил из машины. «Буханка» уехала.

* * *

В Москве на вокзале я сдал вещи в камеру хранения и помчался в редакцию газеты. Влетел в кабинет заведомом и с порога крикнул:

— Я снимаю статью!

— Ты с ума сошёл! Мы её в номер собираемся сдавать! На подписи у главного...

— Мне без разницы. Я только могу поблагодарить редакцию, что не поставили мой материал...

— С чего вдруг?

— Цензура не пропускает.

— Какая цензура? С ней всё улажено давно.

— Моя. Собственная.

Через неделю я съездил в Петрищево... Лучше бы сидел дома. Вернулся с ощущением обманутого мальчика...

* * *

Коротая зимой длинные, тёмные вечера, я готовился к будущему сезону. Накупил снастей нужных и не нужных. У комиссионного магазина на Хорошёвке какой-то барыга всучил мне заграничную штучку — маленький диктофон.

За тридцать дней взял билет на поезд... На 30-е апреля...

Но 26-го взорвался Чернобыль...

Я позвонил приятелю в газету с желанием обсудить трагедию, как со специалистом. Он приехал ко мне и показал карту радиоактивного загрязнения.

Моё озеро оказалось в тридцатикилометровой зоне отчуждения...

Ехать было бессмысленно...

Константин САВЕЛЬЕВ

СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

* * *

Нас учили и добру и скверне.
Скверна заползала под ребро.
Потому и любим мы, наверно,
вспоминать давнишнее добро.

Вспоминать ли... Поминать ли всеу...
Кто добрей за эти годы стал?
И всегда со скверною воюем,
возведя её на пьедестал.

В нас ко всем — и ни к кому участие.
Крышу ладим — стен не подведя.
И всегда за будущее счастье
отдадим и близких и себя.

Нас, как щепку, в луже мира носит.
Словно несмышленьши на юру,
Всё-то ждем, какой нам лозунг бросит
грамотей проезжий поутру.

* * *

На паршивой планете,
меж сутяг и ловчил,
Бог поэта приметил —
в суете различил.

Безнадежность вопросов
не поставил в вину,
ведь избранника посох
предназначил ему.

Создал кроткую фею,
выдал рай в шалаше,
возжелав эпопеи
о вселенской душе.

А поэт — забияка,
хоть опешил слегка,
на держался без страха
и глядел свысока.

Ох, недобрую участь
выбрал фее Господь:
здесь стихами замучат
эту юную плоть.

Стихотворец лукаво
попытался, как тать,
ненадежную славу
в кабаках промотать,

но однажды про душу
распаскудный сюжет
он в шалмане подслушал
сквозь дымок сигарет.

И сюжет свой лелея,
стал меж бражников — слух.
Всё нахваливал фею,
но любил — потаскух.

И уже забулдыгам
из кабацкой трухи
не записанной книги
посвящались стихи...

Что там вышло с сюжетом,
и каков был итог,
помнят феи поэта,
забулдыги и Бог.

На паршивых планетах,
что выходят в тираж,
есть такие сюжеты —
клочья шкуры отдашь.

* * *

О. Мандельштаму

Когда в твою страну опять заносит моду
толпой на площадях искать насущный хлеб,
ты частный человек эпохи сумасбродов —
их истеричных войн и ломаных судеб.
Когда закон и власть на площадях разъяты,
и съежилась, кряхтя, осьмушка бытия,
ты частный человек... трибуны и солдаты
так тягостны душе в эпоху воронья.

И помнишь наперед, что в этой круговерти,
навряд ли повезет остаться ни при чем...

что выбор невелик... что быть понятней жертвой,
чем палачом.

* * *

Еще года остры на вкус,
роса горит в траве,
еще судьбы бубновый туз
смеётся в рукаве.

И сердце просто, без искусств,
Вот-вот сорвется вскачь,
и веришь высшему из чувств —
предчувствию удач.

Еще заветная тетрадь
измазана в вине,
еще бы малость погулять
на этой стороне.

Пока живуч упрямый зуд —
писать наверняка,
еще, быть может, подождут
поэта облака.

* * *

В. Бердичевскому

Там, где солнце завсегда в зените,
завсегда людей водоворот:
— Для себя у Бога не просите..
мудро обронил экскурсовод.

Я смотрел на стену. Где-то близко
шли пути в неведомый чертог,
где о наших жизнях по запискам
узнаёт задумавшийся Бог.
Я представил, как устав от рая,
сильно потускневшего в веках,
он сидит, каракули читает
на разнообразных языках.

Как свисают бесконечной снизкой
письмена, что просьбами полны,
где всегда отыщется записка
из моей растерянной страны.

Той, что просит мира и покоя,
той, где снова в венчиках из роз

площадью проходит под конвоем
битый мародерами Христос.

* * *

Дом, как дом. Хоть скворешня, конечно.
Впрочем, высь из скворешни видна.
Здесь чудак абсолютно нездешний
ищет в книгах свои времена.

Пьет охотно с окрестной босотой,
продираясь в полуночный бред,
ясно чувствуя: главное что-то
он забыл, появляясь на свет.

Там, в полночи, лица иные,
хотя жизни ясны берега...
но дожди просквозят ледяные,
и густые повалят снега.

И однажды, вдыхая сквозь поры
запах снега в глухом феврале,
разом вспомнит и время, и город,
где любили его на Земле.

И скользя прямиком к катастрофе,
сев растерянно на табурет,
разом вспомнит и пальцы, и профиль,
посвист вьюги и дух сигарет.

Вспомнит ночь — без конца и без края,
привкус губ, в изголовье свечу...
Как он выживет с этим — не знаю.
Не гадаю. И знать — не хочу.

* * *

Место жизни не изменится уже.
Это место здесь, на первом этаже.
Где за окнами облупленный забор,
старый тополь да замусоренный двор.
Жизнь такие заложила виражи:
возле мусорки кучкуются бомжи,
редко физики проходят — рядом тут
помирает сверхсекретный институт.
Видно, века неумного итог —
эти физики да с мусорок оброк,
а в мозгах страны давно сорвало кран:
за Афганом — то Чернобыль, то Майдан.

И среди вселенской сирой нищеты
ты зачем-то хочешь вырастить цветы...

Пусть соседка — ученый человек
вразумляет, что цветы сажает ЖЭК,
он не помнит — простодушный ретроград —
это было полстолетия назад.
И стирая лихолетия печать,
будешь землю сеять, камни выбирать,
а в погожий теплый вечер завезем
не загаженный наукой чернозем...
ЖЭК, вписав твоё чудачество в строку.
депутации приводит к цветнику:
видно, плотно обсуждается вопрос
о бюджете можжевельников и роз.

Постаревшие науки соловьи
свысока глядят на странности твои,
ведь чудачества такие не в цене
в обреченно ждущей милостей стране...

* * *

В харчевне тихий разговор:
в полночной тишине.
Солдат с купцом заводят спор
о мире и войне.
Купец сказал:
— К чему скрывать:
война — не пустяки...
тоскливо, сударь, торговать
в спокойные деньки.
Зато, когда надломлен мир
и шествует война,
как пахнут всадника мундир
и сбруя скакуна!
Мундир истреплется до дыр,
и поредет строй,
но мне приносит кирасир
трофейный золотой.
Ему до края жизнь дана —
в семнадцать жарких лет
он хочет женщин и вина,
и новых эполет.
Он в час победы щедр, богат,
и каждый рад ему...
Я пью за будущих солдат,
за новую войну!

Солдат ответил:
— Не беда,
пополнятся полки,
ведь молодость идет всегда
в веселые стрелки.
И я бывал от боя пьян
не верил в смертный час
и не гадал в толпе селян,
как похоронят нас.
Но тех, кто накопил денегжат,
кому на фронт плевать,
в миряне рукоположат
и домик и кровать.
Там сладко пахнет бабий пот,
там жирная земля,
там даже дьявол не найдет
гвардейца короля.

А ночь плыла, плыла в вине...
От лампы иль луны
чернели рядом на стене
два профиля войны...
Покой солдату поднесла
судьба, подслушав речь, —
гвардейский строй легко смела
зазорная картечь.
Купца, что хаживал тайком
к прелестницам в шатер,
зарезал душным вечерком
рубаха-мародер.

Но примеряют кивера
романтики и сброд,
ведь снова армии пора
в блистательный поход.
Юнцу к лицу фасонный кант —
жизнь удалась вполне,
и, значит, вечный маркитант
опять в большой цене.

* * *

Призывников слепые лица.
Оркестра дьявольская медь.
Один в спасители стремится,
другой стремится уцелеть.

И после музыки кипучей
их, деньги родины ценя,
в заштатном лагере обучат
наукам ратным за три дня.

Недалеко, на поле боя,
в стене огня сгорят сердца
и ни кокарды — от героя,
ни каблука — от мудреца.

И полупьяный писаришка —
трепач, штабной палатки плут —
их и в потери не запишет,
ведь документов не найдут.

* * *

Как трудно разумом принять
в чересполосице невнятной,
что время повернуло вспять:
скрипит и катится обратно.

Обжив пожухлое жнивье,
заколотив в былое двери,
блажит-гуляет вороньё
на гордых остовах империей.

Еще историки наврут,
что связь времен неоспорима,
что это варвары идут
камнями гибнущего Рима.

И воспоют походов грязь,
звериный гул мускулатуры
и портик, что мрачнел, косясь
на их всклокоченные шкуры.

Еще магистр мудреных числ
и коридорных разговоров
откроет формулами смысл
времен предательства и мора.

А нынче... нынче не хитро
устроен мир. И ровно в восемь
стоит старуха у метро,
стоит и подаянья просит.

* * *

С.Ш.

Здесь брошен спасательный круг тишины.
И крыш приподнял воротник
рыбацкий причал накануне зимы,
где в домике дюжина книг.
Здесь ладный коттедж и подлатанный хлам
бытуют почти наравне,
и свет выключается по вечерам,
как всюду в невнятной стране.
И смотрит, наевшийся рыбы вчера
от пуза, лоснящийся кот,
как ставит на зимний прикол катера
речной, хитрованский народ.
С приятелем пьешь у камина вино,
течет завиральный рассказ,
и сколько нам роскоши будет дано,
всё чаще зависит от нас.
И медленно, желтый на черной воде,
минуя закраинный лед,
дубовый листок, как и прежде, — к орде,
к далекому морю плывет.

* * *

Звенело веселое тело.
И челку сдувая со лба,
зазывно и жарко глядела
в семнадцать девчонка-судьба.

Но, кажется, лет через десять
гадал я: она — не она?..
на шпильках, в моднячем берете
и мудростью первой полна.

Мы с нею встречались не много,
но после годков тридцати
мелькнула пижонская строгость:
прическа, духи от Коти.

И помню, как битый, умелый,
сбивался опять и опять,
когда она странно смотрела —
как-будто с тоской — в сорок пять...

Вздохнула, подкрасила губы —
в ней пламя горело юродств —

и кротко промолвила: «Сударь,
каких вам еще сумасбродств?»

* * *

Погуляю дорожкой лунной,
напишу кружевной сонет —
я с тобой возвращаюсь в юность —
на планету, которой нет.

Там когда-то живали в силе
и транжирили душ запас,
веря в тех, кого приручили,
чуя тех, кто приручит нас.

Но встречать бестолково, право,
на планете — чужой — зарю...
Хоть на юность порой лукаво,
с сумасшедшинкою смотрю.

И пытаюсь не видеть плечи,
умеряя поэта прыть,
не хочу в межпланетный вечер
о несбыточном говорить.

* * *

... Но в твою маету, где ты куксишься, полупростужен,
в пестромастную грязь ото льда отходящих аллей,
хрусткий град снизойдет, наметет-набросает жемчужин,
чтобы пилось, и пелось, и просто жилось веселей.

И плевать, что не всё получалось легко да умело:
чаще лез напролом и ключи не искал от ворот...
И захочется так неподъемного, нужного дела,
что и к жизни подтянет, и разом возьмет в оборот.

И течет по щекам воздух колкий, пронзительно-синий...
И глотаешь весну, и не веришь во власть ерунды,
и пушится с утра на асфальте нетронутый иней,
поверяющий вечности легкие наши следы.

* * *

Не будь весной несносен,
не мни тоску в строку —
не так уж много весен
осталось на веку.

Лелеять не годится
злосчастия свои,
когда франтят синицы,
ликуют воробьи.

Когда, смутивший стужу
теплом степных дорог,
по первосортным лужам
гуляет ветерок.

И мир оцепенелый
к нашествию готов
студенточек умелых
и мартовских котов

СВЯТОГОРСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Полупатриархальный уют —
просыпается рано обитель,
у знакомых дверей продают
удивительно пахнущий сбитень.

И наверх, в воробьиный разброд,
посредине дождливого лета
все течет по ступенькам народ,
поднимаясь к могиле поэта.

Я люблю здесь дорогу сквозь лес
и над озером ясные звоны:
это храм разоренный воскрес
под десницей монаха Ионы.

И под сень монастырской руки,
основательно битые жизнью,
все идут да идут мужики,
потерявшие место в отчизне.

Те, кто горя хлебнул от ума,
кто сорвался от водочки с круга,
ладят печи и рубят дома,
и, вздохнув, оживает округа.

А над озером здесь — русский дух.
Русью пахнет! И вечностью веет...
А песок здесь действительно сух.
Это так, Александр Сергеич.

Сергей ПОТИМКОВ

СВЯЩЕННОЕ СЛОВО «ЗАПИСКИ»...

ВЕЧЕР В ГОРОДЕ

Жизнь может пройти незаметно.
Никто не узнает о вас.
Развешены окна на ветках.
И в каждом — цемящий рассказ.

ДРУЗЬЯ

Друзья растеряны...
И я теряю их.
Они врагов придумали.
Им не хватает пальцев.
А я дело всю правду на двоих.
И пью лекарства,
чтоб повысить кальций.
Нельзя мне позвоночник
гнуть. Нельзя!
Мне нужно сохранить
свою основу.
Меня ругают бывшие друзья.
Не бывшие.
Я полюбил их снова.
Они поймут меня
когда-нибудь. Тогда,
когда откроют
лицемеры лица.
И вознесется первая звезда
над тем, что вновь
я окрестил столицей.

«ЗИМА»

Зима в ч/б кино снимает,
где полынья, как копирайт.
Растает фильм. И с ним растает
и файл сна, и снега сайт.

Я режиссер «Зимы» и зритель.
Я вебдизайнер и актер.
Мой северно-парадный китель
стихов отряхивает сор.

А ассистентка так берёзно
мне иней родины несет,
что разбираться поздно, поздно,
где старый год, где новый год.

Все сказано давно и снято.
Покрыто белой пеленой...
И мчится поезда цитата
делиться зимней целиной.

СОЛНЦЕ ВАРШАВЫ

У этого города — норов, не нрав.
Не город, а просто красава!
Упрямый Коперник, конечно же, прав,
ведь Солнце вращает Варшава.

НА МАРШАЛКОВСКОЙ

А сердцем ты понять готов,
когда идешь по Маршалковской,
и прыть пилсудских башмаков,
и рокот армий рокоссовский?

КОФЕ ИЕРУСАЛИМА

Не крепкий кофе закажите,
найдите легкий солнцепек —
и с городом чужим дружите,
хотя ему и невдомек,
что вы пришли,
что вы устали,
что вы хотели б отдохнуть
и что несносные печали
вам преграждали долгий путь,
что не турист вы на Голгофе
и вам не тридцать третий год...
Не крепкий закажите кофе.
Его вам Город принесет.

ЛИТВА ДЕРЕВЯННАЯ

А взаправду Литва деревянная.
Камень тоже хорош, но потом.
Настоящая вера — упрямая.
Только с верой и строится дом.

А бетон и стекло — это изыски.
Нынче этим кого удивишь?
Ты с Литвой не почувствуешь близости,
не услышав, как шепчется мышь.

Ведь Литва — это шелест и шорохи.
Скрип дубов и молчанье озер.
Заклинаний лиловые сполохи.
Хуторов перекличка и хор.

САД ТРЕВОГИ

Я видел гортензии.
Цвет фиолета
шептал: — Подожди, —
там, за ливнями лето.
Там будут улыбки
и легкие платья.
Там кроны деревьев
откроют объятия.
И будет все так,
как и было тогда,
когда акварельно
струилась вода,
и плыл теплоход
к облакам над рекою,
и счастье таилось
за ближней горою...

Гортензий светились
весенние лики.
Но что-то другое
шептали гвоздики.

И строились робко
повзводно, поротно
в букеты числом
обязательно четным.

НОВЫЙ ПРИЗЫВ

Наверстай, моя жизнь, наверстай
все, что в книгу сверстать не успела!
Пусть страницы птенцами летят
смело так и, увы, неумело.

Нас научит не падать — полет.
Нас стремиться научит — природа.
Даже если остался лишь год —
в нем поместится слова свобода!

Мы потом попадем в переплет
из тумана и мглы коленкора.
Мы потомков поднимем в поход,
чтоб вошли они в книжный наш Город —
в этот нами придуманный край...

Наверстай, моя Жизнь, наверстай!

* * *

С.Ш.

В белом платье
танцуешь ты с ангелом.
В белом платье.
Белом, как мел.
Небеса распахнули объятья —
и открылся высокий предел.

Ты поставишь для ангела танец,
что задуман тобой на земле.
Вспыхнет золотом протуберанец —
там в заоблачно светлой стране.

Упорхнула ты худенькой птичкой,
так измучившись в нашей ночи.
Мы напишем тебе что-то в «личку».
Ты в ответ нам звезду напиши.

«ЗАПИСКИ»

Священное слово «Записки».
Библейской канвы черновик.
Прозрение Истины близко,
как вечности канувшей миг.

И жизнь невозможно понятна,
как поля простой пересказ.
И кажется: жаркая жатва
случится уже в этот раз.

Перо обжигает бумагу.
И рукопись жадно горит.
Ты пальцами чувствуешь тягу.
Ты пишешь Судьбы буквари.

Жар-птица, Жар-птица, Жар-птица,
оставь узнаванья ожог!
«Записок» пылают страницы.
Как быстро читаешь Ты, Бог!

КОГДА

Когда пройдем мы, звякая медалями,
в коричневых от пыли сапогах
по улицам разбитых городов,
вы нас, отпетых, не пугайте далями.
Мы позабыли, что такое страх.
У нас здесь каждый умереть готов.

Есть у возмездия инерция такая,
что описать ее не может человек.
Тем более, когда он в гимнастёрке.
Нам вновь судьба мерещится лихая.
Нам снится позабытый век.
Нас снова вдохновляет Тёркин.

Как весело за Родину сражаться!
И как легко совсем не уставать.
И мы собой гордимся. 45-й
к нам возвращается. И слово «Братство»
в огне мы научились узнавать.
И это слово нам навеки свято.

Родное нам взрывает рты «Ура!».
Да, мы пришли иуд всех покарать.

«Быть иль не быть?» — уже не наш вопрос.
Наш батальонный командир — Христос,
на чьих погонах звезды вместо роз.
Мы с Ним свою судьбу давно связали.

ПРОВИНЦИАЛ

Иисус, конечно, был провинциалом.
Он по провинции без усталости бродил.
Закатной кровью — невозможно алой —
империи задворки окропил.
В столице не узнали о распятыи.
О воскрешении не было депеш.
Никто на солнце не увидел пятен
и эры не почувствовал рубеж.
Апостолы, и те всё сомневались:
за тем ли шли и слушали того ль?
И только женщины бессонные рыдали,
грядущих дней испытывая боль...

Вглядитесь в дальние невидимые лица.
История в провинции творится.

ИЗ ВАСИЛЯ СТУСА

(перевод)

Еще зеленеют Славутича кручи,
и речки синее мечтательно гладь,
но птицей уже пролетел неминуемый
последний твой час. И виднеется падь.
И солнце высоко, и небо глубоко,
но сердцу уже не вместиться в груди.
Прекрасная жизнь — миражи и морока,
и что-то зовет и зовет впереди.
Уже пронесли окрыленные выси.
Чтоб пропасть увидеть, глаза не закрой.
Ты видишь распятыи дороги? Молись же —
еще ты не воин, еще не герой.
Ревут пароходы, гудят паровозы
и аэропланы наметили след.
Цепляйся за кручу, за терен колючий,
цепляйся за небо, как яблони цвет.
Уже разлеглась безоглядно чужбина,
уже чужеземный ощерился край.
Прощай, Украина, моя Украина,
чужая Украина, навеки прощай.

Ксения КАЛЪЯН

УКРАИНА, ХАРЬКОВ В ТВОРЧЕСТВЕ РИММЫ КАТАЕВОЙ

Тема любви к Родине в литературе поднимается особенно остро в напряженные, переломные моменты истории страны, а также в периоды политических и социальных пертурбаций. Патриотическая лирика русскоязычной поэтессы Украины Риммы Катаевой представлена уже в первых ее сборниках («Порог» 1983, «Рябиновая ветка» 1987). Это время нового этапа развития социальной и культурной жизни страны, — так называемой «Перестройки», характеризующегося значительной демократизацией цензурных ограничений.

Все творчество Р. Катаевой пронизано любовью к Украине. Важно определить, что значит для поэтессы понятие «родина»? Ответ на этот вопрос находим в стихотворении «А родилась я в Украине» (2000):

А родилась я в Украине.
В краю любимом — и поныне.
Моя Сумская, мой Крещатик,
Что может быть на свете краше?!

Приверженность Р. Катаевой к Родине выражена с помощью стилистических фигур речи: анафоры и антитезы. Пример этому встречается в третьей строке стихотворения, когда два однородных члена предложения связаны притяжательными местоимениями «мой», «моя». В другом случае:

Но я любила — и Россию:
Ее прозрачные росины,
Ее былинные чащобы,
Ее горячие сугробы...

Однородные члены предложения «нанизаны» на притяжательное местоимение «ее». Употребление местоимений, характеризующих различную степень принадлежности речи к лирическому «я», формирует грамматическую антитезу «мой», «моя» / «ее». Таким образом Р. Катаева противопоставляет и сравнивает свои чувства к Украине и России. Говоря об Украине, поэтесса чувствует прочную связь со всем, что объединяет ее с родной землей. Тогда, как красота и богатство российской земли восхищают поэтессу, но ее чувство к ним не столь глубоко. Переход от зачина к основной части отмечен сменой тональности стихотворения. Произведение приобретает минорно-тревожный окрас. Такой эффект достигается благодаря повышенной экспрессивности художественной речи. Неоднократное применение эпитетов способствует нагнетанию внутреннего напряжения и пониманию неотвратимости катастрофы:

- угловатая разруха;
- страшная, непростая (стая);
- скулят болезненно потери;
- долги стучатся круто в двери

Большинство стихотворений Р. Катаевой посвящено чувству глубокой привязанности к Украине. Ярким подтверждением этого является программное произведение «Украина» (сб. « Крутые дожди», 1997). Стихотворение является знаковым в творческом пути Риммы Катаевой, определяющим основные вехи ее становления как поэтессы. Оно аллюзивно начинается прямой цитатой из А. Малышко: « Україно моя!...» Далее Катаева вступает во внутренний диалог с ним: «А моя — не моя Украина?!» По сути, данная антитеза и определяет тему всего стихотворения — осознание значения родины в собственной судьбе. Для решения данной задачи Р. Катаева апеллирует к своему жизненному пути и творческому опыту. Родившись в Харькове, поэтесса с детства «впитывала» в себя атмосферу этого города, его «пестрой стремительной жизни». Но ей пришлось глубоко познать и украинскую глубинку:

А врачом начинала, мотаясь по сельским ухабам.
Молодая — в резине — месила полтавскую грязь.
Как любили меня эти хворые сельские бабы,
Мужики не спускали с меня доверяющих глаз ...

Создавая картину полтавской души, Р. Катаева следует, восходящей к А. Пушкину, традиции употребления элементов народно-разговорной речи в поэтическом произведении. Употребление таких прозаизмов, как: «месить грязь», «бабы», «мужики» придает языку стихотворения сочный, экспрессивно-эмоциональный окрас. Для русскоязычной лирики Украины характерно использование «суржиковых» слов (украинизмов), образованных из русского корня по украинским грамматическим нормам. Так, в данном стихотворении встречаем прилагательное «хворые», которое в украинской речи употребляется довольно часто и официально, а в русском языке приобретает характер разговорной и стилистически сниженной лексики. С помощью этого приема поэтесса достигает эффекта душевной близости с читателями. Украинская земля «подарила» поэтессе любовь, счастье материнства, но самое главное — вдохновение: «Из усталой земли — беспокойную черпала силу / И мечтала о новой, ее возрожденной весне». Стихотворение имеет кольцевую композицию — последний стих в точности повторяет первый, однако интонация его меняется: «Украина моя..? И — моя, и моя Украина!». Таким образом, поэтесса как бы завершает свой внутренний диалог, утверждаясь в мысли о том, что ее жизненный и творческий путь тесно связан с Украиной.

Мотив любви к Большой Родине находит свое продолжение и в ряде других стихотворений, таких как: «Украинская мова» (сб. «Перед грозой» 1990), «Заграница» (сб. «Крутые дожди» 1997), «Украине» (сб. «Ступени» 2008).

Значительная часть патриотической лирики Р. Катаевой посвящена ее Малой Родине — Харьковщине. «Тексты» жизни и лирики Риммы Александровны переплетаются на улицах, площадях и скверах этого города. Харьковские мотивы звучат во многих стихотворениях, которые печатались в различных сборниках: «Порог» (1983), «Рябиновая ветка» (1987), «Майский снег» (1989), «Перед грозой» (1990), «Времена души» (1994), «Крутые дожди» (1997), «Страх и надежда» (2001). «Ступени» (2008), «Сентябрины, мои сентябрины...» (2012).

В 2004 году Римма Катаева публикует книгу стихов с красноречивым

названием «Харьков — судьба моя», куда вошла как ранняя, так и поздняя лирика поэтессы. В каком же облики предстал Харьков перед Риммой Катаевой, какие краски ей удалось привнести в уже существующую довольно обширную палитру? Прежде всего надо сказать, что видение города у Р. Катаевой сугубо индивидуальное. Она вносит новые черты в привычный облик, создает свой неповторимый, «непостижимый» город. «У змалюванні Харкова Римма Катаєва знаходить свої фарби й відтінки; перечеитаємо хоча б її «Ранний снег в Харькове», «Наша площа», «Выборы–89 в Харькове», «Октябрь», «Городская трава», «Сирень, сирень...», «И снова пишу я о лете...» — і, певен, що зачеплять за живе чимало її небуденних рядків, образів», — утверждает поэт и литературный критик В. Романовский.

В своей «харьковской» лирике Р. Катаева придает огромное значение топонимике города. Образ города рисуется на противопоставлении: Харьков военного времени и Харьков после войны. Стоит отметить единожды употребленную номинацию «город-герой», применяемую поэтессой к Харькову военных лет:

Немало горя, горечи изведав,
Свой подвиг совершил и город мой:
Он дал стране оружие Победы,
И хочется сказать о нем — Герой

Система атрибутивных характеристик города представлена эпитетами: «одержимый», «пестрый», «стремительный» и т.д.; метафорами: «ты мне дружбу дарил, ты давал мне совет», «породил меня город», «и увидев, как солнце мое расколосось, / Ты осколки собрал и такой закатил мне рассвет...». Харьков является источником ее жизненных сил и вдохновения.

Общий локус Харькова Р. Катаева делит на улицы, площади, районы и переулки. Все городское пространство в лирике поэтессы разделено на большие и малые географические объекты. К большим — в ее стихах относятся район — Холодная гора; площадь — «наша площадь» (Площадь Свободы); главные улицы города — Сумская, Грековская, Пушкинская. К малым — дворики, которые определяются как «любимые» и секреты которых «интересно раскрывать». Самая малая форма выражения географического пространства — тротуары и перекрестки, по которым можно шагать «чувствуя, что дома, / ... не замечая ни единой опечатки». В теме городского ландшафта Харькова фигурирует образ парков и окраин: сад им. Шевченко, Старый Салтов, Сквородиновка. Р. Катаева рассматривает «окраину» как место уединения, самоуглубления, сближения с природой:

Любовь моя — Сквородиновка!
Здесь оглушает тишина,
И так вольготно, так рябиново
Глядит лесная гущина.

Большую роль в лирике Р. Катаевой играет образ природы, созданный с помощью категорий «времена года» и «стихии».

Наиболее часто город представлен в осеннее время. Изображение осени происходит через атрибутивную характеристику: «пестрая», «красивая», «грибная», она «в янтарных тайнах утопает». Образ весны поэтесса также реализует посредством эпитетов: «отважный», «упруг», «хорош собою», «босой». Особое место в раскрытии образа зимы занимает категория «снег»:

Снег довоенного Харькова:
Мягкий, пушистый, теплый
* * *

...Снег моего детства –
Казахский, суровый, льдистый
* * *

... Снег моего детства —
Сибирский, горячий, жгучий.

Сопоставление эмоционально-чувствительного восприятия снега в довоенное время и в период Великой Отечественной (во время войны поэтесса с семьей была эвакуирована в Казахстан, затем, по вызову раненного отца, — в Сибирь) подчеркивает очерствляющее влияние войны на души детей, безвременно повзрослевших. Военная тематика находит свое продолжение в наиболее интересных стихах поэтессы: «Харьков, 22 июня...», «Память», «Конфеты», «Победа», «Концу войны уже подходит срок...», «Балладе о побеге», «Харькову» и в поэме «Мое поколение».

Возвращаясь к анализу изображения категории «времена года» в лирике поэтессы, цитирую строки из ее стихов:

Я лета не люблю.
Пыль, вялость, комарье,
От наглости жары с ума схожу, хмелея,
И сад, и сень, и лень – все это не мое,
И не толкуются в стих июльские аллеи.

Однако образ лета Р.Катаева неразрывно связывает со стихией воды, которой поэтесса придает повышенную метафоричность, наделяя ее свойствами святыни:

Журавлевка моя, Журавлевочка!
Как ты наши смывала грехи! ...

Не случайно это стихотворение стало песней.

Однако главное в творчестве Риммы Александровны — изображение образа харьковчан, которое имеет весьма вариативный характер и содержит в себе либо историко-культурную память (Сковорода, Кобзарь, Бекетов), либо ссылки на биографию поэтессы: «Особливим ліризмом вивопнені рядки про все те, що пов'язане з рідним краєм. І все ж особлива увага — людям. Ціла галерея імен проходить перед читачем. Славних трудівників, небуденних, різних професій, уподобань, смаків, але завжди гордих тим, що вони із Слобожанської столиці», — справедливо отмечает эту особенность поэтики Р.Катаевой В.Романовский. В подтверждение этих слов приведем примеры стихотворений, посвященных харьковским поэтам и литературным деятелям: «Человек» (о «поводыре» — Викторе Тимченко), «Судьба поэта» (о Борисе Чичибабине), «Украинскому поэту» (о Роберте Третьякове), «Загадка» (об Анатолии Мирошниченко). Особенно трогательно стихотворение, посвященное старшему поколению харьковчан, которых Римма Катаева ласково называет «старики»:

Я люблю вас, харьковские старики.
По Сумской, по Грековской, по Пушкинской, —
Бродите с улыбкой — вопреки
Горечи, что временем отпущена.

Красочная палитра Р. Катаевой разнообразна и насыщена. В лирике поэтессы наиболее часто употребление зеленого цвета. Как и другие цвета, он обладает смысловой двойственностью и многозначностью. Чаще всего символика этого цвета определяется его связью с растительностью и рассматривается как символ жизни, роста, гармонии: «зелень сосен», «зеленый зимний сад», «зеленые бульвары». Нередко введение этого цвета в ткань текста сопровождается аллитерацией:

...И я влюбляюсь в эту зелень
Еще зелеными глазами.

Также в харьковском тексте фигурирует колористическая оппозиция белый / черный: «черная ночь» / «белый свет». Белый цвет передает легкость, чистоту, незапятнанность, невинность, добродетель. В топонимическом содержании Харькова находим: «белая акация», «белая даль», «белый бант», а также единичное совмещение двух насыщенных цветов: «красным по белому».

Говоря о патриотической лирике Р. Катаевой в целом, необходимо отметить богатую палитру художественных средств выразительности, которые поэтесса применяет с целью подчеркнуть свои чувства к Украине.

В стихах, посвященных родине, Р. Катаева избегает политической полемики, им не присуща острая публицистичность художественной мысли. Поэтесса воспринимает судьбу страны как свою собственную, неразрывно связав себя с нею:

Естественный выбор — я здесь навсегда.
А если случится большая беда?
В глаза — даже смерти! — достойно смотреть,
Но только б на этой земле умереть.
Чтоб здесь, над могилой ромашки цвели,
И пели над нею мои соловьи,
Чтоб прах мой навечно укором дышал
Тому, кто по-черному судьбы решал.

Несмотря на все горести жизни, Римма Катаева остается оптимистом. Ее новые стихотворения полны самоиронии, веры в будущее и жажды жизни:

Устала зваться умницей,
Мне по сердцу б — дурехой, —
И распахнутся улицы
Улыбкою черемух.
Долой все предсказания
Интуитивной спеси! —
И заиграют заново
Слова забытой песни.
И падать в негу слезную,
И от души смеяться,
Забыв про боль стервозную, —
Так просто, по-дурачки.

Авторы журнала

Биографические справки

БАЗИЛЕВСКИЙ Владимир Александрович родился в пгт Павлиш Кировоградской области (1937). Окончил филологический факультет Одесского университета им. И. Мечникова (1962). Украинский поэт, критик, публицист. Член Союза писателей Украины (1972). Член комитета Национальной премии Украины им. Т. Шевченка (1999). Лауреат Государственной премии Украины им. Т. Шевченка (1996) за книгу «Вертеп», литературной премии им. П. Тычины (1990) за книгу «Колодязь». Живёт в г. Киеве.

БИНКЕВИЧ Алексей Станиславович родился в г. Джамбуле (сейчас Тараз), Казахстан (1943). Закончил Самборский (Львовской обл.) статистический техникум. Поэт, переводчик. Лауреат муниципальной премии имени Бориса Слуцкого и Международной литературной премии имени Расула Гамзатова. Живёт в г. Харькове.

КАЛЪЯН Ксения Александровна родилась в г. Харькове (1990). Окончила факультет иностранной филологии ХНПУ им. Г. С. Сковороды (2013), факультет иностранных языков в ХНУ им. В. Н. Каразина (2014). Аспирантка кафедры мировой литературы ХНПУ им. Г. С. Сковороды. Автор 5 научных публикаций. Живёт в г. Харькове.

САВЕЛЬЕВ Константин Васильевич (1957-2016). Закончил Литературный институт (Москва). Печатался в журналах, альманахах, сборниках, автор двух книг поэзии. Член НСП Украины. Жил в г. Харькове.

СЛАВЯНИН Виктор Петрович окончил Киевский политехнический институт. Работал в институтах Академии наук УССР. Окончил Высшие литературные курсы Литературного института им. А.М. Горького. Работал литературным редактором в редакциях литературных журналов и издательств Москвы. («Молодая гвардия», «Столица», «Современник»). Публикации в журналах СССР, России, Украины, Молдавии, США, Австралии. Автор шести книг прозы. Член Союза писателей России. Живет в г. Москве.

ПОТИМКОВ Сергей Юрьевич родился в Харькове (1954). Окончил факультет иностранных языков Харьковского государственного университета им. М. Горького. Служил военным переводчиком в Уганде и Эфиопии. Автор и ведущий популярных теле и радиопередач. Заслуженный журналист Украины. Работал в качестве приглашенного преподавателя на факультете журналистики университета штата Мэн (США). Дважды избирался депутатом Верховной Рады Украины. Автор восьми книг. Живет в Харькове.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

Владимир БАЗИЛЕВСКИЙ. На разломе эпох	3
Алексей БИНКЕВИЧ. Калейдоскоп	10
Константин САВЕЛЬЕВ. Святогорский монастырь.....	212
Сергей ПОТИМКОВ. Подарок Родине	222

ПРОЗА

Виктор СЛАВЯНИН. Свой крест	16
-----------------------------------	----

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Ксения КАЛЪЯН. Украина, Харьков в творчестве Риммы Катаевой	229
--	-----

<i>АВТОРЫ ЖУРНАЛА</i>	234
-----------------------------	-----

Литературно-художественный журнал

СЛАВЯНИН

№27

Гл. редактор Л.И. Мачулин
Редактор отдела поэзии Р.А. Катаева

Корректор *А.Н. Балабанова*
Художественный редактор *В.В. Вербицкий*
Вёрстка *А.И. Забродин*

Подписано к печати 30.12.2015. Формат 70x108 1/16.
Бумага офсет. Печать офсет. Гарнитура PragmaticaCond СТТ. Уч.-изд.
л. 14,70. Изд. №8. Зак. №__. Тир. 300 экз.

Учредитель: ООО «Институт Восточно-славянской цивилизации».
61012, Харьков, ул. Полтавский шлях, 9, кв.1, 1А.

Адрес редакции для писем:
а/я 9127, Харьков, 61057, Украина.
е-mail: editor01@list.ru
<http://slvn.org/>

Издатель: Мачулин Л.И.
61057, г. Харьков-57, ул. Рымарская, 17, оф.14.
Свидетельство о госрегистрации: сер. ХК №125 от 24.11.2004 г.
ISSN 2221-9331